

ISSN (Print) 3080-1702

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2>

Gumilyov Journal of Sociology

№2 (151)/ 2025

1995 жылдан бастап шығады

Founded in 1995

Издается с 1995 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

Астана, 2025

Astana, 2025

Бас редактор:
Байгабылов Нурлан Оралбаевич
PhD, қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

*Бас редактордың
орынбасары*

Хакан Гүлердже, PhD,
қауымдастырылған профессор (Түркия)

Жауапты редактор

Айқынбайқызы Алмаш

Редакция алқасы:

Исак Фрумин	PhD, профессор (Германия)
Вейсел Бозкурт	PhD, профессор (Түркия)
Огами Акира	PhD, профессор (Жапония)
Якоб Фрухтманн	PhD, профессор (Германия)
Шаукенова Зарема Каукеновна	ә.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Веселов Юрий Витальевич	ә.ғ.д., профессор (Ресей)
Алин Томус	PhD (Румыния)
Козлова Мария Андреевна	ә.ғ.д., профессор (Ресей)
Отар Эльмира Сәкенқызы	PhD, қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Сәтпаев к-сі, 2, 402 б.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Тел.: +7 (7172) 709500, (ішкі: 35-108)
E-mail: socjournal@enu.kz

Gumilyov Journal of Sociology

Меншіктенуші: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінде тіркелген.

No KZ81VPY00114486, 11.03.2025 ж.

Мерзімділігі: жылына 4 рет.

Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі, 13/1,
тел.: +7(7172)709-500, (ішкі 35-108)

Editor-in-Chief
Baigabylov Nurlan
PhD, Associate Professor (Kazakhstan)

Deputy Editor-in-Chief **Hakan Gülerce**, PhD,
Associate Professor (Türkiye)

Responsible editor **Aikynbaikyzy Almash**

Editorial board:

Isak Froumin	PhD, Professor (Germany)
Veysel Bozkurt	PhD, Professor (Türkiye)
Ogami Akira	PhD, Professor (Japan)
Jakob Fruchtman	PhD, Professor (Germany)
Shaukenova Zarema	Doctor of Sociology, Professor (Kazakhstan)
Veselov Yuri	Doctor of Sociology, Professor (Russia)
Alin Tomuş	PhD (Romania)
Kozlova Maria	Doctor of Sociology, Professor (Russia)
Otar Elmira	PhD, Associate Professor (Kazakhstan)

Editorial address: 2, Satpayev str., of.402, Astana, Kazakhstan, 010008
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Tel.: +7 (7172) 709500, (ext.: 35-108)
E-mail: socjournal@enu.kz

Gumilyov Journal of Sociology
Owner: L.N. Gumilyov Eurasian National University
Registered by the Ministry of Culture and information of the Republic of Kazakhstan.
Certificate of registration No. No KZ81VPY00114486 from 11.03.2025
Periodicity: 4 times a year
Address of printing house: 13/1 Kazhimukan str., Astana, Kazakhstan 010008;
tel.: +7(7172) 709-500, (ext.: 35-108)

Главный редактор
Байгабылов Нурлан Оралбаевич
PhD, ассоциированный профессор (Казахстан)

Заместитель главного редактора **Хакан Гулердже, PhD**
ассоциированный профессор (Турция)
Ответственный редактор **Айқынбайқызы Алмаш**

Редакционная коллегия:

Исак Фрумин	PhD, профессор (Германия)
Вейсел Бозкурт	PhD, профессор (Турция)
Огами Акира	PhD, профессор (Япония)
Якоб Фрухтманн	PhD, профессор (Германия)
Шаукенова Зарема Каукеновна	д.с.н., профессор (Казахстан)
Веселов Юрий Витальевич	д.с.н., профессор (Россия)
Алин Томус	PhD (Румыния)
Козлова Мария Андреевна	д.с.н., профессор (Россия)
Отар Эльмира Сәкенқызы	PhD, ассоциированный профессор (Казахстан)

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2, каб. 402
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Тел.: +7 (7172) 709500, (вн: 35-108)
E-mail: socjournal@enu.kz

Gumilyov Journal of Sociology
Собственник: Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан.
Свидетельство о постановке на учет No KZ81VPY00114486 от 11.03.2025 г.
Периодичность: 4 раза в год
Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1,
тел.: +7(7172)709-500, (вн.35-108)

МАЗМҰНЫ/ CONTENT/ СОДЕРЖАНИЕ

З.Т. Абетова, Д.Б. Исакова, Ф.Д. Жумаканова, Ш.С. Исабаева. Жастар көші-қоны бойынша жаңа теориялық дикурс: тәсілдерге шолу.....	
Z.T. Abetova, D.B. Isakova, F.D. Zhumakanova, Sh.S. Issabayeva. New theoretical discourses on youth migration: a review of approaches.....	
З.Т. Абетова, Д.Б. Исакова, Ф.Д. Жумаканова, Ш.С. Исабаева. Новые теоретические дискурсы молодежной миграции: обзор подходов.....	7
Хаяти Беширли. Жоғары білім берудегі цифрландырудың жеке тұлғаға әсері.....	
Hayati Beşirli. The effects of digitalization on the individual in higher education.....	
Хаяти Беширли. Влияние цифровизации на личность в высшем образовании.....	26
Г.М. Бураканова, А.А. Маймакова, А.Г. Оразгалиева, Н.О. Байгабылов. Қазақстандық жастар арасында сыбайлас жемқорлыққа қарсы этиканы қалыптастыру: медиаәлемінің ықпалы.....	
G.M. Burakanova, A.A. Maimakova, A.G. Orazgaliyeva, N.O. Baigabylov. Study of Anti-Corruption Ethics among Kazakhstani Youth: Media World's Possibilities.....	
Г.М. Бураканова, А.А. Маймакова, А.Г. Оразгалиева, Н.О. Байгабылов. Формирование антикоррупционной этики у казахстанской молодежи: влияние медиапространства.....	41
Ш.Қ. Жарқынбекова, Б.Х. Галиева, Г.Қ. Аюпова. Құндылық басымдықтардың ғылыми-метриялық талдау: тенденциялар мен болашағы.....	
Sh.K. Zharkynbekova, B.Kh. Galiyeva, G.K. Ayupova. Scientometric analysis of value priorities: trends and perspectives.....	
Ш.К. Жарқынбекова, Б.Х. Галиева, Г.К. Аюпова. Наукометрический анализ ценностных приоритетов: тенденции и перспективы.....	54
Р.Б. Италмасова, Н. Сагидолда. ҚР мемлекеттік тіл саясатын іске асыру: сараптамалық бағалау.....	
R.B. Italmasova, N. Sagidolda. Implementation of the state language policy of the RK: expert assessment.....	
Р.Б. Италмасова, Н. Сагидолда. Реализация государственной языковой политики РК: экспертная оценка.....	70
Ж. Кочийигит, К. Бодаухан. Мемлекеттің әлеуметтік наразылықтарға реакциясы: азаматтық қоғам мен мемлекет арасындағы диалог динамикасын зерттеу.....	
Zh. Kochiigit, K. Bodaukhan. State response to social protests: exploring the dynamics of civil society and state dialogue.....	
Ж.Кочийигит, К. Бодаухан. Реакция государства на социальные протесты: изучение динамики диалога гражданского общества и государства.....	90
Г.А. Макулбаева, Ж.Ж. Давлетбаева, М.М. Дюсенов, А.В. Загребин. Қазақстандағы институттарға сенімнің негіздері.....	
G.A. Makulbayeva, Zh.Zh. Davlethbayeva, M.M. Dyussenov, A.V. Zagrebin. Origins of institutional trust in Kazakhstan.....	
Г.А. Макулбаева, Ж.Ж. Давлетбаева, М.М. Дюсенов, А.В. Загребин. Основы доверия к институтам в Казахстане.....	102

А.С. Мустафина, А.Ә. Саттар. Жұмыссыздардың экономикалық белсенділігін арттыру: белсендіру саясаты және мотивациялық стратегиялар.....	
A.S. Mustafina, A.A. Sattar. Increasing the economic activity of unemployed: Activation policy and motivational strategies.....	
А.С. Мустафина, А.А. Саттар. Повышение экономической активности безработных: политика активизации и мотивационные стратегии.....	114
Э. Отар, А.Е. Мантаева. Мәдениетаралық некелер және әлеуметтік бейімделу: шетелдік азаматтарға тұрмысқа шыққан қазақстандық әйелдердің онлайн репрезентациясы.....	
E. Otar, A.Y. Mantayeva. Intercultural marriages and social adaptation: online representation of Kazakhstan women married to foreign citizens.....	
Э.С. Отар, А.Е. Мантаева. Межкультурные браки и социальная адаптация: онлайн-репрезентация казахстанских женщин, вышедших замуж за иностранных граждан.....	133
А.Н. Родионов. Мәдени жәдігерлер арқылы ұлтты тану: Қазақстандағы көше атауларын өзгерту ұлт қалыптастыру үдерісі туралы не айта алады?.....	
A. Rodionov. The Nation through Cultural Artifacts: What Can Renaming Streets Tell Us about Nation-Building in Kazakhstan?.....	
А.Н. Родионов. Нация через культурные артефакты: что переименование улиц может рассказать нам о формировании нации в Казахстане?.....	145
Қ.С. Тел, Б.Ж. Смағамбет. Қазақстандағы кәсіптердің әлеуметтік мәртебесі: КӘЖ және инвестициялық саясаттың рөлі.....	
K.S. Tel, B.Zh. Smagambet. Social status of professions in Kazakhstan: the role of corporate social responsibility and investment policy.....	
Қ.С. Тел, Б.Ж. Смағамбет. Социальный статус профессий в Казахстане: роль КСО и инвестиционной политики.....	158
А.Б. Шабденова, В.А. Кузьменков. Орта білім беру ұйымдарының қызметі: шарттары мен шектеу аспектілері (TALIS халықаралық сауалнамасына сәйкес).....	
A.B. Shabdenova, V.A. Kuzmenkov. Activities of secondary education organizations: conditions and limiting aspects (according to the international TALIS survey).....	
А.Б. Шабденова, В.А. Кузьменков. Деятельность организаций среднего образования: условия и ограничивающие аспекты (по данным международного опроса TALIS).....	173

МРНТИ 04.41.21

Обзорная статья

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-7-25>

Новые теоретические дискурсы молодежной миграции: обзор подходов

З.Т. Абетова*¹, Д.Б. Исакова*², Ф.Д. Жумаканова*³, Ш.С. Исабаева¹

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

²Академия государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан

³Карагандинский технический университет им. А. Сагинова, Караганда, Казахстан

(E-mail: ¹abetova_zt@enu.kz, ²iskakova.dariya@bk.ru)

Аннотация. В XXI веке масштаб международной молодежной миграции постоянно растет, и этот процесс становится типичным явлением социально-экономической жизни современного мира.

Цель работы - сформировать релевантный теоретико-методологический анализ процесса в контексте социальных процессов современности.

Научная и практическая значимость работы: выводы, сформулированные в работе, могут служить теоретической базой для проведения дальнейших исследований в области изучения миграционных проблем среди молодежи.

За методологическую основу анализа выбраны актуальные научные подходы транснационализма, парадигма «мобильности» и экономические теории.

Результаты исследования – обзор новых теоретических подходов к проблематике международной миграции молодежи позволил выделить ключевые концепты и объяснения, сопоставление различных концептуальных рамок относительно исследовательских решений о механизмах регулирования международной молодежной миграции с учетом специфики современного социального и экономического контекста.

Выводы: новые теоретические подходы требуют учитывать социальные, культурные и экономические связи молодых мигрантов и принимающих обществ, а также текущие социально-экономические и культурные процессы.

Работа вносит важный вклад в релевантное аналитическое понимание процесса международной молодежной миграции с различных дисциплинарных точек зрения и методологических инструментов.

Практическое значение итогов работы: проведенный анализ позволяет сформировать концептуальные рамки анализа эффективной молодежной миграционной политики в стране.

Ключевые слова: теоретические дискурсы миграциологии, международная миграция, трудовая миграция, молодежная миграция.

Введение

В отечественных исследованиях международной молодежной миграции есть существенный пробел – отсутствие релевантных актуальных методологических подходов в анализе международной миграции в контексте глобальных процессов современности, значимым актором которой является молодежь.

Актуальность темы определяется общим интересом к проблеме молодежной международной миграции, теоретической и практической значимостью темы при отсутствии релевантных методологических обзоров по ее проблематике. Международная миграция – структурная особенность современных общественных процессов, однако теоретическая база для понимания ее следствий и тенденций остается неопределенной, концепции сегментированы дисциплинарными границами. Миграционные процессы трансформируют современный социальный ландшафт и требуют комплексного применения инструментария разных дисциплин, дискуссионного поля точек зрения и новых концептуальных предположений.

Она порождает и формирует дебаты, которые включают вопросы принадлежности и исключения; социальной мобильности и неравенства; конфликтов, насилия и преследования; экономического роста и динамики рынка труда; государственного регулирования, управления и государственности; а также разнообразия и новаторства.

Учитывая размер и масштабы современных миграционных потоков, возможность напряженных и конфликтных ситуаций, связанных с ростом поликультурных обществ и неопределенности по всему миру, изучение темы международной молодежной миграции является одним из самых актуальных в настоящее время.

Миграционные потоки и мобильность вызывают серьезные экономические, социальные, политические, экологические и этические проблемы, и становится очевидной необходимость переосмыслить и раскрыть их ключевые концепции междисциплинарными способами.

Неотъемлемой частью глобальных процессов стало и движение интеллектуальных ресурсов – информации, научных идей, технологий, квалифицированных кадров. Конкуренция за лучшую молодежь становится существенным фактором развития для многих стран. Казахстану сегодня в полной мере приходится отвечать на вызовы глобального миграционного режима. Все эти процессы требуют глубокого научного осмысления.

Объект – внешняя миграция молодого населения страны. Предмет исследования: релевантный теоретико-методологический инструментарий анализа процесса молодежной международной миграции. Цель работы – формирование релевантного теоретико-методологического инструментария для анализа процесса молодежной международной миграции в контексте социальных процессов современности. Для достижения поставленной цели выделены следующие задачи:

1. Изучить теоретико-методологическое обоснование миграционных процессов в среде молодежи.
2. Выявить факторы, побуждающие молодежь к международной образовательной и трудовой миграции.

Методология исследования

Методология концептуализации исследования – это актуальные научные подходы – концепция «мобильности» Дж. Урри (Urry, J., 2004; Урри Дж., 2012а; Урри Дж., 2012б; Sheller, M, Urry, J., 2003; Sheller, M, Urry, J., 2006), «текучей современности» З. Баумана (Бауман З., 2008; Bauman, 2000; Бауман З., 2004), транснациональная парадигма, новые экономические подходы. Данные подходы помогают понять миграционные процессы в современном мире, в котором социальная мобильность профессиональных и социально-демографических групп определяет динамику экономико-политических процессов и влияет на проблемы культурно-идентификационных границ в принимающих сообществах. Новые подходы исследуют изменения на современном рынке труда, вызванных трудовой и образовательной миграцией.

Исследовательские вопросы и стратегия исследования – это сопоставление различных концептуальных рамок в исследовательских решениях относительно подходов анализа международной молодежной миграции, выделение их ключевых концептов и объяснений.

Гипотеза: ключевые концепты и объяснения миграциологии, направленные на анализ процессов международной молодежной миграции, выделяют ее качественные характеристики, определяемые спецификой современного глобального культурного контекста. Молодежь, в том числе и Казахстана, активно вовлечена в современные процессы, ведущим из которых является внешняя трудовая и образовательная миграция.

Одним из актуальных подходов социологии миграциологии являются концепция текучей современности З. Баумана (Бауман З., 2008). Согласно концепции З. Баумана, становящийся социум постмодерна может быть только «текучим». «Текущий» социум — метафора, описывающая текущие социальные реалии в глобальном мире постмодерна, в котором характерными чертами являются быстрота изменений, нестабильность и отсутствие постоянства. В данном контексте становление социума постмодерна представляется как непрерывный процесс, в котором все устойчивые и продолжительные формы организации и социальных отношений сменяются более временными.

Основной идеей З. Баумана является то, что традиционные институты и структуры, которые обеспечивали стабильность и устойчивость в предыдущих социальных порядках, теперь теряют свою силу и влияние в постмодернистском обществе. Вместо этого, все большую значимость приобретают непостоянные и гибкие формы социальных связей и отношений (Бауман З., 2008).

Бауман З. призывает нас к пониманию неопределенности текучего мира, а также к развитию новых способов мышления и действия, которые соответствуют динамическому и нестабильному характеру постмодернистского мира (Бауман З., 2004: 132–133).

Концептуальный подход «текучего» социума З. Баумана помогает осознать особенности постмодернистского общества и призывает к разработке новых стратегий и подходов для успешной навигации в этом быстро меняющемся и неустойчивом социальном контексте.

Особый интерес представляет социально-ориентированный подход в анализе процесса международной миграции в социальных науках в парадигме мобильности Дж. Урри (Sheller, M, Urry, J., 2006).

«Парадигма мобильности» была сформулирована британским социальным теоретиком Дж. Урри (Урри Дж., 2012а). Мобильности – это атрибуты социальной жизни и культурной идентичности, которые взаимно преобразуют друг друга. Культуры мобильны вследствие мобильностей, которые поддерживают различные паттерны социальности.

Согласно базовой гипотезе нашего исследования, казахстанское общество и особенно его молодые акторы, вовлечены явно или косвенно в современные процессы, ведущим из которых является трудовая и образовательная миграция. Мы обратились к современным концепциям мобильности в поиске концептуального решения вопроса о всплеске в последние годы внешней миграции молодежи. Какие факторы являются движущей силой молодежной образовательной миграции?

В опросе приняли участие 65 выпускников школ, 86 выпускников лицеев, 30 выпускников гимназии, 140 выпускников колледжей и 330 выпускников бакалавриата вузов в городах Нур-Султан, Актобе, Уральск, Алматы, Петропавловск (Абетова З.Т., Исакова Д.Б., 2022).

Социальная динамика через призму категории «мобильности», которая становится вершиной ценности современного молодого актора, определяется как главный стратифицирующий фактор современной эпохи. Взаимозависимые «мобильности» организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (и реформируют) ее контуры (Урри, 2012б:135-136).

Новые системы мобильности – это «потoki», что образуют люди, образы, информация, деньги, инфраструктурные объекты, и они бесконтрольно пересекают национальные границы (Урри, 2012б:115.). Доступ к каналам перемещения этих потоков, определяя степень вовлеченности в мобильность, становится показателем социальной исключенности для тех групп, у которых есть барьеры, что формирует новые формы глобального неравенства в системе мобильности и перемещений для определенных групп и стран.

Сетевая социальность зависит от сетевого капитала: «использование автомобилей, поездов, автобусов и метро, самолетов, такси, отелей, при помощи телефонов, факсов, автоответчиков, голосовой почты, видеоконференций, мобильных, интернет-чатов, дискуссионных форумов, списков рассылки и веб-сайтов» (Урри, 2012б: 397).

Сетевой капитал – центральная идея концепции Урри, в которой «восемь элементов, которые в сочетании друг с другом и производят отчетливый стратифицирующий порядок, стоящий сейчас наравне с социальным классом, социальным статусом или партией» (Урри, 2012б: 362).

Урри выделил концепт «место» – как совокупность пространств, в которых соединяются, взаимодействуют и фрагментируются различные области реляционных сетей и потоков. Эти “места” образуют сегодня пространство мобильных мигрантов, подвижных реляционными сетями сложными маршрутами, где их местопребывание не фиксировано и не задано. Пространства существуют лишь благодаря движению, активируются совокупностью движений, происходящих в их пределах, видоизменяющие реакции людей на возможности и ограничения в труде, семейной жизни, в досуге и развлечениях.

Новые нарративы миграции формируются цифровой конвергенцией и интерактивностью разнообразных видов медиа. Медийные продукты создают множество новых

темпоральностей: потребление события, своеобразное перемещение в воображении, становятся частью повседневной жизни современных акторов, подрывая историческое ощущение места.

Концептуальные положения данной парадигмы «мобильности» дают новое аналитическое понимание сложных жизненных практик миграционной мобильности или их мобилизации в различных масштабах.

Транснациональная парадигма – это «новая аналитическая оптика» с выделяемым концептом «транснационализм», которая определяется как место политической активности и реконструкция «места» или местности (Vertovec, 1997: 447).

Вертовец в рамках данного подхода указывает, что транснациональные практики мигрантов коренным образом трансформируют социальные, политические и экономические структуры одновременно на родине и в местах их текущего проживания (Vertovec, 2001).

Международная миграция понимается как процесс, в котором акторы миграции создают новые транснациональные социальные пространства, и где одновременно функционируют социальные сети принимающих и «выталкивающих» обществ. Соответственно при изучении специфики сетей мигрантов необходимо исследовать их социальные, культурные и экономические связи. Некоторые исследователи, такие, как Tedeschi, M., Schiller et al. (1992b) определяют транснационализм как «процессы, с помощью которых иммигранты создают социальные поля, связывающие воедино их страну происхождения и страну проживания».

М. Тедески, Е. Воробьева, Ю.С. Яухийнен (Miriam Tedeschi, Ekaterina Vorobeva & Jussi S.) сделали теоретический и эмпирический обзор транснациональной парадигмы, где перечислили индикаторы для измерения транснационализма (трансграничные практики, разделенные на повседневные и экстраординарные), основанные на физической мобильности людей, виртуальной мобильности и космополитическом потреблении и компетенциях, также переменные, относящиеся к транснациональному происхождению и частным сетям, например, родились за границей, имеют более одного гражданства, имеют одного из родителей, родившихся за границей, есть партнер, родившийся за границей, или есть члены семьи или друзья из других стран. Конкретное измерение «экстраординарных практик» демонстрирует, на их взгляд, текучесть и меняющийся характер явления; они предлагают сосредоточить внимание на их интенсивности и влиянии, которое они оказывают на идентичность мигрантов и чувство их принадлежности, особенно в современный информационный век.

Результаты

Рассмотренные подходы в парадигме мобильности позволяют резюмировать, что постмодернистский мир в контексте миграционных процессов – это мир, в котором формируются транссоциальные связи и отношения, не заданные физическими расстояниями локальных пространств, это транснациональные социальные пространства, в котором новые формы мобильности играют ключевую роль в формировании мобильных сетей, меняющие рамки социального опыта перемещающихся акторов, особенно молодежи как значимого агента современных миграционных перемещений.

Большинство типов социальной солидарности становятся в системе мобильностей более условными и мобильными, а социальная жизнь и культурная идентичность в системе мобильности взаимно формируют и преобразуют друг друга.

Транснациональная мобильность фреймирует формы социального взаимодействия между акторами мобильного мира, поддерживает основные ее нарративы, ее образы и символы, формируются новые пространственные неравенства. Для многих мест, для жителей, которые считают себя частью «сообщества», характерны высокая степень неравенства в социальных отношениях (деление по признаку класса, гендера, этничности, возраста) и враждебность ко всему внешнему. Противостояние аутсайдеру, чужаку часто выступает элементом того механизма, благодаря которому устанавливаются и поддерживаются локальные отношения неравенства. Влияние такого рода «силовой иерархии» ведет к исключению и маргинализации международных мигрантов.

Транснациональный подход дал представление о транснациональной миграционной мобильности как стратегии людей, направленной на увеличение выгод и повышение устойчивости. Он предлагает переосмыслить феномен международной мобильности как сеть связанных маршрутов в условиях современной гибридно-дополненной реальности, включающей физическое и цифровое пространство, в котором стремление мигрантов к возвращению связано с множеством национальных и транснациональных идентичностей, которые люди создают или разрушают, живя между гибридными транснациональными пространствами.

Согласно этому подходу, молодежь как акторы международной миграции развивают и поддерживают множественные отношения и идентичности, связанные с их вовлечением в различные пересекающиеся экономические, социальные и политические области.

Транснациональный подход также рекомендует изучать влияние на миграционную мобильность трансграничных и национальных правовых и нормативных требований.

Адаптация акторов миграции в новой среде – это: «транснациональные практики, воссоздающие чувство общности, основаны на культурном понимании принадлежности и взаимных обязательств» (Itzigsohn, Saucedo 2002: 767). Акторы международной миграции расширяют активность как в символической форме на основе сохранения мигрантами идентификации со страной происхождения, так и экономической форме, выступая как инвесторы в локальные экономики своих стран.

Анализ исследовательских подходов относительно международной трудовой миграции позволил выделить следующие подходы в понимании миграционных процессов:

1. Международная миграция определяется структурными требованиями современной индустриальной экономики согласно подходу двойной сегментации рынка труда (John R. Harris, Michael P. Todaro, 1970; Тодаро, 1976; Todaro, Michael P., 1976).

Основные выводы исследователей сегментации рынка труда таковы: агенты трудовой миграции удовлетворяют структурные потребности «новой экономики», что приводит к серьезным проблемам социальной политики в принимающих странах (D.S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor, 1993).

2. *Подход неоклассической экономики рассматривает миграцию как решение семьи, решившей минимизировать риски для семейного дохода в условиях различий в уровне заработной платы и условиях занятости между странами. Рациональные субъекты предпочитают переезжать туда, где они могут быть максимально продуктивными,*

учитывая свои навыки (Michael P. Todaro, 1989), (Todaro, 1994). (Harris, Todaro 1970), (Williamson, 1988).

3. Исследователи, придерживающиеся теории социального капитала, утверждают, что внутри любой иммиграционной системы с течением времени развиваются и расширяются социальные сети, которые обеспечивают социальную инфраструктуру, способную поддерживать международную миграцию перед лицом барьеров. Через сети мигранты получают доступ к информации и помощь (Singer and Massey 1999).

4. С экономической точки зрения иммиграция происходит не из-за простой разницы в заработной плате между бедными и богатыми странами, а из-за распространения экономического развития на быстрорастущее население третьего мира, а также из-за постоянного спроса на низкооплачиваемых рабочих в развитых странах (Massey, 1990a, 1990b).

Международную миграцию экономисты определяют как «четко определенный социальный процесс, на который влияют количество и качество человеческого и социального капитала» (Audrey Singer, Douglas S. Massey, 1998). Они выяснили, что по мере того, как люди приобретают опыт пересечения границы, они меньше полагаются на помощь других и больше на свои способности, отточенные в предыдущих поездках, заменяя, таким образом, человеческий капитал, связанный с миграцией, общим социальным капиталом.

5. Теория относительной депривации (Stark and Yitzhaki, 1988), исследовавшая взаимосвязь между трудовой миграцией и относительной депривацией, интерпретирует миграцию из одной контрольной группы в другую как реакцию мигрирующих на относительную депривацию. Анализ позволил им определить неравенство доходов как отдельную объясняющую переменную миграции, создающую стимул для миграции в ситуациях, когда подход, основанный на принципах общественного благосостояния, не работает.

О. Старк и Дж. Э. Тейлор (Stark and Taylor, 1989, 1991; Stark, 1991), исследуя роль относительной депривации в стимулах к миграции, отметили важность стимулов к абсолютному доходу и относительной депривации для внутренней и международной миграции в домашних хозяйствах развивающихся стран.

6. Сетевой подход – актуальная исследовательская стратегия анализа миграционного движения на микроуровне, которая фокусируется на исследовании того, как влияют сетевые связи (дружеские, родственные и иные) на трудовую мобильность и адаптацию мигрантов в новых местах пребывания. По мере роста распространения миграция меняет ценности и культурные представления мигрирующих.

Для молодых людей миграция – это обряд перехода, и те, кто не пытается поднять свой статус за счет международной миграции, считаются ленивыми, резюмирует Рейхарт (Reichert, 1982). Знания о зарубежных местах и рабочих местах стали широко распространенными, а затем ценности, настроения и поведение, характерные для принимающего общества, широко распространяются внутри страны или региона отправления (Massey, 1990; R Alarcón., 1992).

7. Исследователи, изучавшие влияние иммиграционных программ и различных социальных факторов на намерения мигрирующих по повторной миграции, опираясь на опросы мексиканских мигрантов после депортации (Daniel E. Martínez, Jeremy Slack,

Ricardo D. Martínez-Schuldt, 2018), предсказывают провал иммиграционной политики и правоприменительных программ, когда они противопоставляются мощной силе семьи и дома. Их результаты ориентируют на более глубокое понимание сложной природы несанкционированной миграции в эпоху усиления депортации.

Л. Карон подчеркивает понимание иммиграционных намерений акторов как механизм интеграции как со страной проживания, так и со страной предполагаемого назначения, сравнивая детерминанты намерений международной мобильности среди поколений иммигрантов (Louise Caron, 2020).

Факторы, выталкивающие молодых мобильных граждан страны, связаны, как показывают статистические данные и результаты опросов, как с общими трендами международной миграции, так и внутренними локальными факторами. Профиль международной молодежной миграции негативно влияет на рынок трудовых ресурсов локальных рынков развивающихся стран, снижает качество их трудового потенциала и возможности экономического развития общества.

Система статистического учета международной миграции по демографическим показателям с учетом мотивации выталкивания в стране отсутствует и нет реальной картины масштабов молодежной миграции. Мы можем извлечь из статистических источников лишь общую картину внешней миграции в стране, которая подтверждает гипотезу исследования. Образовательный профиль выезжающих и указание в статистике на причины выезда показывает, что преобладающая категория – это трудовые мигранты, имеющие высшее образование.

Таблица 1. Внешняя миграция населения в возрасте старше 15 лет по уровню образования – высшее образование. Выбытие

Внешняя миграция населения в возрасте старше 15 лет по уровню образования – высшее образование.						
Регионы	Год					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
	Единица измерения: Человек					
Акмолинская обл.	666	736	422	439	314	215
Актюбинская обл.	449	575	487	582	302	221
Алматинская обл.	216	233	160	243	177	73
Атырауская обл.	100	152	119	133	93	56
Западно-Казахстанская обл.	547	591	366	307	229	143
Жамбылская обл.	212	247	216	256	194	136
Карагандинская обл.	1.634	1.609	1.157	1.068	744	387
Костанайская обл.	1.764	1.511	1.010	793	726	444
Кызылординская обл.	10	14	17	8	7	16
Мангистауская обл.	159	152	69	131	28	45

Южно-Казахстанская обл.	–	–	–	–	–	–
Палодарская обл.	1.283	1.141	736	963	690	392
Северо-Казахстанская обл.	1.021	1.145	617	587	520	254
Восточно-Казахстанская обл.	2.009	2.283	1.081	1.202	646	323
Астана	517	564	400	398	332	302
Алматы	1.566	1.550	1.184	1.283	815	558
Шымкент	155	95	128	173	157	72
Туркестанская обл.	41	31	13	28	36	21

Примечание. Составлено по источнику: Внешняя миграция населения в возрасте старше 15 лет по уровню образования – выбытие. Код КСП: 613214. <https://taldau.stat.gov.kz/ru/NewIndex/GetIndex/2929760>. Демографическая статистика / Миграция населения / Внешняя миграция. Управление социальной и демографической статистики. Уровень образования – высшее. Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Талдау. Информационно-аналитическая система.

Миграция населения по целям, январь-июнь 2023 г (человек)												
Республика Казахстан	Сальдо миграции				Прибыло				Выбыло			
	всего	в том числе			всего	в том числе			всего	в том числе		
		в свя- зи с рабо- той	в свя- зи с уче- бой	дру- гое		в свя- зи с рабо- той	в свя- зи с уче- бой	другое		в свя- зи с рабо- той	в свя- зи с уче- бой	дру- гое
Внешняя миграция												
Республика Казахстан	8 145	1 932	79	6 134	13 355	2 189	113	11 053	5 210	257	34	4 919
Абай	-86	-14	-1	-71	85	1	1	83	171	15	2	154
Акмолинская	-27	2	1	-30	306	3	4	299	333	1	3	329
Актюбинская	228	53	4	171	464	69	7	388	236	16	3	217
Алматинская	920	-2	1	921	1 100	0	2	1 098	180	2	1	177
Атырауская	293	39	0	254	331	45	1	285	38	6	1	31
Западно- Казахстан- ская	464	440	21	3	651	459	23	169	187	19	2	166
Жамбылская	-55	-1	0	-54	159	1	1	157	214	2	1	211
Жетісу	64	0	0	64	144	0	1	143	80	0	1	79
Карагандин- ская	38	99	7	-68	630	101	8	521	592	2	1	589

Костанайская	128	265	16	-153	955	275	21	659	827	10	5	812
Кызылордин- ская	-10	0	0	-10	11	5	0	6	21	5	0	16
Мангистау- ская	2160	3	2	2155	2205	3	2	2200	45	0	0	45
Павлодарская	178	6	3	169	662	6	7	649	484	0	4	480
Северо- Казахстанская	262	3	-1	260	716	3	2	711	454	0	3	451
Туркестан- ская	179	17	7	155	247	20	9	218	68	3	2	63
Ұлытау	-31	-1	0	-30	26	0	0	26	57	1	0	56
Восточно- Казахстанская	-99	-22	1	-78	290	15	5	270	389	37	4	348
г. Астана	660	133	5	522	983	259	5	719	323	126	0	197
г. Алматы	2565	886	6	1673	2991	897	7	2087	426	11	1	414
г. Шымкент	314	26	7	281	399	27	7	365	85	1	0	84

Примечание. Составлено по источнику: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6354/>. Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Результаты проведенных социологических опросов и анкетирования показали, что 40% выпускников школ, лицеев и колледжей намерены поступать в зарубежные университеты по грантовым программам, за счет международных стипендий и на платной основе. Более трети респондентов среди выпускников школ и университетов (36% и 31%) отметили, что больше всего молодежь нуждается в обеспечении доступного и качественного образования. По вопросу трудоустройства, 67% опрошенных выпускников школ, лицеев и колледжей и 53% выпускников университетов намерены в будущем уехать за рубеж для трудоустройства (Абетова З.Т., Исакова Д.Б., 2022). Продолжить обучение в магистратуре за пределами страны намерено 50% молодежи. Как видим, казахстанская молодежь активно участвует в образовательной и трудовой миграции в дальнее зарубежье.

В целом, если говорить о мотивах и драйверах молодежной миграции, на решение иммигрировать акторов за рубеж влияют такие локальные условия, как: уровень образовательного и культурного капитала родителей, которые определяют ожидания относительно будущей мобильности их детей, стимулирующие внешнюю образовательную миграцию; текущая профессиональная структура страны не обеспечивает в полной мере ожидания молодых представителей среднего класса относительно каналов восходящей мобильности.

Кроме того, подтверждаются и концептуальные положения исследователей внешней молодежной миграции: формируемая глобальная информационная среда становится благоприятной средой для развития гибридной идентичности молодой генерации и их будущей адаптации на глобальный рынок труда посредством сетевого социального

капитала; характер нынешней молодежной миграции также обусловлен трендами урбанистического космополитического цифрового мира и запросами экономического развития стран пребывания и выбывания.

Обсуждение

Новые теоретические подходы требуют учитывать социальные, культурные и экономические связи молодых мигрантов, что обуславливает практическое значение итогов работы: проведенный анализ позволяет сформулировать концептуальные основы эффективной молодежной миграционной политики в стране.

Международная молодежная миграция – это процесс, который имеет тенденцию привлекать относительно хорошо образованных, квалифицированных, продуктивных, и высокомотивированных людей, что приводит к истощению человеческого капитала в отправляющих странах и его накоплению в принимающих государствах, увеличивая производительность последних при одновременном снижении производительности первых, усугубляет их застой, тем самым еще больше ухудшая условия для миграции.

Согласно 12-му Докладу Международной Организации о миграции от 2024 года, в 2020 году взаимные миграционные потоки из Казахстана в Россию и обратно составило около 2,5-2,6 млн человек (Подлесный Н., 2024). Центром притяжения международной миграции является экономика США, с 1970 года число мигрирующих туда выросло в четыре раза. Число международных переводов международных мигрантов выросло со 128 млрд долларов в 2000 году до 831 млрд долларов в 2022 году, и превысили прямые инвестиции в росте ВПП развивающихся стран, где их источником являются страны с высоким уровнем доходов.

Остаются высокими и денежные переводы международных мигрантов в Центральную Азию – Узбекистан (16,7 млрд долларов в 2022 году), Таджикистан (51% ВПП) и Кыргызстан (31% ВПП), (Маколифф, М. Оучо, Л.А., 2024). Согласно результатам регионального полевого исследования, проведенного при поддержке Международной организации по миграции, в Казахстане было выявлено, что по результатам исследования, проведенного группой национальных экспертов и исследователей в рамках проекта «Азиатская региональная программа по миграции», поддержке миссии Международной организации по миграции, в Казахстане в странах Центральной Азии – Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане внешняя мобильность рекрутируется из сельской неквалифицированной молодежи в возрасте 25-29 лет, преобладающая страна их трудовой занятости – Россия (Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий, 2019).

Согласно статистике ЮНЕСКО, растет число студентов, участвующих в международной мобильности, где лидирующие места занимают выходцы из Китая, Индии, Вьетнама, Германии и Узбекистана (Маколифф, М. Оучо, Л.А., 2024).

Миграционные потоки в постсоветских странах показывают преобладание их из стран Центральной Азии в Россию и переориентацию из Украины, Молдовы и Грузии на страны Евросоюза (Комаровский В.В., 2023).

Эти данные показывают, что международная миграция стала движущей силой экономической динамики и человеческого капитала в мире, кроме того, миграционная мобильность – важная траектория для мобильных акторов из развивающихся экономик.

На повестке дня отечественного исследовательского поля стоит задача интеграции исследовательских междисциплинарных парадигм в изучении процессов международной молодежной мобильности в стране, которые могут прояснить его в контексте процессов современного глобализирующегося мира. Необходимо более широкое концептуальное взаимодействие и экстраполяция понятий международной миграции, где множественные и сложные социокультурные логики миграционной мобильности могут быть идентичны как в международных, так и внутренних перемещениях.

Выводы

На основе анализа актуальных теоретико-методологических подходов современной миграциологии, различных социологических, экономических и междисциплинарных точек зрения к проблематике международной миграции молодежи были выделены ключевые концепты, объяснения и исследовательские решения о механизмах регулирования международной молодежной миграции.

Рассмотренные в работе новые теоретические подходы позволяют выявить, какие структуры и институты способствуют и препятствуют возможности молодежной международной мобильности в мире. Необходимо формировать аналитическое понимание процесса молодежной миграции в различных ее формах с различных дисциплинарных точек зрения, методологических и теоретических инструментов.

Анализ основных положений исследовательских подходов относительно характера и проблем международной молодежной миграции позволяют сделать следующие рекомендации относительно механизмов ее регуляции:

1. Совершенствование системы учета и мониторинга внешней миграции молодежи, направленных на выявление факторов, способствующих и препятствующих возможностям молодежной мобильности в стране.

2. Усиление политики по формированию актуального рынка труда с запросом на высококвалифицированную молодую рабочую силу с каналами восходящей мобильности для обеспечения инновационного развития страны и формирования будущего интеллектуального пула Казахстана.

3. Создавать инфраструктурные условия для роста доходов молодой рабочей силы, так как неравенство доходов является источником относительной депривации и мотивацией миграции.

4. Поддержка конкурентноспособных образовательных программ, дистанционных программ и образовательных учреждений для сохранения молодежи в стране, создавать привлекательные условия для учебы и жизни студентов, доступную стоимость обучения, гибкий график учебы.

5. Содействие в формировании институциональной логистики с опорой на сетевые сообщества для желающих возвратных мигрантов.

6. Поддержка каналов материальных и культурных связей молодых мигрантов со страной для поддержки их национальной идентичности и недопущения их последующей маргинализации. Молодежь как актор международной миграции поддерживает гибкие идентичности, и опыт их вовлечения в различные экономические и социальные проекты страны также может стать хорошей основой для развития отечественного рынка труда.

7. Изучить влияние на миграционную молодежную мобильность трансграничных и национальных правовых и нормативных требований.

8. Учитывать влияние цифровой интерактивности медийного поля на формирование миграционных ожиданий молодого поколения относительно каналов их мобильности.

9. Необходимы исследования молодежной международной миграции по качественной методологии, направленных на аналитическое понимание процесса молодежной международной миграции в различных ее формах с различных дисциплинарных точек зрения, методологических и теоретических инструментов.

Вклад авторов: Абетова З.Т. – общее руководство, методология. Искакова Д.Б. – методология, интерпретация результатов. Жумаканова Ф.Д. – анализ статистических данных. Исабаева Ш.С. – обобщение результатов работы, обзор литературы.

Список литературы

Абетова, З.Т., Искакова, Д.Б. (2022). Предикторы образовательной и трудовой миграции молодежи по результатам анкетного опроса выпускников школ и вузов. Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии, [онлайн]. Том 81(2) с. 113-122. Доступно по адресу: <https://bulletin-psysoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/1535> [Дата публикации 29 июня 2022].

Бауман, З. (2004). Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва: Весь Мир.

Бауман, З. (2008). Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер.

Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий. (2019) Издатель: Международная организация по миграции (МОМ).

Комаровский, В.В. (2023) Современные миграционные потоки на постсоветском пространстве. ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России. [онлайн]. Доступно по адресу: <https://vcot.info/blog/sovremennye-migracionnye-potoki-na-postsovetskom-prostranstve> [Дата обращения 15 August 2024].

Маколифф, М. Оучо, Л.А. (под ред.) (2024). Доклад о миграции в мире 2024. Женева: Международная организация по миграции (МОМ).

Урри, Дж. (2012a) Мобильности. Москва: Праксис.

Урри, Дж. (2012b) Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Численность молодежи Республики Казахстан / Демографическая статистика (б.д.). [онлайн] Доступно по адресу: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5>, [Дата обращения 15 February 2025].

Bauman, Z. (2000) Liquid Modernity. Cambridge: Polity.

Beauchemin, C. & Safi, M. (2020) 'Migrants' connections within and beyond borders: insights from the comparison of three categories of migrants in France. Ethnic and Racial Studies, 43(2), pp. 255–274.

- Caron, L. (2020) «An Intergenerational Perspective on (Re)migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations», *International Migration Review*, 54(3), pp.820-852.
- Gurak, D.T. & Caces, M.F.(1992) «Migration networks and the shaping of migration systems», *International Migration Review*. 26 (1), pp. 22-45.
- Harris, J.R. & Todaro, M.P. (1970) «Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis», *American Economic Review*. 60, pp.126-142.
- Hein de Haas. (2010) «The Internal Dynamics of Migration Processes: A Theoretical Inquiry», *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10), pp. 1587-1617.
- Itzigsohn, J. & Saucedo, S.G. (2006) Immigrant Incorporation and Socio-Cultural Transnationalism», *International Migration Review*, 36(3), pp.766 – 798.
- Martínez, D.E., Slack, J., & Martínez-Schuldt, R.D. (2018) «Repeat Migration in the Age of the “Unauthorized Permanent Resident”: A Quantitative Assessment of Migration Intentions Postdeportation», *International Migration Review*. 52(4), pp. 1186-1217.
- Massey, D.S. (1990a) «Social Structure, household strategies, and the cumulative causation of migration», *Population Index*, 56 (1), pp.3-26.
- Massey, D.S. (1990b) «The Social and Economic Origins of Immigration», *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*.510 (1), pp. 60-72.
- Massey, D.S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A.J. & Taylor, E. (1993) «Theories of International Migration», *Population and Development Review*. 19(3), pp. 431-466.
- Massey, D.S. (1999) «International Migration at the Dawn of the Twenty-First Century: The Role of the State», *Population and Development Review*, The Population council, Inc., 25 (2), pp. 303-322.
- Piore, M.J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Richard, E. (1981) «The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century Review by: Walter Licht», *Journal of Social History*. 14(4), pp. 775-778.
- Reichert, J. (1982) «The Migrant Syndrome: Seasonal U.S. Wage Labor and Rural Development in Central Mexico», *Human Organization*. 40 (1), pp. 56-66.
- Sanderson, M.R. & Kentor, J (2008) «Foreingn Direct Investment and International Migration: A Cross-National Analysis of Less-Developed Countries, 1985-2000», *International Sociology*, 23(4), pp. 514-539.
- Sheller, M. & Urry, J. (2003) «Mobile transformations of ‘public’ and ‘private’ life. Theory, Culture & Society, 20 (3), pp. 107-125.
- Sheller, M. & Urry, J. (2006) «The new mobilities paradigm», *Environment and Planning*, 38(2), pp. 207-226.
- Singer, A. & Massey, D.S. (1998) «The Social Process of Undocumented Border Crossing among Mexican Migrants», *International Migration Review*, 32 (3), pp. 561-592.
- Stark, O.J. & Taylor, E. (1991) «Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation», *The Economic Journal*, 101 (408), pp. 1163-1178.
- Stark, O. & Yitzhaki, S. (1988) «Labour migration as a response to relative deprivation», *Journal of Population Economics*, 1, pp. 57-70.
- Tedeschi, M., Vorobeva, E. & Jauhiainen, J.S. (2020) «Transnationalism: current debates and new perspectives», *GeoJournal* [онлайн], pp.603-619. Доступно по адресу: <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10271-8>. [Дата публикации: 09 августа 2020], [Дата обращения 15 августа 2021].

Todaro, M.P. (1976) «Migration and economic development: a review of theory, evidence, methodology and research priorities. Occasional Paper. Nairobi: Institute for Development Studies, University of Nairobi. [online]. Доступно по адресу: <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/791> [Дата обращения: 20 августа 2023].

Urry, J. (2004) «The «System» of Automobility», Theory, Culture & Society. 21(4–5), pp. 25–39.

Vertovec, S. (1999) «Conceiving and researching transnationalism», Ethnic and Racial Studies. 22 (2), pp. 447–462. [онлайн]. Доступно по адресу: <https://doi.org/10.1080/014198799329558>. [Дата публикации онлайн: 07 февраля 2011].

Vertovec, S. (2009) Transnationalism. Routledge.

Vertovec, S. (2010) «Transnationalism and identity», Journal of Ethnic and Migration studies, 27 (4), pp. 573–582.

Williamson, J.G. (1988) Migration and Urbanization, In: Chenery, H. and Srinivasan, T.N. Handbook of Development Economics, North-Holland, Amsterdam, pp. 425–465.

З.Т. Абетова¹, Д.Б. Искакова², Ф.Д. Жумаканова³, Ш.С. Исабаева¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

²Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы,
Астана, Қазақстан

³Ә. Сағынов атындағы Қарағанды техникалық университеті, Қарағанды, Қазақстан

Жастар көші-қоны бойынша жаңа теориялық дискурс: тәсілдерге шолу

Андатпа. XXI ғасырда жастардың халықаралық көші-қонының ауқымы үнемі өсіп келеді және бұл процесс қазіргі әлемнің әлеуметтік-экономикалық өмірінің типтік құбылысына айналууда.

Бұл жұмыстың мақсаты қазіргі заманның әлеуметтік процестері контекстінде процеске тиісті теориялық және әдістемелік талдауды қалыптастыру.

Жұмыстың ғылыми-тәжірибелік маңыздылығы жұмыстағы тұжырымдардың жастардың көші-қон қатынастарын зерттеу саласындағы кейінгі зерттеулерге теориялық негіз бола алатынында.

Талдаудың әдіснамалық негізі ретінде трансұлтшылдықтың өзекті ғылыми тәсілдері, «ұтқырлық» парадигмасы таңдалды.

Зерттеу нәтижелері – жастардың халықаралық көші-қоны мәселесіне жаңа теориялық көзқарастарды шолу негізінде негізгі ұғымдар мен түсініктемелер анықталды, халықаралық жастар көші-қонын реттеу тетіктері бойынша зерттеу шешімдеріндегі әртүрлі тұжырымдамалық негіздерді салыстыру арқылы талдау жүргізіледі.

Қорытынды: Жаңа теориялық тәсілдер жас мигранттардың әлеуметтік, мәдени және экономикалық байланыстарды ескеруді талап етеді.

Жұмыс әртүрлі пәндік көзқарастар мен әдістемелік құралдардан халықаралық жастар көші-қоны процесін тиісті аналитикалық түсінуге маңызды үлес қосады.

Жұмыс нәтижелерінің практикалық маңыздылығы: талдау еліміздегі жастардың көші-қон саясатының тиімділігінің тұжырымдамалық негізін қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Негізгі ұғымдар: миграциялогиядағы теориялық дискурс, халықаралық миграция, еңбек миграциясы, жастар миграциясы

Z.T. Abetova¹, D.B. Isakova², F.D. Zhumakanova³, Sh.S. Issabayeva¹

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

²*Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan*

³*Karaganda Technical University named after A. Saginov, Karaganda, Kazakhstan*

New theoretical discourses on youth migration: a review of approaches

Abstract. In the 21st century, the scale of international youth migration is constantly growing, and this process is becoming a typical phenomenon of the socio-economic life of the modern world.

The goal of the work is to form a relevant theoretical and methodological analysis of the process in the context of social processes of our time.

The scientific and practical significance of the work: the conclusions can serve as a theoretical basis for further research in the field of studying the migration attitudes of young people.

Current scientific approaches of transnationalism and the “mobility” paradigm were chosen as the methodological basis for the analysis.

Conclusions: New theoretical approaches require taking into account the social, cultural, and economic connections of young migrants.

The work makes an important contribution to relevant analytical understanding of the process of international youth migration from different disciplinary perspectives and methodological tools.

The practical significance of the results of the work: the analysis allows us to formulate a conceptual framework for an effective framework for youth migration policy in the country.

Keywords: theoretical discourses of migrationology, international migration, labor migration, youth migration

References

Abetova, Z.T. & Isakova, D.B. (2022). Predictors of educational and labor migration of youth on the results of questionnaire survey of graduates of schools and universities. *Vestnik KazNU. Psychology and sociology series*. [online], Volume 81 (2). pp. 113-122. Available from: <https://bulletin-psysoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/1535>. [Accessed 29 June 2022]. (in Russian)

Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity.

Bauman, Z. (2004). *Globalization. Consequences for Man and Society*. Moscow: Ves Mir. (in Russian)

Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)

Beauchemin, C. & Safi, M. (2020). ‘Migrants’ connections within and beyond borders: insights from the comparison of three categories of migrants in France. *Ethnic and Racial Studies*, 43(2), pp. 255–274.

External youth migration in Central Asian countries: risk analysis and minimization of negative consequences. (2019) Publisher: International Organization for Migration (IOM) (in Russian)

- Caron, L. (2020). «An Intergenerational Perspective on (Re) migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations», *International Migration Review*, 54(3), pp.820-852.
- Chislennost molodyezhi Respubliki Kazakhstan / Demograficheskaya statistika. [online] Available at: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5> [date of access 15 February 2025], (in Russian)
- Gurak, D.T. & Caces, M.F. (1992) «Migration networks and the shaping of migration systems», *International Migration Review*. 26 (1), pp. 22–45.
- Harris, J.R. & Todaro, M.P. (1970) «Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis», *American Economic Review*. 60, pp.126-142.
- Hein de Haas. (2010) «The Internal Dynamics of Migration Processes: A Theoretical Inquiry», *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10), pp. 1587–1617.
- Itzigsohn, J. & Saucedo, S.G. (2006) Immigrant Incorporation and Socio-Cultural Transnationalism», *International Migration Review*, 36(3), pp.766 – 798.
- Komarovskii, V.V.(2023). Modern migration flows in the post-Soviet space. FSBI All-Russian research institute of labor» of the Ministry of Labor of Russia» [online] Available from: <https://vcot.info/blog/sovremennye-migracionnye-potoki-na-postsovetskom-prostranstve>, [date of access 15 August 2024] (in Russian)
- Makoliff, M. and Oucho, L.A. (eds) (2024) World migration report 2024. Geneva: International Organization for Migration (IOM) (in Russian)
- Martínez, D.E., Slack, J., & Martínez-Schuldt, R.D. (2018) «Repeat Migration in the Age of the “Unauthorized Permanent Resident”: A Quantitative Assessment of Migration Intentions Postdeportation», *International Migration Review*. 52(4), pp. 1186–1217.
- Massey, D.S. (1990a) «Social Structure, household strategies, and the cumulative causation of migration», *Population Index*, 56 (1), pp.3-26.
- Massey, D.S. (1990b) «The Social and Economic Origins of Immigration», *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*.510 (1), pp. 60–72.
- Massey, D.S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A.J. & Taylor, E. (1993) «Theories of International Migration», *Population and Development Review*. 19(3), pp. 431–466.
- Massey, D.S. (1999) «International Migration at the Dawn of the Twenty-First Century: The Role of the State», *Population and Development Review*, The Population Council, Inc., 25 (2), pp. 303–322.
- Piore, M.J. (1979). *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Richard, E. (1981) «The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century Review by: Walter Licht», *Journal of Social History*. 14(4), pp. 775–778.
- Reichert, J. (1982) «The Migrant Syndrome: Seasonal U.S. Wage Labor and Rural Development in Central Mexico», *Human Organization*. 40 (1), pp. 56–66.
- Sanderson, M.R. & Kentor, J (2008) «Foreign Direct Investment and International Migration: A Cross-National Analysis of Less-Developed Countries, 1985–2000», *International Sociology*, 23(4), pp. 514–539.
- Sheller, M. & Urry, J. (2003) «Mobile transformations of ‘public’ and ‘private’ life. Theory, Culture & Society, 20 (3), pp. 107–125.
- Sheller, M. & Urry, J. (2006) «The new mobilities paradigm», *Environment and Planning*, 38(2), pp. 207–226.

Singer, A. & Massey, D.S. (1998) «The Social Process of Undocumented Border Crossing among Mexican Migrants», *International Migration Review*, 32 (3), pp. 561–592.

Stark, O.J. & Taylor, E. (1991) «Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation», *The Economic Journal*, 101 (408), pp. 1163–1178.

Stark, O. & Yitzhaki, S. (1988) «Labour migration as a response to relative deprivation», *Journal of Population Economics*, 1, pp. 57–70.

Tedeschi, M., Vorobeva, E. & Jauhiainen, J.S. (2020) «Transnationalism: current debates and new perspectives» *GeoJournal* [online], pp.603-619. Available from: <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10271-8>. [Accessed: 09 August 2020], [date of access: 15 августа 2021].

Todaro, M.P. (1976) «Migration and economic development: a review of theory, evidence, methodology and research priorities. Occasional Paper. Nairobi: Institute for Development Studies, University of Nairobi. [online]. Available from: <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/791> [date of access: 20 August 2023].

Urry, J. (2004) «The System of Automobility», *Theory, Culture & Society*. 21(4–5), pp. 25–39.

Urri, Dzh. (2012a) *Mobility*. Moscow: Praxis.

Urri, Dzh. (2012b) *Sociology beyond societies: types of mobility for the 21st century*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.

Vertovec, S. (1999) «Conceiving and researching transnationalism», *Ethnic and Racial Studies*. 22(2), pp. 447–462. [online]. Available from: <https://doi.org/10.1080/014198799329558>. [Accessed: 07 February 2011].

Vertovec, S. (2009). *Transnationalism*. Routledge.

Vertovec, S. (2010) «Transnationalism and identity», *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 27 (4), pp. 573–582.

Williamson, J.G. (1988) *Migration and Urbanization*, In: Chenery, H. and Srinivasan, T.N. *Handbook of Development Economics*, North-Holland, Amsterdam, pp. 425–465.

Сведения об авторах

Абетова З.Т. – автор для корреспонденции, кандидат философских наук, старший преподаватель, НАО «Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева», ул. Янушкевича, 6, 010000, Астана, Казахстан.

Исакова Д.Б. – автор для корреспонденции, докторант кафедры социологии, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, пр. Абая, 33а, 010000, Астана, Казахстан.

Жумаханова Ф.Д. – автор для корреспонденции, докторант кафедры социологии, Карагандинский технический университет им. А.Сагинова, пр-т. Нурсултана Назарбаева, 56, 100000, Караганда, Казахстан.

Исабаева Ш.С. – магистр социологии, старший преподаватель, НАО «Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева», ул. Янушкевича, 6, 010000, Астана, Казахстан.

Авторлар туралы мәліметтер

Абетова З.Т. – хат-хабар авторы, философия ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің аға оқытушысы, Янушкевич к., 6, 010000, Астана, Қазақстан.

Искакова Д.Б. – хат-хабар авторы, әлеуметтану кафедрасының докторанты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік Басқару Академиясы, 010000, Астана, Қазақстан.

Жумаканова Ф.Д. – хат-хабар авторы, әлеуметтану кафедрасының докторанты, 100000, Қазақстан Республикасы, Сағынов атындағы Қарағанды техникалық университеті, Қарағанды, Нұрсұлтан Назарбаев к., 56

Исабаева Ш.С. – әлеуметтану магистрі, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің аға оқытушысы, Янушкевич к., 6, 010000, Астана, Қазақстан.

Information about authors

Abetova Z.T. – corresponding author, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, NJSC L.N. Gumilyov Eurasian National University. st. Yanushkevich 6, 010000, Astana, Kazakhstan.

Iskakova D.B. – corresponding author, doctoral student, Department of Sociology, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abay Avenue, 33a, 010000, Astana, Kazakhstan.

Zhumakanova F.D. – corresponding author, doctoral student, Department of Sociology, Karaganda Technical University named after A. Saginov, Nursultan Nazarbayev, Ave. 56, 100000, Karaganda, Kazakhstan.

Issabayeva Sh.S. – master of Sociology, Senior Lecturer, L.N. Gumilyov Eurasian National University, st. Yanushkevich 6, 010000, Astana, Kazakhstan.

IRSTI 04.51.54

Review article

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-26-40>

The effects of digitalization on the individual in higher education

Hayati Beşirli

Ankara Hacı Bayram Veli University, Ankara, Türkiye

(E-mail: hayati.besirli@hbv.edu.tr)

Abstract. Society is like a living organism and contains constant differentiation and change. Social change is a transformation in the structures of social institutions and the functions they fulfill. Thus, different views of the social institutions that make up society and culture emerge in the historical process. To examine social change is also to see cultural transformation. Thus, it is to reveal the new state of the social structure. This institution-based definition of the process of change reveals the types of society that are defined based on the determining factors of social institutions today. Today, the dominant determinism of technology has led to the definition of digital society. Digital society is a result of technological development in the digital field. The increasing importance of artificial intelligence has been decisive in the definition of digital society, as it is seen not only in one field but in many fields. All social institutions, such as family, education, economy, politics, religion, and leisure time, are shaped according to this new determinant. One of the most important institutions among these is the institution of education. To understand the change in the institution of education, it is necessary to understand not only digital technology but also the determinism of institutions on each other. Social institutions affect each other; they can assume new functions or they can transfer their existing functions to another institution. What needs to be considered here is how situations related to trust, loneliness/individuality, and values will be shaped in the digital society. In this study, the digitalization process is considered as a phenomenon in higher education, and it is aimed to evaluate the social effects revealed by this phenomenon. Differences in the level of trust, loneliness, and technology use are discussed within the scope of the study, and the effects of digitalization on the individual in higher education life, which is an organization of the educational institution, are tried to be revealed.

Keywords: Digitalization in higher education, digital transformation, social change, digitalization, digital society, trust, isolation, higher education

Introduction

The recent rapid development of information technology and the widespread use of this technology by all social segments has led to the discussion of a digital society. In the definition of digital society, it is stated that the boundaries between people have become blurred, new interactions have emerged with new networks, and social life has been transformed. This transformation is a change in social institutions that express the social structure. Social institutions are patterns of behavior agreed upon in the process of meeting individual needs. The main feature of these behavioral patterns is that they determine which needs people will meet and in which ways, and that they are the product of the consensus of the individuals who make up the society within the scope of these characteristics.

Changing societies means that individuals change the way they meet their needs; that is, their patterned behaviors change. Changes can be radical and fundamental, or they can be slower and less dramatic. Change occurs in the form of differentiations in the structures and functions of social institutions. In the functional dimension of change, the transfer of the function of one social institution to another social institution is observed, while in structural change, the disappearance of a social institution or the emergence of a new social institution can be seen. The main thing in this change of societies from simple to complex is the differentiation in people's interactions with each other and with nature. Each new type of society means a restructuring of social institutions or a differentiation in the functions of institutions. In this context, no matter how we define society, every definition that expresses change is a situation of defining the differentiation in institutional behaviors and the way people meet their needs. In the most general terms, this differentiation is a differentiation that we can express as social and cultural change.

Materials and Methods

This study adopts a qualitative research design to explore the social effects of digitalization in higher education, with particular attention to the concepts of trust, isolation, and technology use among individuals engaged in university life. Data were collected through semi-structured interviews conducted with students and academic staff from various departments within a public university. Participants were selected using purposive sampling to ensure representation from different academic disciplines and levels of digital engagement. The interviews focused on participants' experiences with digital platforms in education, their perceptions of institutional trust, and the psychosocial implications of increased digital interaction. All interviews were recorded, transcribed, and analyzed using thematic content analysis. This approach allowed for the identification of recurring patterns and deeper insights into the transformation of educational experiences in the digital society. Ethical approval was obtained, and participants provided informed consent, with confidentiality maintained throughout the research process.

Results and discussion

Digital society and educational institutions

It is possible to see the change in society in all the elements that make up culture. Family, education, economy, politics, religion, and leisure time are the basic social institutions. Each

new type of society reveals a character determined by these basic social institutions. A new type of society involves restructuring and functional differentiation. In this context, in the society we live in, access to information, processing and interpretation of data, and the determination of data in the field of daily life are different from previous types of societies. Technological development, which manifests itself in the process of processing information, has started to take place at the center of daily life with the prevalence of information access tools. An important factor here is access to information. The main characteristic of this new type of society is that technology has become widespread, and large segments of society can access information more easily than in previous periods.

The ease of access to technology has increased the speed of change and its prevalence among different social segments. Especially in developing countries, cheap technological products facilitate access to technology for disadvantaged groups due to the imbalance in income distribution and reduce the access gap between social strata. The ease of access to information and the use of this information regulates everyday life. Social transformation first started to be seen in production relations in the field of economics. The increasing importance of technology in production was initially felt only in the relationship between labor and employment. The features of technology that make life easier have made its indispensable place in everyday life even more obvious. The aim of this study is to reveal the place of the individual in the process of rapid digitalization and to discuss the place of the individual, especially in educational institutions. Digital society is a new type of society. While discussing this change process, it is within the scope of Industry 5.0 and Education 4.0 definitions.

It is possible to see the most important change in digital society in the institution of the family. In traditional society, the family was a unit that drew its strength from the multiplicity of its members and valued each member for their physical strength in the agricultural production process. The family was a structure that fed on the physical strength of each member in production and their presence in establishing security. Each new family member functioned as a laborer in agricultural production and as a protective warrior in maintaining the family's existence. In traditional society, this situation revealed a character that saw the basic function of the family on the basis of the high number of members and emphasized the importance of a large number of male members. With industrialization, this structure started to change. At the beginning of industrialization, when labor wages were low, family members were still considered as the income-generating labor force. However, in the industrialization process, worker gains (working hours, wages, not employing child labor, etc.) and the mobility required by the labor market brought about a shrinkage in the family structure. The family in industrial society is a nuclear family with high social mobility and relatively egalitarian characteristics. This change in the structure of the family should not only be seen as a decrease in the number of members. It should be recognized that the change has also brought about functional differentiations in the family. This means the disappearance of many functions of the family or the transfer of these functions from the family to other social institutions.

In this context, the functional relationship between the institution of education and the institution of family is important. As it is known, the traditional family is an institution where the child is socialized, learns social status and roles, and realizes the value transfer process. The

elderly members of the family both undertake the care and feeding of the new member and ensure his/her socialization until he/she joins the formal education institution. Pre-school education institutions such as nurseries and kindergartens, which have increased in the industrialization process and post-industrial period, have undertaken this task. The age of the first encounter with formal education at around six or seven years of age has decreased to around three or four years of age, or even earlier. This new outlook is even more important in the context of the industry 5.0 society, with the consequences of an increase in the need for qualified labor and a decrease in the need for unqualified labor; an increase in the unemployment problem; the security of objects becoming a problem; and a decrease in the need for labor working in IT departments. This new social period is a society where flexible production style is adopted for consumer preferences and needs instead of the classical production approach, aiming to reduce costs and increase productivity, environmentally sensitive, internet of things, cyber physical systems (Bayburt & Eğin, 2021: 137-154; Taş, 2018: 1823).

Education 4.0 is one of the stages in the evolution of education. Digital education is considered as an umbrella concept to explain the change in many fields. The scope of the concept of digital education constitutes the whole of the learning approaches that are an extension of online distance education and that have emerged to meet new needs with developing technology. As a result of the application of digitalization to educational processes and the rapid change and development of distance education processes, new pedagogical approaches will inevitably emerge to redefine the position of the individual (Bozkurt, Hamutoğlu et al., 2021:44). This situation refers to the process of reorganizing the connection of the student, who is the subject of education, with information. This new bond does not only include the transfer of information, but also includes a scope that is instructive in the process of accessing information. With this feature, digital education means the creation of a new ecosystem. This ecosystem, on the other hand, should not only include distance access, but should also include areas such as course activity group education, support R&D efforts, and prioritize innovative technologies in general. With this feature, digital education will exhibit a technological feature that deeply affects the interaction of the individual and society. With this feature, the field of digital education has a great impact not only by building on technological development, but also on the individual who is the subject of education, social interactions, living space and educational space, and future perspective. This new form of education has brought new perspectives to old debates. Social inequalities, inequalities of opportunity, and opportunity have come to the fore within the scope of access to technology.

Higher education institutions aim to provide students with a more effective and diversified education, to provide employees with more productive working opportunities, and to prepare the ground for extraordinary research by using technology effectively in learning processes and the production of new knowledge. This imperative requires Türkiye to adopt a strategic transformation in the field of higher education and ensure the efficient use of technology for all stakeholders. Realizing the importance of digital transformation in education, countries have accelerated their efforts by turning the COVID-19 pandemic into an opportunity. The success of our country in education during this pandemic process has revealed the need to examine the 2023 Vision Document in the context of digitalization (Karaca & Karaca, 2021).

Education has recently begun to undergo a complete transformation. This transformation continues rapidly. Education, which is now everywhere at any time, has started to guide us with applications on our mobile devices about what and how much we need to know in our next step. Taşkıran expresses this situation as democratization in access to information with the inclusion of the internet in life, electronic encyclopedias, dictionaries, digital private and public libraries, digital books, articles and archives, social networks, blogs and web pages offered as web products, discussion forums that allow information exchange are as close as a click. Digital transformation is radically changing the way information is accessed and shared, and schools are struggling to keep up with the pace. Almost all studies prove that teaching has not changed for centuries, that the classroom environment and its components are still the same, that the space, the lessons given at certain time intervals, the teacher-learner relationship, and the teacher-centered approach have never changed. The rapid change outside has consequently become a threat to the classroom. The hierarchy between teacher and learner in the traditional school, where the teacher was seen as the power with knowledge, has started to disappear. Rapid access to information takes away the teacher's role as knowledge transferor. The richness, abundance, and accessibility of information have made the teacher comparable with other teachers, learning resources, and others within and even between institutions (Taşkıran, 2017:98).

The digital transformation that brings about digital education is also an economic transformation. The contraction in time and space caused by globalization has made the relationship between local economies and global economies more open. Thus, concepts such as global capital, international capital, and transnational corporations have become increasingly important. The determining influence of the global economy on local economies is quite widespread and has been increasing since the colonization process. Concepts such as imbalance in income distribution, poverty, inequalities, and disadvantage among social segments gain importance through the determination of the economy. In addition, today, the digital money economy has taken its place in the social sphere with its own rules. This has profoundly affected traditional economic relations between individuals and societies. The emergence of the digital economy has led to a significant transformation in the traditional interactions and relationships between businesses and society. The increasing adoption of information technologies has somewhat reduced the protection of organizational and national borders, thereby intensifying competition between businesses, institutions, and states. The digital economy has manifested itself in various fields covering the global economic structure in the macro dimension and individuals and individual lifestyles in the micro dimension (Özbay and Yılmaz Genç, 2023: 618). In short, the economic institution has been under the determination of digital impact from a very wide perspective, including global companies on a large scale and economic relations between individuals on a small scale.

In addition to the use of information technologies both inside and outside the institution, institutions of higher education are trying to keep up with this change by opening online courses to eliminate institutional boundaries in the digital age. Especially with the introduction of Massive Open Online Courses, the scope of distance education has experienced a digital transformation. It has linked e-learning and distance education processes. It is seen that the transformation brought about by online courses takes place in three areas. In the field of digital

support production, not only audio-visual video recordings of courses have started to be seen. At the same time, brand new courses are being designed in a blended structure enriched with visual, audio, picture, language and graphic diversity. In the second area, the online course has become not only a published course but also a structure that allows for learner-teacher interaction. Finally, these course modules allow for certification (Taşkıran, 2017:99). The quality of the courses, the diversification of the audience it reaches, and the increase in the speed of transportation have gained importance in enabling mutual interaction. The presentation and certification of courses in a module logic that varies according to the education has become more visible.

Negative Effects of Digitalization in Higher Education on the Individual

The digital world has imprisoned the individual with the new ecosystems it has created. The digitalization of both the physical and social environment of the individual is a reality. The individual will organize their social relations within this reality. However, this change necessitates an adaptation process. Change leaves a deep impact on individuals. It is possible to evaluate this situation under the headings of trust, loneliness/individuality, and adaptation.

a. Trust

Society is based on a contract. This contract implies that members can only meet their needs in a certain way and that this way is accepted as legitimate. All relations are based on this agreement, trust. Individuals in society trust that they will be subject to these agreed ways, and that they will remain on the basis of these agreements. The sense of trust is related to the sense of justice in the social sphere. Individuals nurture this sense of trust with their belief that non-compliance with contracts will be punished. This inevitability of the relationship between trust and justice is the basic condition that ensures order in society. This reveals the importance of the three concepts of social role, social control, and social norm in social life. Today, social life reveals an individualized character, and individualization is indispensable. What should be done here should not be to act based on the belief that the individualization process can be prevented, but rather how social institutions can be organized accordingly, and how the social structure can maintain a state of balance. Uslaner compares trust to chicken soup, which has a privileged place in human nutrition. For him, trust is the chicken soup of social life. It embodies the willingness to participate in social life for higher economic growth rates and ultimately satisfaction with government performance. It is an effective element to make everyday life more pleasant. We can only develop trust with people we know. But the consequences of trust extend to all kinds of areas where we have no personal knowledge about others. Trust is crucial in solving many collective action problems and helps people to participate in their communities. We tend to assume that wherever there is civic engagement, trust must be either the cause or the effect. It is highly influential in participation, in the formation of social networks. Trust is decisive in our activities, connecting us to our larger community, connecting us to people like ourselves. All kinds of people participate in groups, but trusting people are much more likely to donate to charities or volunteer their time. The roots and consequences of trust are exactly what we expect from a moral value. What I have found for trust is that values should remain constant over time and not depend on everyday experiences. Trust is important for things that bind us to others (Uslaner, 2003:1).

The individual exists in an order that frames him/her in the process of social contact. Without disrupting their relationships, they behave in accordance with the roles determined within the order. From the greeting to the termination of the relationship, a system of rituals works, and the individual applies these rituals. Therefore, social contacts reflect cultural characteristics. The lack of trust that arises when encountering different cultures is the situation of not knowing the rituals of a culture different from one's own. Because every individual wants to understand according to his/her own culture and sees himself/herself as safe within his/her own culture.

In the digital society, education has taken on an institutional structure without face-to-face or physical interaction. The classroom environment is a supervised environment where the teacher or administrator can provide control and solve any problems that may arise with immediate intervention. This system makes both parents and students safer. However, digital education based on infrastructures such as remote access and cloud systems should offer a perspective that prioritizes trust. Protection of personal data gains importance in this context. The risks that the virtual environment created on the distance education platform may harbor in this context are obvious. Especially the limited face-to-face interaction and not sharing the same physical space increase these risks. Especially the spread of virtual communities makes the problem of trust and security even more important.

In this period, a differentiation is observed in the elements of traditional socialization. In traditional society, family, kinship, and peer relations were considered as the primary socialization agents of the individual, and education, religion and professional fields came to the forefront as elements of lifelong socialization. However, the decreasing dimension of face-to-face meetings due to the use of digital technology has made virtual interactions more important. Young individuals continue to live their lives as members of virtual communities, and the virtual world is becoming more decisive as an interaction space. With the development of the Internet and digital technologies and the widespread use of the Internet, individuals who come together in the virtual environment form various groups according to their interests, exchange information, and support each other. Virtual environments are a space where individuals actively participate, interact and create new belonging. The differences that distinguish the virtual community from the traditional community are participation in the community, communication between members, and belonging to the community. In the traditional community, belonging was a natural process that took place in the process of individual and group interaction, and the members of the traditional community were the members of the traditional community. In traditional society, some individuals communicate face-to-face, such as friends, colleagues, family and neighbors, while in the virtual community, choices based on interests and tastes are essential in associations. Here, one is included in an established digital space. One can join a virtual community at any time and leave the community at any time. In the formation of virtual communities, issues such as the motivations of individuals, the purposes for which they use communities, and the identities of individuals within the community gain importance (Eyrek, 2022:240-243)

The attractiveness of the digital environment that liberates time and space brings with it risks related to this field. In this context, with its digital structure, new media interaction, user-generated content production, hypertextuality, and multimedia features, social media

environments, where children can communicate and share, open up a space where they can access information, but also cause them to encounter content that may contain risks. Risks with commercial purposes, risks with violence, risks with sexual content, and risks related to social values gain importance in this context (Ülken & Kılınç, 2018;128-131).

Data breaches, cyberbullying, and cybercrimes are seen as factors affecting the sense of trust. Risks are not only these, but also the risks posed by adults who attract children to this environment. Sharing about children, transferring information about children's identities (name, place of birth, address, telephone, photographs, etc.) to the digital world, sharing information about children's psychological (emotional states) and social life (activities, hobbies, interests, etc.), and positional media applications have made children vulnerable to risks in the digital world (Bayındır, 2023:532).

In the digital society, all information such as age, gender, every step taken, every site visited, how much time is spent at these points, every location found, communication tools used, browsing histories, routine life, interests, social environment analysis, etc. are known and can be transformed into a commodity. All the propositions, advertisements, and similar content that you may be interested in are created in a 'planned' way with a technology that recognizes us. With the possible diversity of pleasure and taste in the content encountered, each suggestion makes the possibility of the act of consumption more likely (Gilanlıoğlu and Öze, 2020:197). Algorithms based on feelings of pleasure, hatred, and pity also fuel this distrust.

b. Loneliness and individuality

Every human being lives in a field of social encounters that require face-to-face or indirect contact with other human beings. In this space, they perform enactments that we define as roles. These roles are a pattern of verbal or non-verbal acts that express one's view of the situation and how other participants, and especially oneself, are evaluated. This pattern is a combination of elements that express both the elements created by others and our perceptions. Whether a person wants to take on a role or not, they will eventually realize that they are taking on a role. In other words, willingly or unwillingly, we take into account the impressions others form about us and adjust our behavior accordingly. The role maintained during contact with others is a legitimate and institutionalized kind of role. During a certain kind of contact, there is an interaction with known and recognized characteristics. This interaction is a contact that expresses certain rules and is based on both personal qualities and moral principles. Here, although it focuses on the activity present in face-to-face relationships, at the same time, the social world beyond this activity is taken into consideration and actions are organized according to this world (Goffman, 2017: 49-50).

One of the most important emotional states in our time is the feeling of loneliness, and the most important type of individual is the lonely individual. However, loneliness should not only be considered as a lack of friends or relatives, but also as belonging, as in the case of not belonging to a social group. The individual's inability to establish social relations at a certain level and being excluded from social relations is an important situation of loneliness. In the digital world, the loss of the meaning of physical distance and the resulting contraction of time and space allow for space-independent human associations. This means that information can reach long distances in a short time. It means a radical change in the time and space-dependent dimension

of relationships. However, the virtual environment has brought loneliness. The dimension of loneliness created by modern times differs from traditional loneliness. One of the most important experiences of the modern world is undoubtedly our alienation and estrangement from each other, despite the convergence created by technology. The virtual world created by human beings brings along the virtualization of society and harms the human species that feeds on social interaction. As social beings, human beings have faced the problem of loneliness in many associations in this world in which they are a member and have had difficulty in coping with and overcoming it (Deveoğlu, 2020: 343-347). Although the individual shares the virtual environment with others, the nature of the associations he/she forms in work and non-work life is differentiated. In the digital environment, business orientation, which is the demand of business life, is more easily established, while sharing, which is a requirement of non-work life, is provided only in a limited way and many behaviors that are appropriate to the nature of human beings depending on being human, are not realized. Because loneliness is not just a problem of not being able to communicate with someone. Loneliness is a state of emotion. This emotional state is a situation that includes the feelings of not being able to express oneself, not feeling trusted, and not belonging.

It would not be correct to consider loneliness only as the inability to communicate. The digital environment is an environment where a virtual relationship is established between individuals. However, this relationship is a type of relationship in which communication is realized only on a certain platform by revealing certain characteristics of individuals. This type of relationship may not include reciprocity or interlocutor situations, which are obligatory for face-to-face relationships. Social relationship refers to an interaction that an individual establishes by taking into account the behavior patterns of another individual or group. In this interaction, the individual takes into account the existence of other individuals or groups and organizes the interaction accordingly. The digital platform is a space where there is no such emotional transfer, where the need to be organized according to the other person is not felt, and where the environment or the individual is masked. These relationship situations in the digital world have produced new definitions today. Some of these definitions have not yet found a Turkish equivalent.

Today, media-family communication has gained importance and revealed a complex relationship. In this context, it blurs the boundaries between in-group and out-group, increases the alternatives of being together with family members, and the relationship between them becomes complicated as both parents and children are experienced in some issues and inexperienced in others compared to the past (Çeçen et al., 2023:72).

c. Difference in adaptation to technology

The development of technology continues at an increasing pace. Today, this course has led to the concept and technology of artificial intelligence. Technological development also embodies an important social change. Artificial intelligence is defined as a technological revolution that solves problems as a learning system. The ability to analyze, learn and find solutions as a result of these learnings in artificial intelligence can be applied in many areas and this development brings many innovations. This effect of artificial intelligence has led to significant changes in business processes; product and service quality has been affected, production loss and cost have decreased, and employer and employee relations have changed. This technological view of learning and decision-making embodies a significant change in social life. These developments

in technology have created an expectation of significant change in the professional field. It is often stated that some professions will not exist in the coming years and new professions will emerge.

It cannot be expected that all segments of society will respond to change at the same speed. Because the situation of using technology will reveal different views in different age categories in society. It will be seen that an individual who encounters digital elements, especially from early childhood, increasingly uses these instruments at every stage of his/her chronological development. However, it is seen that individuals who encounter digital elements at a later age, with these elements, exhibit only enough ability to hold on to daily life. This difference between generations in using digital technology will reveal important differences in accessing and interpreting information. This difference is referred to as the generation gap.

Generations are named according to the effects of the historical breaks experienced and it is accepted that each effect reveals common characteristics. A concept that emerges in this context is the concept of Generation K. In 2015, Hertz, as a result of his research with young people between the ages of 13-22, born between 1995-2002, defined them as the generation of producers, creators and inventors by making a different classification than the previously defined generations and called this generation Generation K. Born in the digital age and with different worldviews compared to previous generations, these Generation K individuals are said to have some common characteristics about life, even though they have grown up in different environmental, cultural and educational environments in different parts of the world. According to Hertz, this generation wants to put its own stamp on products, services and media as part of the process of designing and creating an idea or product, not just buying it (Duygulu, 2018:640)

According to the speed of change, the period of defining generations has also changed. As it is known, generation refers to individuals who have been affected by similar events, who react similarly to events, who have similar tastes, who were born in the same years, that is, at approximately the same age. In this definition, there has been a change in the traditional acceptance of generations as 20 or 25 years old. Rapid change has started to widen the gap between individuals of 10 years or less, and generation definitions have increased in recent periods. An important area where the difference between generations can be seen is education. Especially, the difference in technology usage levels of students and teachers has created a new problem area in education. This difference can be seen not only in the use of technology by teachers and students but also in the processes of implementing new teaching methods and developing new teaching materials. The dynamic, rapidly changing profile of the student and the more static structure of the teacher can create a problem area. Of course, this is not a problem that only the teacher can solve. It is a situation that needs to be quickly presented as an output in educational policies and investments.

Distance education, which has become widespread with the pandemic, has put forward various requirements in areas that form the basis of education, such as course material development, measurement and evaluation. These requirements also make it compulsory to have a certain technological tool. However, in developing countries such as Türkiye, it has been observed that there are infrastructure problems related to distance education and that access to technology and the internet can be a problem for all stakeholders in education. Two concepts emerge here. One of them is digital nativeness and the other is digital nomadism. Of these concepts developed

by Prensky in 2001, the concept of digital nativeness is a definition used for the generation that grew up with new technologies, adopted, internalized and benefited from digitalization, while digital nomadism defines those who, unlike digital natives, have adaptation problems in the use of digital tools, have problems in adapting to technology and meet digital media later. The levels of digital literacy or use of new technologies as a learning tool differ for those who fall under both definitions. This points to the difficulty of building relationships between generations.

d. Cultural Lag and values

Culture is a production of society. It is also a unique element of society. Its uniqueness is what distinguishes it from other societies. Society produces elements of material culture and spiritual culture. The material elements of culture are the concrete situations or products it produces. The immaterial elements of culture are the meanings and realities behind these concrete situations. They are the meanings produced in relation to concrete situations. Although social life makes concrete situations more visible, the real reality in society should be sought in the meanings behind these concrete situations.

Rapid social change reveals a visible progress in the material elements of culture. Especially, the development of technology increases its impact on daily life. However, what is expected here is the harmony of the pace of development between the tangible cultural elements, i.e., the material elements of culture, and the intangible cultural elements. Otherwise, the situation that will emerge will be cultural lag. In this context, cultural lag is a situation arising from the fact that the rate of change between the elements of material culture and the elements of immaterial culture is not the same. This is an important problem area for society. Because it is the elements of spiritual culture that sustain society, establish solidarity in society or, in the most general terms, ensure social integration. Values have a privileged importance for the continuation of the social structure. Values are states that express goodness or beauty in society. Values refer to social beliefs about the desirability, desirability or otherwise of something. The most important feature of values is that they provide standards that guide behavior in various situations. Values are the basis for introducing ourselves to others, for judging others' behavior and our own behavior, for comparing ourselves with others, and for persuading others. In this way, human beings establish criteria for evaluating events that guide their behavior. It specifies ideal and desired lifestyles (Sağanak, 2004: 715).

Values are indispensable in social life. This increasing place of technology and digitalization, which is an element of it, in daily life has brought about a change in the system of values. Therefore, while the elements of material culture are changing, the values that constitute the elements of spiritual culture must take their place in this change. Otherwise, it will reveal the situation that we will define as cultural lag. This means more clearly that social media, virtual communities, or, more generally, the digital environment is an important area that needs to be nurtured ethically. Because the problem of people not being face to face can create a weakness in this area. Because society is also a structure of norms. On digital platforms, the effect of norms, in general terms, social control, can be reduced. Social control teaches individuals what to do as a given in the social life sphere. The lack of social control on social platforms can reduce the effect of this regulation. This situation will bring us the concept of digital ethics. Digital ethics is a set of rules about not harming others by using technology or the correct use

of technology. This is again related to perceived reality. It is to adopt the fact that the virtual reality situation is not without rules. It is to adopt the fact that this area is a set of moral and courtesy rules that express elements such as respect and sharing. In this way, all transactions and processes carried out over the internet will be done with the right behavior patterns, and the moral appropriateness of all our behaviors in the virtual environment will gain importance. At the same time, it will also serve as a guideline not only for the place of men in interpersonal relations, but also for how the texts, visuals and content produced should be used. Therefore, digital ethics is a situation with a very wide dimension that addresses both young people on digital platforms and scientists in academic writing.

Conclusion

Social change can be analyzed in micro, meso, and macro dimensions. The main point here is to be able to see the reactions of different segments of society to change and to comprehend change on a global scale. The development of information technologies has been an important factor in accelerating change. In addition, factors such as the falling costs of technology and global competition have made it easier for social segments to access these technological elements to an expanding extent. Thus, the access of social layers to informatics instruments has become widespread.

While change is expressed, it is known that social institutions are also organized according to this change. Institutions are systems of rules and each new situation brings new regulations within the system of rules. However, the process of adaptation of different age categories of society to this change and their effects on the change will be different from each other. While change will be perceived as a problem for some segments of society, it will be seen as an opportunity for others. Whether it is perceived as a problem or an opportunity, social rules make this change indispensable.

This research has been/was/is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant №. BR21882302 Kazakhstan's society in the context of digital transformation: prospects and risks).

References

- Baizakova, Z., Sakenova, S., Baigabylov, N. and Kudabekov, M. (2025) 'Building resilience: Tackling socioeconomic vulnerability in Kazakhstan's communities', *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*, 8(1), pp. 1530–1548. Available at: <https://doi.org/10.53894/ijirss.v8i1.4698> (Accessed: 12 May 2025). – electronic resource
- Bayburt, B., & Eğin, F. (2021). TEKNOLOJİ VE SANAYİDEKİ GELİŞMELERİN YANSIMASI OLARAK EĞİTİM 4.0. *Bilgi Ekonomisi Ve Yönetimi Dergisi*, 16(2), 137-154. <https://doi.org/10.54860/beyder.1010372>
- Bayındır, N., (2023). Öğretmen Adaylarının Dijital Dünyanın İlkokul Öğrencilerine Yönelik Barındırdığı Riskler Hakkındaki Görüşlerinin Belirlenmesi, 21. Yüzyılda Eğitim ve Toplum, c 12, s 35, 529 – 544s.

- Bilgin Ülken, F., & Kılınç, F. (2018). Çocukların Çevrimiçi Ortamda Karşılaştıkları Risk Türleri İle Aracılık Uygulamaları Arasındaki İlişki. *İnsan Ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi*, 7(1), 124-145. <https://doi.org/10.15869/itobiad.350599>
- Bozkurt, A., Hamutoğlu, N. B., Liman Kaban, A., Taşçı, G., vd. (2021). Dijital bilgi çağı: Dijital toplum, dijital dönüşüm, dijital eğitim ve dijital yeterlilikler. *Açıköğretim Uygulamaları Ve Araştırmaları Dergisi*, 7(2), 35-63. <https://doi.org/10.51948/auad.911584>
- Çeçen, A. F., Çokluk, N., Bostancı, M., Atmaca, S. (2023). Aile Kurumuna Dijital Bir Yaklaşım: Dijital Aile Sözleşmesi. *Gaziantep Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 22(1), 66-84. <https://doi.org/10.21547/jss.1206730>
- Deveoğlu Müge, 2020, Yalnızlığın Yeni Hali: Dijital Yalnızlık, *Sosyologca* C:9-10 S: 18-19 s341-352
- Duygulu, S. (2018). Yeni Medya Teknolojilerinin K-Kuşağının Ebeveynleri İle Olan İletişimine Etkisi. *TRT Akademi*, 3(6), 632-652.
- Eyrek, A. (2022). Sanal Toplulukların Oluşmasında İçerik Üreticilerinin ve Bireyler Arası Etkileşimin Rolü. *Selçuk İletişim*, 15(1), 238-263. <https://doi.org/10.18094/josc.986871>
- Gilanlıoğlu, E., & Öze, N. (2020). DİJİTAL TÜKETİM KÜLTÜRÜNÜN HEGEMONYASI VE SERBEST ZAMAN. *Yeni Medya Elektronik Dergisi*, 4(3), 185-202.
- Goffman, E. (2017). *etkileşim Ritüelleri*, Çev. Adem Bölükbaşı, Ankara, Heretik yayınları
- Karaca, İ., & Karaca, N. (2021). 2023 Vizyon Belgesi'nin Dijitalleşme Açısından İncelenmesi. *Ulusal Eğitim Akademisi Dergisi*, 5(1), 1-8. <https://doi.org/10.32960/uead.855514>
- Muhic, H., Huskić, S. and Hibert, M. (2023) 'Algoritamska intermedijacija i remodeliranje vrijednosti odlučivanja u sistemu visokog obrazovanja / Algorithmic intermediation and remodeling of decision-making values in higher education system', *Pregled: Časopis za društvena pitanja / Periodical for Social Issues*, 1, pp. 231-250.
- Özbay, R. D., & Yılmaz Genç, S. (2023). Dijital Ekonomi: Sistemik Bir Literatür Araştırması. *JOEEP: Journal of Emerging Economies and Policy*, 8(2), 606-618.
- Sağanak, Mesut, 2004, Ortaöğretim okullarında öğrenim gören öğrencilerin okulun örgütsel değerlerine ilişkin algıları ile kişisel değerleri arasındaki uyum düzeyleri, *Değerler ve Eğitimi Uluslararası Sempozyumu*, İstanbul, Değerler Eğitimi Merkezi Yayınları. 715- 726 s
- Singun, A.J. (2025) 'Unveiling the barriers to digital transformation in higher education institutions: a systematic literature review', *Discover Education*, 4(37). Available at: <https://doi.org/10.1007/s44217-025-00430-9>
- Taş, H. Y. (2018). Dördüncü Sanayi Devrimi'nin (Endüstri 4.0) Çalışma Hayatına ve İstihdama Muhtemel Etkileri. *OPUS International Journal of Society Researches*, 9(16), 1817-1836. <https://doi.org/10.26466/opus.479123>
- Taşkıran, Ayşe, 2017, Dijital Çağda Yükseköğretim, *AUAd* 2017, Cilt 3, Sayı 1, s 96-109
- Uslaner, E. (2003). "Trust in the Knowledge Society," University of Jyväskylä, Jyväskylä, Finland, 20 September, 2002 and for presentation at Nuffield College, Oxford University, February 14

Х. Беширли

Анкара Хаджи Байрам Вели университеті, Анкара, Түркия

Жоғары білім берудегі цифрландырудың жеке тұлғаға әсері

Аңдатпа. Қоғам дифференциация мен өзгерістер үнемі болатын тірі организм секілді болып табылады. Әлеуметтік өзгерістер-бұл әлеуметтік институттардың құрылымдары мен олардың атқаратын функцияларының өзгеруі. Тарихи процесс барысында қоғам мен мәдениетті құрайтын әлеуметтік институттарға әртүрлі көзқарастар туындайды. Әлеуметтік өзгерістерді зерттеу мәдени трансформацияны да көруді білдіреді. Осылайша әлеуметтік құрылымның жаңа күйі анықталады. Институттарға негізделген өзгерістер процесінің бұл анықтамасы әлеуметтік институттарды анықтайтын факторларға негізделген қоғамның түрлерін ашады. Бүгінгі таңда басым болып келетін технологиялық детерминизм цифрлық қоғамды анықтауға әкелді. Цифрлық қоғам-цифрлық саладағы технологиялық дамудың нәтижесі. Жасанды интеллекттің өсіп келе жатқан маңызы цифрлық қоғамды анықтауда шешуші рөл атқарды, өйткені ол тек бір салада ғана емес, көптеген салаларда да қарастырылады. Отбасы, білім, экономика, саясат, дін және бос уақыт сияқты барлық әлеуметтік институттар осы жаңа факторға сәйкес қалыптасады. Олардың ішіндегі ең маңызды институттардың бірі-білім беру институты. Оқу орнындағы өзгерістерді түсіну үшін тек цифрлық технологияларды ғана емес, сонымен қатар институттардың бір-біріне тәуелділігін де түсіну қажет. Әлеуметтік институттар бір-біріне әсер етеді, олар жаңа функцияларды орындай алады немесе бар функцияларын басқа мекемеге бере алады. Мұнда цифрлық қоғамдағы сенімге, жалғыздыққа/даралыққа және құндылықтарға байланысты жағдайлар қалай қалыптасатыны туралы мәселені қарастыру қажет. Бұл зерттеуде цифрландыру процесі жоғары білім беру саласындағы құбылыс ретінде қарастырылады және оның мақсаты осы құбылыспен анықталған әлеуметтік салдарды бағалау болып табылады. Зерттеу барысында сенім, жалғыздық және технологияны қолданудағы деңгей айырмашылықтары талқыланады, сонымен қатар білім беру мекемесінің ұйымы болып табылатын жоғары білім беру саласындағы цифрландырудың жеке тұлғаға әсерін анықтауға ұмтылыс жасалынады.

Негізгі ұғымдар: жоғары білім беруді цифрландыру, цифрлық трансформация, әлеуметтік өзгерістер, цифрландыру, цифрлық қоғам, сенім, оқшаулану, жоғары білім.

Х. Беширли

Университет Хаджи Байрама Вели в Анкаре, Анкара, Турция

Влияние цифровизации на личность в высшем образовании

Аннотация. Общество подобно живому организму, в котором постоянно происходят дифференциация и изменения. Социальные изменения – это трансформация структур социальных институтов и выполняемых ими функций. Таким образом, в ходе исторического процесса возникают различные взгляды на социальные институты, составляющие общество и культуру. Изучать социальные изменения – значит также видеть культурную трансформацию. Таким

образом, мы выявляем новое состояние социальной структуры. Это определение процесса изменений, основанное на институтах, раскрывает типы общества, которые определяются на основе факторов, определяющих социальные институты. Сегодня доминирующий технологический детерминизм привел к определению цифрового общества. Цифровое общество является результатом технологического развития в цифровой сфере. Растущее значение искусственного интеллекта сыграло решающую роль в определении цифрового общества, поскольку оно рассматривается не только в одной области, но и во многих областях. Все социальные институты, такие, как семья, образование, экономика, политика, религия и досуг, формируются в соответствии с этим новым фактором. Одним из наиболее важных институтов среди них является институт образования. Чтобы понять изменения в образовательном учреждении, необходимо понимать не только цифровые технологии, но и зависимость институтов друг от друга. Социальные институты влияют друг на друга, они могут выполнять новые функции или передавать свои существующие функции другому учреждению. Здесь необходимо рассмотреть вопрос о том, как будут формироваться ситуации, связанные с доверием, одиночеством/индивидуальностью и ценностями в цифровом обществе. В данном исследовании процесс цифровизации рассматривается как явление в сфере высшего образования, и его цель - оценить социальные последствия, выявляемые этим явлением. В рамках исследования обсуждаются различия в уровне доверия, одиночества и использовании технологий, а также делается попытка выявить влияние цифровизации на личность в сфере высшего образования, которое представляет собой организацию образовательного учреждения.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, цифровая трансформация, социальные изменения, цифровизация, цифровое общество, доверие, изоляция, высшее образование.

Information about author

H. Beşirli – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology, Ankara Hacı Bayram Veli University, Devlet Mahallesi str., 85, 06570, Ankara, Türkiye

Автор туралы мәліметтер

Х. Беширли – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Анкара Хаджи Байрам Вели университеті, әлеуметтану кафедрасының профессоры, Махалле Девлет көшесі, 85, 06570, Анкара, Түркия

Сведения об авторе

Х. Беширли – доктор социальных наук, профессор кафедры социологии Университета Анкары Хаджи Байрама Вели, ул. Махалле Девлет, 85, 06570, Анкара, Турция

МРНТИ 04.51.61

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-41-53>

Study of Anti-Corruption Ethics among Kazakhstani Youth: Media World's Possibilities

G.M. Burakanova¹, A.A. Maimakova*², A.G. Orazgaliyeva¹, N.O. Baigabylov¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

²Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

(E-mail: asse_may@mail.ru)

Abstract. The article describes the vision statements of young Kazakhstanis, which allow us to study the moral phase of the corruption phenomenon through the analysis of behavioral responses to corruption situations. Study of the anti-corruption ethics among young people is based on the results of a nationwide survey of Kazakhstan population conducted on the initiative of the Anti-corruption Agency of the Republic of Kazakhstan, together with the Talap Center for Applied Research. Such a survey was aimed at the perceptual evaluation of corruption level in the country and the potential for integrity of the population. The results of the survey demonstrate a negative attitude toward corruption among the majority of the respondents. As well, they maintain a principled stand on bribery and believe that corruption largely hinders the full implementation of personal and professional activities. The study established the fact that the moral guidelines of the majority of the rising generation broadcast anti-corruption attitudes. In this regard, of particular interest is the role and power of the media in creating the ethical ideals among young Kazakhstanis in general and their anti-corruption worldview in particular. The article analyzes the possibilities of the media in the development of anti-corruption ethics and behavior among the population.

Keywords: youth, ethics, corruption, anti-corruption ethics, attitudes, media, social research.

Introduction

Corruption is one of the most dangerous systemic threats not only to the economic and political security of the Republic of Kazakhstan but also to the moral foundations of society, destroying the worldview and spirituality of the younger generation. From the traditional point of view, corruption is perceived as a social evil that is rooted in the imperfection of the social structure. At the same time, one cannot deny the fact that this imperfection is based on some anomalies of the moral nature of man. It is in bribery that the social and the individual pass into each other, thus forming a single symbiosis. And in this sense, corruption is a universal and, in some way, irremovable phenomenon. American researchers Arnold A. Rogow and Harold D. Lasswell noted that when we look into corruption in the political and administrative system of a society, we should recognize that corruption is more or less inherent to any society and can be considered as a part of the real system (*Rogow, 2005*).

In January 2021, Transparency International, an international organization dedicated to combating corruption, released its annual Corruption Perceptions Index (CPI) for the year 2020. According to the report, Kazakhstan received a score of 38 points, ranking 94th globally. The country shared this position with Brazil, Ethiopia, Peru, Serbia, Sri Lanka, Suriname, and Tanzania (*Kazakhstan climbs 19 positions in Transparency International's CPI, 2021*).

The Republic of Kazakhstan sets the task of countering corruption as a priority in state policy at the present stage. But despite the measures taken by state authorities and society, corruption is still dangerous to the normal functioning of social mechanisms and the modernization of the Kazakhstan economy. Besides, corruption causes distrust among the population in the institutions of government, thus hindering the implementation of social transformations.

Within the framework of Kazakhstan's societal transformation, the youth represent the most mobile and rapidly adapting socio-demographic group. Due to their age characteristics and relatively "marginal" social status, they are particularly sensitive to changes in their environment. As a driving force of progress, young people play a key role in unlocking the socio-cultural and socio-economic potential of the state. Their ability to adjust swiftly to new social realities enables them to spearhead processes of sociocultural transformation within society.

According to popular opinion, the youth group belongs to people in the 14-30 age bracket. These boundaries are quite flexible, conditional, and depend on the socio-economic and historical context, as well as certain personal qualities and key events in the life of an individual. Nevertheless, sociologists, demographers, and psychologists agree that most people complete the process of life self-determination and get a stable position in the system of social relations and economic independence by the age of 30.

Youth perceive corruption as illegal use by officials holding responsible public positions of material benefits and advantages for themselves or third parties, extracting personally or through intermediaries, as well as bribing others by providing benefits and advantages (*Law of the Republic of Kazakhstan, On combating corruption, 2015*).

The initiatives undertaken by Kazakhstan's leadership, including stricter anti-corruption measures, the digitalization of public services, and support programs for the population and businesses during the pandemic, have been positively received by the global community. However,

international experts also highlight concerns regarding violations of democratic freedoms. These include a lack of transparency in financial reporting on healthcare expenditures, unjustified restrictions on journalists, human rights defenders, and civil society representatives. Despite ongoing efforts, Kazakhstan remains among the countries most vulnerable to corruption (*Four anti-corruption recommendations relevant for Kazakhstan, 2021*).

However, corruption has not reached an alarming scale in all countries. For instance, nations such as Switzerland, Denmark, the Scandinavian countries, Hong Kong, Singapore, and Thailand have either eradicated corruption at its core or keep it firmly under state control. The key to their success in combating corruption lies largely in the deeply rooted moral values within society and the ethical integrity of individuals.

Morality encompasses a society's shared beliefs about good and evil, right and wrong, as well as the behavioral norms derived from these principles (*New Encyclopedic Dictionary, 2006*). In this context, anti-corruption ethics can be defined as the moral stance of an individual who rejects corruption as a societal ill – one that fosters injustice, inequality, greed, dishonesty, shamelessness, impunity, arrogance, and other negative traits.

At the same time, some individuals do not adhere to these moral standards. They operate based on their own interpretations of justice, responsibility, humanism, honor, dignity, and duty. It is not that their actions necessarily contradict moral norms, but rather that they possess the ability to construct a personal sense of moral comfort in situations where others might experience pangs of conscience – such as disappointment, remorse, regret, or shame. Corruption, like any other crime, has persisted for millennia because it continues to be rationalized through certain moral justifications.

Data and Methods

To study the anti-corruption ethics of Kazakhstan youth, we turned to the results of a large-scale survey of the population conducted at the end of 2019 on the initiative of the Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan to evaluate the perception of the corruption level in the country and the potential for integrity of citizens. The survey was carried out by Talap Center for Applied Research using a special mobile app “Talap. Surveys” using a random sample of respondents throughout Kazakhstan. The reliability of data identification about the respondents was confirmed through a mobile device (by IMEI), registration (via SMS), and geolocation (*Report on anti-corruption monitoring to identify areas most prone to corruption based on the results of 2019, 2020*).

The object of the study was the population of the Republic of Kazakhstan aged 18 years and older.

The subject of the study was the attitude of the population to the situation around corruption in Kazakhstan, assessment of the citizens' potential to participate in anti-corruption policies, and their integrity, i.e., integrity here means the development of an anti-corruption model of behavior in the society.

The study covered 58,336 Kazakhstan citizens from 17 regions of Kazakhstan, 52% of whom are women and 48% are men. The level of education of the respondents: 72% have higher

education, 13.4% have specialized secondary education, 11.2% have secondary education, 2.9% have an academic degree, and 0.6% have primary education.

Study results were analyzed through mathematical treatment of data, its systematization (calculation of answer options distribution), as well as visualization – a visual representation in the form of tables and diagrams.

Whole composition of the survey questionnaire for the respondent includes three parts: introductory, main and reference. The introductory part of the questionnaire outlines the purpose and objectives of the study, describes how the results of the survey will be used, guarantees the anonymity of information about the respondent, and also indicates the rules for filling out the questionnaire.

The main part of the questionnaire consists of four blocks of questions aimed at obtaining the necessary information from respondents, including: “Assessment of the level of perception of corruption”, “Attitude towards corruption”, “Awareness of anti-corruption measures”, and “Citizens' integrity potential”.

The reference part at the end of the questionnaire contains questions aimed at obtaining information about the respondent (gender, age, region of residence, education, kind of activity).

Thus, the questionnaire consists of 35 questions, 26 of which are closed questions, 8 are semi-closed, and 1 is open.

From a methodological perspective, this study is grounded in V.A. Yadov's dispositional concept of personality (*Yadov, 1979*), which lies at the intersection of sociology and psychology. This framework explores an individual's cognitive, emotional, and behavioral predispositions ("dispositions") that shape their responses to different social conditions. In other words, it examines psychological tendencies that influence a person's readiness to engage in specific activities within particular social contexts. Thus, the value level of public consciousness in the hierarchy of dispositions seems to be strategically important for assessing the attitude of the population towards corruption.

Results and Discussions

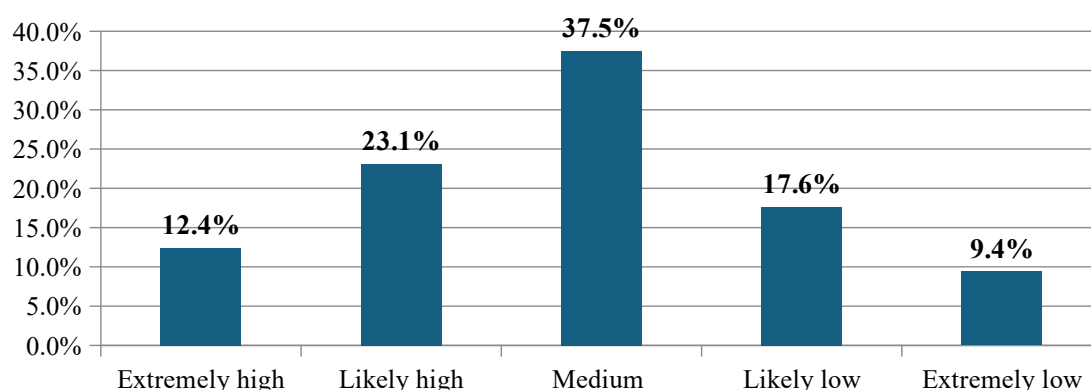
It should be noted that one of the objectives of the study was to compare and identify the difference in the perception of the corruption level in the country by youth and adult respondents. The young respondents were people aged 18 to 30. This age range was defined in accordance with the official classification of youth in the Republic of Kazakhstan valid in 2019, which considered individuals up to the age of 30 inclusive as youth. In addition, surveying individuals under the age of 18 without the written consent of parents or legal guardians is prohibited by current legislation governing sociological research involving minors. Therefore, the sample was limited exclusively to adult participants.

In total, 52% of respondents aged 18 to 30 took part in the survey. The results of the study showed that respondents of the young generation have the same opinion as older respondents about the situation with corruption in the country. Thus, the results of the survey described below demonstrate the general attitude of the young and older population towards the situation with corruption in Kazakhstan.

Since in our study we are interested in studying the moral phase of the corruption phenomenon, we will focus on describing the respondents' answers to those questions that allow us to study their anti-corruption ethics more detailed.

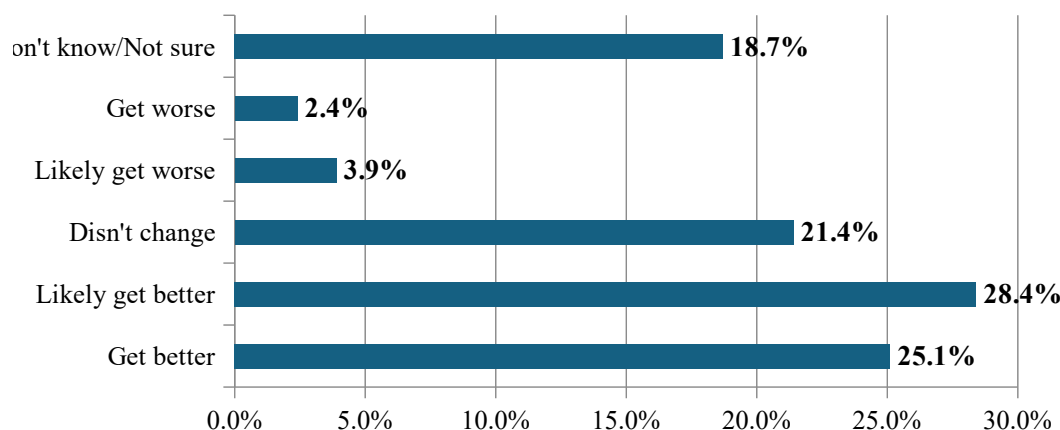
According to the survey results, only 1/3 of the respondents assess the level of corruption in the country as 'high', while 2/3 of the respondents assess the level of corruption in the country as 'medium' and 'low' (Fig. 1).

Fig. 1 What do you think is the level of corruption in the country now?

In particular, more than half of the respondents (54%) noted that the situation with corruption in the country improved over the past 3 years (Fig. 2).

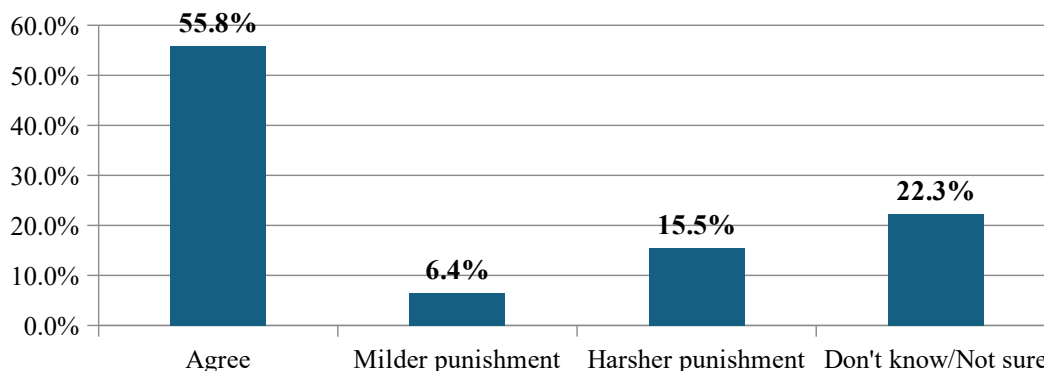
Fig. 2 How has the situation with corruption in the country changed over the past 3 years?

Respondents were asked to express the degree of agreement with the severity of punishment for a corruption offense and gave a hypothetical example with a possible outcome after reading out a sentence in the court: "Imagine that an official was punished for a corruption offense (taking a bribe up to 300,000 Tenge), the sentence is: a fine and 3 years of restriction of liberty with deprivation of the right to hold public office." Such a question indirectly makes it possible to assess the mood of Kazakhstanis regarding the liberalization of the punishment policy for corruption offenses.

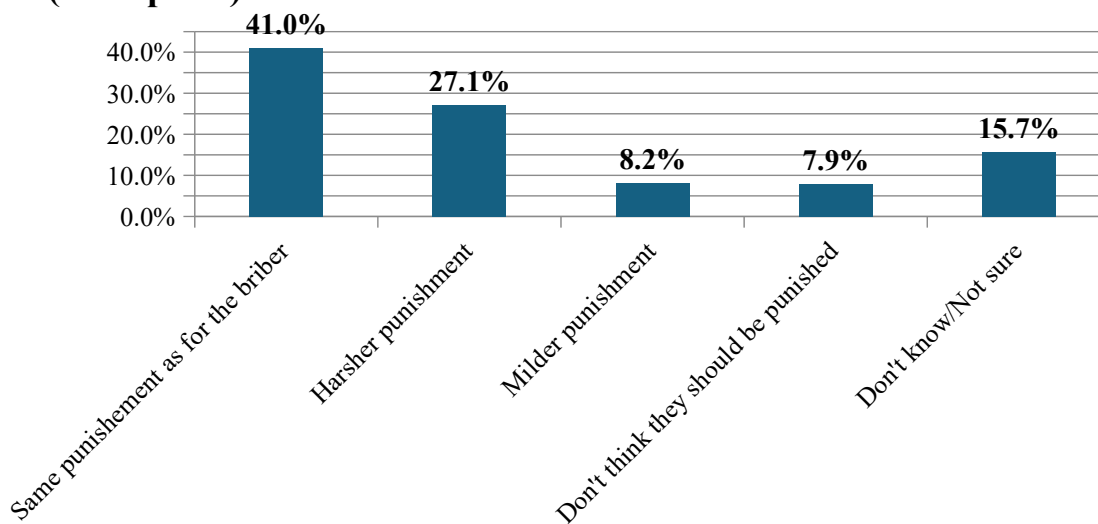
As a result, the majority of respondents agreed with the verdict, and every sixth respondent considers such a punishment too mild. This indicates a low degree of tolerance for corruption offenses, especially on the part of officials (Fig. 3).

Fig. 3 Do you agree with the degree of severity of punishment for a corruption?

To the question 'Should those who give bribes be punished?' 76.9% of respondents answered positively. At the same time, most of them believe that the punishment in this case for such persons should be the same as for those who take bribes, and every fourth respondent believes that bribe givers should be punished more severely than bribe takers (Fig. 4).

Fig. 4 What punishment should get those people who give bribes (corruptors)?

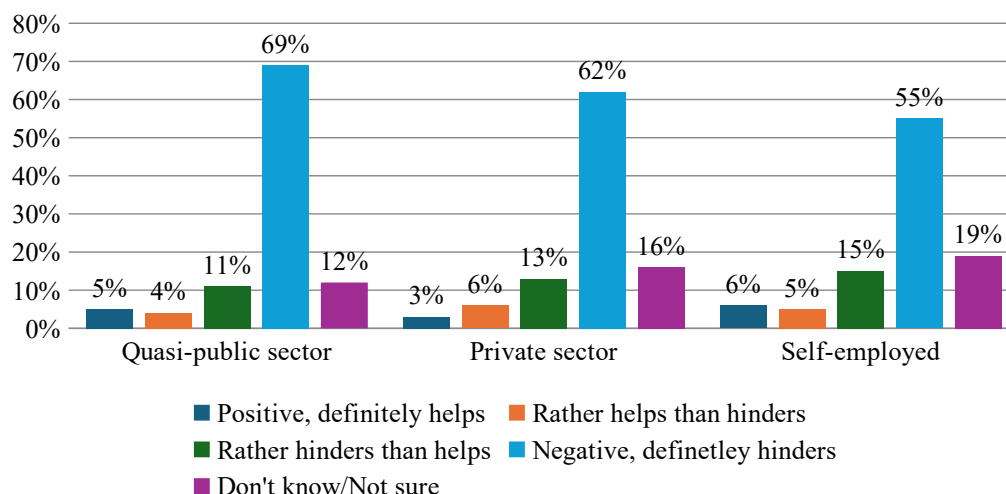

Speaking about the ability of citizens to participate in anti-corruption policy, it should be noted that the study showed that 63% of respondents are ready to take part in anti-corruption activities, including as a volunteer (30.8%).

The survey results showed that the majority of Kazakhstanis have a negative attitude toward corruption as a social phenomenon. At the same time, the negative attitude towards corruption

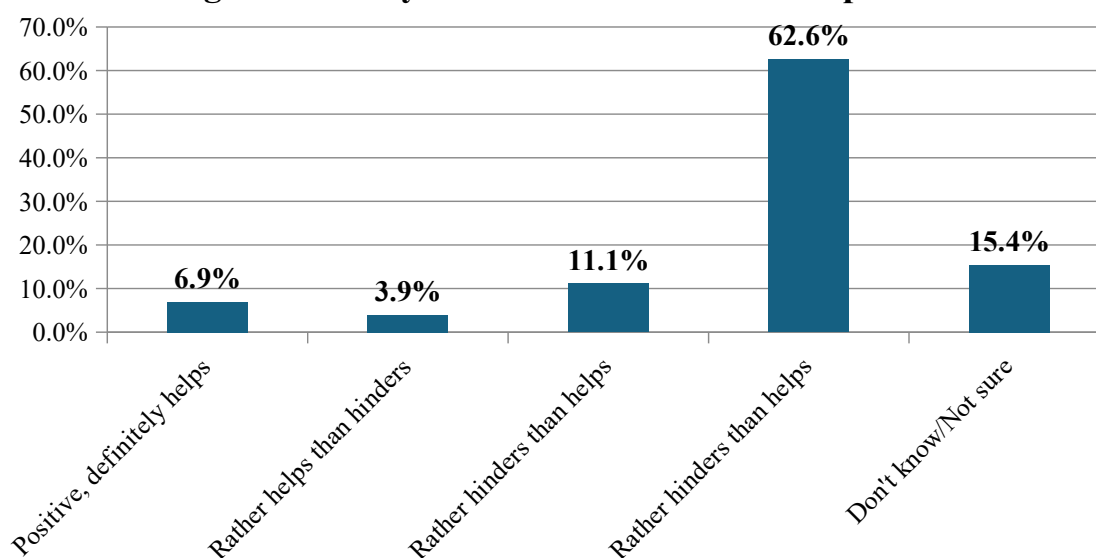
is more clearly pronounced among representatives of the civil service, employees of the public sector, and the quasi-public sector (Fig. 5).

Fig. 5 What is your attitude towards corruption?

In total, 73.7% of respondents expressed their negative attitude towards corruption and believe that corruption in the country, to a large extent, hinders the full implementation of personal and professional activities (Fig. 6).

Fig. 6 What is your attitude towards corruption?

An important result of the study was the confirmation of the fact that the moral guidelines of Kazakhstan population broadcast anti-corruption attitudes. Personal attitudes towards corruption based on the idea that bribes are bad are held by 62% of citizens. Thus, the majority adhere to a principled ground on the issue of bribery.

The study of the moral aspect of the corruption phenomenon becomes extremely relevant in the Kazakhstan society when discussing the development of an intolerant attitude to corruption on the part of youth. The Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025 approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 986 on December 26, 2014, states the following: "The key role in this is played by the nurturing the younger generation with new views and life principles that do not allow them to tolerate corruption. For this purpose, it is important to engrain anti-corruption values through training and education from childhood, at all stages of development and formation of the individual. Issues of integrity and anti-corruption culture should be included in the education system" (*The Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025, 2014*).

Instilling an anti-corruption mindset among young people can be effectively achieved through examples of lawful and ethical behavior that emphasize integrity, honesty, and conscientiousness. Such an educational approach helps youth understand that corruption is not a solution but merely an easy, yet illegitimate, path that ultimately leads to negative consequences.

Education of anti-corruption values among the younger generation within the higher-education system can be both formal and informal. Formal education includes learning by students of compulsory disciplines that form an anti-corruption worldview, while informal education is implemented through the organization and holding of such extracurricular activities as round tables, promotions, conferences, etc.

Unfortunately, in practice, the implementation of formal anti-corruption measures in the educational system often becomes a pedagogical and organizational task. Teaching staff develop numerous methodological recommendations which, as a rule, do not contain information about those features of everyday vision of corruption that are already formed among Kazakhstan youth.

And at the same time, the developers of such methodological recommendations do not always take into account those peculiarities that are inherent in the minds of young people. Youth represent the most energetic, dynamic, and rapidly evolving segment of society. It is within this group that new perspectives, innovative ideas, and advanced technologies emerge and are put into practice. As the driving force behind future development, the younger generation shapes the direction of societal progress. A prosperous future depends on their active social and civic engagement, including a strong commitment to combating corruption in all its forms and at every level.

Contemporary youth can, among other things, be characterized by a significant distortion in their sense of justice, which results in the perception that corruption is a common and normal occurrence in their country. This distortion, found in some young people who grew up during the economic, political, and cultural reforms over the 30 years of Kazakhstan's independence, can be referred to as legal nihilism.

As for informal anti-corruption education, there is the following trend: many extracurricular activities regarding the development of an anti-corruption worldview are mainly aimed at enriching and accumulating students' theoretical knowledge, but do not encourage them to be guided by the law in case of their own selfish gain. Mainly this is because of the fact that, along with anti-corruption education in universities, students receive the opposite idea of corruption from the media, which often not only highlights an inefficient work of the public sector in anti-corruption efforts but also promotes illegal activities.

It should be noted that in modern reality, the mass media has its special role in the informal formation of moral ideals among the younger generation in general and their anti-corruption worldview in particular. Mass media, so-called the 'fourth power', today act as a powerful tool for the development of public consciousness, attitudes and interests. A distinctive feature of the media sources is that through this institution, the state can influence the mass consciousness of the population, prompting them to commit certain actions or inaction. Therefore, one cannot ignore the huge power and potential of the media world, which can be directed to anti-corruption education of the younger generation.

Conclusions

The capabilities of the media world for the development of anti-corruption ethics and behavior are as follows:

1. informing the public about prompt and effective ways of interacting with state bodies and public institutions on combating manifestations of corruption;
2. clear and transparent communication about state bodies' activities and the ways of interacting with them, which will positively affect the effectiveness of feedback from the population;
3. highlighting the success of past positive experiences in the implementation of anti-corruption policy and practice in the fight against corruption at the regional, state and international levels;
4. informing about the results of research aimed at studying modern forms of corruption and combating them;
5. promotion of a negative attitude towards corruption through the demonstration of materials on the strict punishment of corrupt officials and persons involved in any corruption crime;
6. promotion of anti-corruption behavior patterns and socially acceptable ways for youth to achieve the desired goals.

Thus, the general task of the media world in the development of anti-corruption ethics is to inform the public that corruption is not a way of quick and mutually beneficial interaction between individual entities but a real crime that entails negative consequences not only for participants in the corruption scheme in particular but also poses a threat to the state development as a whole. At the same time, the mass media need to create an atmosphere of intolerance towards corruption among the youth which will lead not only to anti-corruption behavior of the young people but also to the development of an anti-corruption worldview.

In 2025, the authors plan to conduct a follow-up study on integrity and perceptions of corruption in the country, specifically targeting student youth. The anticipated research will provide an empirical foundation for a subsequent publication within the scope of this thematic area.

Authors' contributions: G.M. Burakanova played a leading role in defining the design of the study and writing the article. A.A. Maimakova contributed to the collection, processing, and analysis of data and performed a literature review on the topic of the study. A.G. Orazgaliyeva

was the coordinator of the research project at the Center for Applied Research "Talap". N.O. Baigabylov made a substantial contribution to the study design.

References

Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы, 2014. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986 [онлайн]. Доступно по ссылке: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31645304&pos=12;-54#pos=12;-54 [Дата обращения: 19 февраля 2025].

Закон Республики Казахстан, 2015. О противодействии коррупции. № 410-V ЗРК от 18 ноября 2015 года [онлайн]. Доступно по ссылке: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> [Дата обращения: 19 февраля 2025].

Интернет-журнал «Власть», 2021. Казахстан поднялся на 19 позиций в Индексе восприятия коррупции Transparency International. Власть [онлайн]. Доступно по ссылке: <https://vlast.kz/novosti/43563-kazakhstan-podnalsa-na-19-pozicij-v-indekse-vozpriatia-korrupcii-transparency-international.html> [Дата обращения: 19 февраля 2025].

Интернет-журнал «Капитал», 2021. Для РК актуальны 4 антикоррупционные рекомендации. Капитал [онлайн]. Доступно по ссылке: <https://kapital.kz/gosudarstvo/92995/dlya-rk-aktual-ny-4-antikorrupsionnyye-rekomendatsii.html> [Дата обращения: 19 февраля 2025].

Новый энциклопедический словарь, 2006. Большая российская энциклопедия. БЭС. Библиотека энциклопедических словарей. Москва: РИПОЛ КЛАССИК; Большая Российская энциклопедия.

Отчет по антикоррупционному мониторингу, 2020. Определение сфер, наиболее подверженных коррупции, по итогам 2019 года [онлайн]. Доступно по ссылке: http://old-site.zhkh.saran.gov.kz/files/userfiles/2020/270320/akm_2019.docx [Дата обращения: 19 февраля 2025].

Рогоу, А.А. и Лассуэл, Г.Д., 2005. Власть, коррупция и честность. Москва: Изд-во РАГС.

Ядов, В.А., 1979. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Ленинград: Наука.

Г.М. Бураканова¹, А.А. Маймакова^{*2}, А.Г. Оразгалиева¹, Н.О. Байгабылов¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

²Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар, Қазақстан Республикасы

Қазақстандық жастар арасында сыбайлас жемқорлыққа қарсы этиканы қалыптастыру: медиаәлемінің ықпалы

Андатпа. Мақалада жас қазақстандықтардың сыбайлас жемқорлық жағдайларына мінез-құлықтық реакциясы арқылы бұл құбылыстың моральдық қырын зерттеуге мүмкіндік беретін көзқарастары сипатталады. Жастар арасындағы сыбайлас жемқорлыққа қарсы этиканы зерттеу Қазақстан Республикасы Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл агенттігінің бастамасымен

және «Талап» қолданбалы зерттеулер орталығымен бірлесіп жүргізілген ұлттық сауалнама нәтижелеріне негізделген. Бұл сауалнама қоғамдағы жемқорлықты қабылдау деңгейі мен азаматтардың адалдық әлеуетін бағалауға бағытталған. Зерттеу нәтижелері респонденттердің басым бөлігінің сыбайлас жемқорлыққа теріс көзқараста екенін көрсетті. Сондай-ақ, олар парақорлыққа түбегейлі қарсы болып, сыбайлас жемқорлық жеке және кәсіби дамуға елеулі кедергі келтіреді деп есептейді. Зерттеу нәтижесінде өскелең ұрпақтың көпшілігінің моральдық бағдарлары сыбайлас жемқорлыққа қарсы ұстанымдарды қолдайтыны анықталды. Осыған байланысты жастардың жалпы адамгершілік құндылықтары мен сыбайлас жемқорлыққа қарсы көзқарастарын қалыптастыруда бұқаралық ақпарат құралдарының рөлі мен ықпалы ерекше қызығушылық тудырады. Мақалада медиа құралдарының халық арасында сыбайлас жемқорлыққа қарсы этика мен мінез-құлықты дамытудағы мүмкіндіктері талданады.

Негізгі ұғымдар: жастар, этика, сыбайлас жемқорлық, сыбайлас жемқорлыққа қарсы этика, ұстанымдар, медиа, әлеуметтік зерттеу.

Г.М. Бураканова¹, А.А. Маймакова², А.Г. Оразғалиева¹, Н.О. Байгабылов¹

¹*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан*

²*Павлодарский педагогический университет имени Алкея Маргулана,
Павлодар, Республика Казахстан*

Формирование антикоррупционной этики у казахстанской молодежи: влияние медиапространства

Аннотация. В статье представлены взгляды казахстанской молодежи, позволяющие изучить моральный аспект коррупции через анализ поведенческих реакций на коррупционные ситуации. Исследование антикоррупционной этики среди молодежи основывается на данных общенационального социологического опроса населения Казахстана, проведенного по инициативе Агентства по противодействию коррупции Республики Казахстан совместно с Центром прикладных исследований «Талап». Опрос был направлен на выявление восприятия уровня коррупции в стране и потенциала граждан к добропорядочности. Результаты показали негативное отношение большинства респондентов к коррупции. Молодежь занимает принципиальную позицию по отношению к взяточничеству и считает, что коррупция значительно препятствует личной и профессиональной самореализации. Установлено, что моральные ориентиры большинства представителей молодого поколения транслируют антикоррупционные установки. В этой связи особый интерес представляет роль и влияние медиа в формировании этических идеалов у казахстанской молодежи в целом и антикоррупционного мировоззрения, в частности. В статье анализируются возможности медиа в развитии антикоррупционной этики и поведения среди населения.

Ключевые слова: молодежь, этика, коррупция, антикоррупционная этика, установки, медиа, социальное исследование.

References

Antikorrupcionnaya strategiya Respubliki Kazakhstan na 2015–2025 gody [The Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015–2025], 2014. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabrya 2014 goda No. 986 [online]. (In Russian) Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31645304&pos=12;-54#pos=12;-54 [Accessed 19 February 2025].

Zakon Respubliki Kazakhstan, 2015. O protivodeystvii korrupcii. [Law of the Republic of Kazakhstan, 2015. On combating corruption.] No. 410-V ZRK ot 18 noyabrya 2015 goda [online]. (In Russian) Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> [Accessed 19 February 2025].

Internet-zhurnal "Vlast", 2021. Kazakhstan podnialsya na 19 pozitsiy v Indekse vospriyatiya korrupcii [Kazakhstan climbs 19 positions in Transparency International's CPI] Transparency International. Vlast' [online]. (In Russian) Available at: <https://vlast.kz/novosti/43563-kazahstan-podnalsa-na-19-pozicij-v-indekse-vospriyatiya-korrupcii-transparency-international.html> [Accessed 19 February 2025].

Internet-zhurnal "Kapital", 2021. Dlya RK aktual'ny 4 antikorrupcionnye rekomendatsii [Four anti-corruption recommendations relevant for Kazakhstan]. Kapital [online]. (In Russian) Available at: <https://kapital.kz/gosudarstvo/92995/dlya-rk-aktual-ny-4-antikorrupcionnyye-rekomendatsii.html> [Accessed 19 February 2025].

Novyj enciklopedicheskij slovar', 2006. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. BES. Biblioteka enciklopedicheskikh slovarej [New Encyclopedic Dictionary, 2006. Great Russian encyclopedia. BES. Library of encyclopedic dictionaries]. Moskva: RIPOL Klassik; Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya. (In Russian)

Otchet po antikorrupcionnomu monitoringu, 2020. Opredelenie sfer, naibolee podverzhennykh korrupcii, po itogam 2019 goda [Report on anti-corruption monitoring to identify areas most prone to corruption based on the results of 2019, 2020.] [online]. (In Russian) Available at: http://old-site.zhkh.saran.gov.kz/files/userfiles/2020/270320/akm_2019.docx [Accessed 19 February 2025].

Rogow, A.A. and Lassuel, G.D., 2005. Vlast', korrupciya i chestnost' [Power, corruption and rectitude]. Moskva: Izd-vo RAGS. (In Russian)

Yadov, V.A., 1979. Samoregulyatsiya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti [Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual]. Leningrad: Nauka. (In Russian)

Information about authors

G.M. Burakanova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., 2, 010008, Astana, Kazakhstan

A.A. Maimakova – corresponding author, PhD student, Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Olzhabay Batyr str., 60, 140002, Pavlodar, Kazakhstan

A.G. Orazgaliyeva – PhD student, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., 2, 010008, Astana, Kazakhstan

N.O. Baigabylov – PhD, Associate Professor, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., 2, 010008, Astana, Kazakhstan

Авторлар туралы мәліметтер

Г.М. Бураканова – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, әлеуметтану кафедрасының профессоры, Сәтбаев көшесі, 2, 010008, Астана, Қазақстан

А.А. Маймакова – хат-хабар авторы, PhD докторанты, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Олжабай батыр көшесі, 60, 140002, Павлодар, Қазақстан

А.Г. Оразғалиева – PhD докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің әлеуметтану кафедрасы, Сәтбаев көшесі, 2, 010008, Астана, Қазақстан

Н.О. Байгабылов – PhD, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, әлеуметтану кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Сәтбаев көшесі, 2, 010008, Астана, Қазақстан

Сведения об авторах

Г.М. Бураканова – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010008, Астана, Казахстан

А.А. Маймакова – автор для корреспонденции, PhD-докторант, Павлодарский педагогический университет имени Алкея Маргулана, ул. Олжабай батыра, 60, 140002, Павлодар, Казахстан

А.Г. Оразғалиева – PhD-докторант, кафедра социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010008, Астана, Казахстан

Н.О. Байгабылов – PhD, ассоциированный профессор кафедры социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010008, Астана, Казахстан

МРНТИ 16.01.07; 12.51.01

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-54-69>

Научная статья

Наукометрический анализ ценностных приоритетов: тенденции и перспективы

Ш.К. Жаркынбекова^{ib}, Б.Х. Галиева^{ib}, Г.К. Аюпова*^{ib}

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

(E-mail: bagira_03_05@mail.ru)

Аннотация. В данной статье представлен наукометрический анализ ключевых понятий «ценность» и «приоритеты» в научных публикациях базы данных Scopus и Web of Science. Целью работы является выявление тенденций и направлений исследований, связанных с данными терминами с 2014-2023 гг. Выбор отмеченного периода позволяет установить современное состояние изучаемого направления и определить тенденции его дальнейшего развития. Для анализа использованы внутренние инструменты SciVal для работы с базой данных Scopus и программа VOS Viewer для визуализации ключевых слов в публикациях базы данных Web of Science. На основе анализа выстроена библиометрическая карта соприсутствия ключевых слов в разных публикациях и графически визуализирована междисциплинарная связь с темой проводимого исследования. В ходе исследования было выявлено, что ключевые слова «ценность» (value) и «приоритеты» (priorities) являются многоаспектными и используются в различных научных дисциплинах для анализа значимости идей, явлений, ресурсов и стратегий, что делает их важными для понимания как отдельных областей науки, так и междисциплинарных исследований. Основными смежными областями по итогам исследований в базе данных Scopus являются медицина, нейронаука, психология, социальные науки, искусство и гуманитарные науки, бизнес, менеджмент и учет; в Web of Science – категории, связанные с окружающей средой, технология, бизнес, медицина и компьютерные науки.

Ценность проведенного исследования заключается в выявлении ключевых трендов в осмыслении ценностных приоритетов на основе наукометрических данных, что способствует более глубокому пониманию направлению развития современной гуманитарной науки.

Практическое значение полученных результатов исследования заключается в возможности применения при формировании стратегий научного развития, определения приоритетных направлений исследований в области гуманитарного знания для мониторинга динамики научного интереса к теме ценностей в различных дисциплинарных контекстах.

Ключевые слова: анализ, библиометрия, инструмент, наукометрия, приоритеты, соприсутствие, ценность.

Введение

Наукометрия включает в себя количественные методы изучения развития науки как информационного процесса. При исследовании информационных потоков изучается не только рост отдельных показателей, характеризующих результаты исследований, но и производится формальный статистический анализ содержания публикаций. Особый интерес представляет статистическое изучение языка научных публикаций. Каждая область знаний вырабатывает свой особый язык, при котором кодируются целые научные концепции. Такая система кодирования дает возможность обмениваться информацией в пределах научных направлений (Nalimov, Mulchenko, 1971). Под особым языком подразумеваются ключевые слова, которые выполняют функцию «кодирования» научных концепций, позволяя информации эффективно распространяться в пределах научного сообщества. Основной целью наукометрии является анализ количества публикаций, цитирование работ в других исследованиях для оценивания влияния отдельных статей, авторов или журналов на научное сообщество, импакт-фактор журналов или индекс Хирша (h-индекс), взаимодействие между учеными, институтами и странами для выявления научной коллаборации и их влияние на продуктивность исследований, анализ ключевых направлений исследований (Дымкова, 2021, стр. 101-116).

В данном исследовании проводится наукометрический анализ публикаций в базах данных Scopus и Web of Science по проблеме ценностных приоритетов с 2014–2023 гг. В работе проведен количественный анализ опубликованных статей за указанный период, поиск ключевых слов «ценность» (value) и «приоритет» (priority) в базах данных, определение междисциплинарности исследуемой проблемы, рейтинг ведущих стран, издавших наибольшее количество публикаций по данной проблеме. Для полной картины исследования использовались внутренние инструменты базы данных Scopus (программа SciVal) и Web of Science (VOSViewer).

Изучение ценностных приоритетов в Республике Казахстан представляет собой важное направление лингвистических, социологических и культурологических исследований. Это связано с многонациональным составом населения, историей страны и ее современными вызовами, такими, как глобализация, модернизация и формирование национальной идентичности (Исламгулова, 2015, стр.56-64). Исследования в этой области охватывают различные аспекты ценностей, такие, как семейные, национальные, религиозные, культурные и социальные приоритеты. Основные направления изучения ценностей в Казахстане включают в себя национальную идентичность и патриотизм (продвижение казахского языка и культуры, а также сохранение единства в многонациональном обществе), социальные и семейные ценности (укрепление семьи, так как в условиях модернизации семейные ценности также подвергаются изменениям, что активно исследуется в последнее время), религиозные ценности (Казахстан является светским государством, но религия играет важную роль в формировании ценностей, особенно среди молодежи), глобализацию и ценности молодежи (с внедрением новых технологий и роста международных контактов среди молодежи происходят изменения в ценностных установках и в центре внимания исследований находятся вопросы западных

и восточных ценностей, ориентации на индивидуализм или коллективизм) (Дмитрюк, 2012, стр. 76-77).

Методология исследования

Для наукометрического анализа были использованы базы данных Scopus (с помощью аналитической платформы SciVal) и Web of Science (с последующей визуализацией через VOSviewer), которые признаны ключевыми инструментами в области библиометрических и наукометрических исследований. Поисковый запрос включал ключевые слова: values, priorities, value priorities, human values, traditional values, personal values, spiritual values в заголовках, аннотациях, ключевых словах, содержании публикации. Критерии включения предусматривали: язык публикаций (английский, русский), тип документов (статьи, обзоры, материалы конференций, при этом основное внимание уделено публикациям, прошедшим рецензирование), тематическую принадлежность (гуманитарные и социальные науки, междисциплинарные исследования: медицина, техника), наличие аннотации и ключевых слов для последующего контент-анализа и визуализации. Критерии исключения касались нерелевантности содержательного компонента (термины values, priorities использованы в значении технической или правовой очередности), дублирования публикаций в обеих базах, отсутствия аннотации и/или ключевых слов, что не позволило проведение содержательного анализа, а также публикаций вне выбранных областей знаний.

В результате первичного поиска выявлено 173 публикации, в итоговую выборку вошло 105 работ, наиболее соответствующие целям и задачам исследования. Эти публикации стали основой для дальнейшего анализа на предмет основных направлений, частотности употребления ключевых терминов и структуры коллаборации. Анализ охватывает период с 2014 по 2023 гг., что позволяет установить современное состояние изучаемого направления и определить тенденции его дальнейшего развития. Использование SciVal (платформы аналитики на основе данных Scopus) и VOSviewer (инструмента визуализации научных связей и терминологических кластеров, основанный на данных Web of Science) обусловлено их высокой валидностью, гибкостью в работе с большими объемами данных и признанием в международной научной практике. Совместное применение этих инструментов обеспечивает комплексный подход к выявлению и интерпретации тенденций в научных исследованиях по теме ценностных приоритетов.

Анализ базы данных Scopus посредством расчетного инструмента SciVal позволил выявить информацию о количестве публикаций, странах, журналах, авторах, имеющих наиболее большое количество публикаций, а также наиболее часто употребляемых ключевых словах. По предметному показателю 57,7% рассматривается в Social Sciences, 56.5% – Psychology, 23.5% - Arts and Humanities (Рисунок 1).

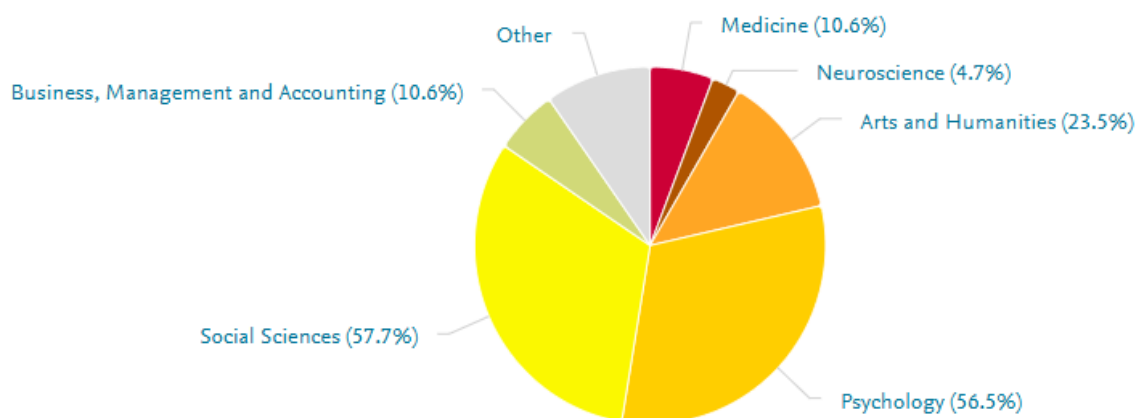

Рисунок 1 – Количество публикаций по областям исследования

Внутренними инструментами SciVal проанализирована частотность ключевых слов по исследуемой тематике, свидетельствующая о широком интересе исследователей разных научных направлений к данной теме и подтверждающая междисциплинарность рассматриваемой проблемы (Таблица 1).

Таблица 1 – Частотность ключевых слов, встречающихся в публикациях по исследуемой проблеме

Ключевые слова в названиях источников	Частотность ключевых слов
Value priorities	17
Personal (Individual) values	16
Values (children's, adolescents, youth)	12
Human values	6
Value structures	3
Personal priorities	3
Basic values	3
Life values	2
Value change	2
Value profiles	2
Ethic values	2
Circular value	2
Values of business	1
Values stability	1
Community values	1
Measures of values	1
Social values	1

Value diversity	1
Value-based orientations	1
Value consensus	1
Children's values	1
Value conceptualization	1
Religious value	1
Value-based focus group	1
Value preferences	1
Value conflicts	1
Value congruence	1

Тематический и библиометрический анализ был проведен с помощью программы VOSviewer на основе базы данных Web of Science. VOSviewer также предлагает функциональные возможности анализа текста, которые применяются для создания и визуализации сетей при совпадении важных терминов, извлеченных из массива научной литературы (Wang, Kim, 2023). Библиометрический сетевой анализ статей предполагает работу с большим объемом данных для определения основных направлений исследования и способствует установлению взаимосвязей (Karimi, et al, 2021).

Результаты и обсуждение

Анализ ключевых слов, встречающихся в публикациях системы Scopus, выявил основные направления научных интересов исследователей: ценностные приоритеты, личностные ценности и ценности в целом. Ключевое словосочетание «Ценностные приоритеты» (Value priorities) встретилось в 17 работах из 85. Основа изучения данной проблемы отражена в работах зарубежных исследователей, таких, как Шалом Шварц, Чарльз Осгуд, Герт Хофстеде, Джордж Лакофф и Марк Джонсон.

Так, теория базовых человеческих ценностей, созданная израильским психологом Ш.Шварцем (*Schwartz Value Survey, SVS*), активно используется в лингвистических исследованиях для анализа ценностных приоритетов в разных культурах и их отражения в языке. Шварц предложил структуру универсальных ценностей, которая помогает выявить, как языковое сознание отражает ценности, характерные для определённых культур. Разработанная им модель из 10 базовых ценностей образует **циркумплекс** – круговую структуру, где ценности расположены по отношению друг к другу на основе их совместимости или противоречия. Выделено 10 универсальных ценностей: *стабильность (Security)*: стремление к безопасности, порядку и стабильности в обществе и личной жизни; *конформность (Conformity)*: соблюдение социальных норм, контроль над собой и избегание действий, которые могут нарушить социальные ожидания; *традиции (Tradition)*: уважение к культурным и религиозным традициям, поддержка обычаев и верований; *доброжелательность (Benevolence)*: забота о благополучии людей в своём

окружении, помощь и поддержка других; *универсализм (Universalism)*: стремление к справедливости, равенству и заботе о благополучии всего человечества и природы; *самостоятельность (Self-direction)*: независимость, свобода выбора и самовыражения; *стимуляция (Stimulation)*: стремление к новизне, приключениям и переменам; *гедонизм (Hedonism)*: стремление к удовольствию и наслаждению жизнью; *достижение (Achievement)*: стремление к успеху и признанию через личные достижения; *власть (Power)*: стремление к социальному статусу, влиянию и контролю над другими (Schwartz, 2012). Высокая концентрация терминов, связанных с моральными, гуманистическими и социальными ценностями в публикациях европейских стран (Германия, Финляндия, Швейцария), может быть оценена приоритетами «*Self-transcendence*» и «*openness to change*», доминирующими в данных культурах по шкале Шварца.

Работы голландского социолога Г. Хофстеде посвящены культурным измерениям и ценностям в разных обществах. Его наиболее значительный вклад заключается в разработке *модели культурных измерений*, которая помогает объяснить различия в национальных культурах и их влияние на мышление, поведение и организационные процессы. Подход к исследованию культурных ценностей на основе таких параметров, как коллективизм, индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределенности применяется также для анализа языковых явлений, связанных с ценностными приоритетами в разных культурах. Проведенные ученым кросс-культурные исследования на основе методов сравнения языковых данных между разными культурами помогли выявить, как ценности отражаются в разных языковых сообществах. Его модель используется также для понимания того, как культурные различия влияют на рабочие процессы, принятие решений, лидерство и коммуникацию в глобальных организациях (Wu, 2006, p.33). Управленческие и прикладные аспекты ценностей в англоязычных странах, как США, Великобритания, соотносятся с высокой степенью индивидуализма и низкой терпимостью к неопределенности, что находит отражение в терминах, связанных с «*priorities*», «*management*», «*policy*»/

Метод семантического дифференциала Ч. Осгуда используется для измерения субъективного восприятия значений различных понятий, включая ценности, через исследование языкового сознания. Данный метод представляет собой психологический инструмент для измерения значений слов и понятий на основе субъективных оценок и заключается в том, что испытуемым предлагается оценить понятия или объекты по ряду полярных (противоположных) шкал, таких, как:

«Хорошо – Плохо»

«Сильный – Слабый»

«Активный – Пассивный»

Эти шкалы позволяют получить многомерные профили значений, которые люди придают различным словам, концептам или объектам. Метод широко использовался для исследования восприятия культурных и социальных ценностей, изучения коннотаций слов и эмоций, а также для анализа языкового сознания (Osgood, Tzeng, 1990). Разная частота употребления эмоционально и семантически окрашенных понятий, как, например, «*trust*», «*dignity*», «*equity*», «*integrity*», в разных странах может

быть индикатором устойчивых ценностных ассоциаций, культурной семантики и илиологических приоритетов, свойственным тем или иным академическим школам.

Для анализа ценностей в языке применяется и теория когнитивной метафоры Д. Лакоффа и М. Джонсона. Их исследования показали, как ценности структурируются через метафорическое мышление и находят отражение в языковом сознании (Lakoff, Johnson, 2008).

Именно на вышеперечисленные модели и теории опирается большое количество исследований. Включение этих моделей в данное исследование обусловлено не произвольным выбором, а их непосредственным присутствием в отобранной выборке публикаций, а также их объяснительным потенциалом в интерпретации выявленных наукометрических закономерностей. Данные модели позволяют интерпретировать количественные наукометрические данные через призму культурно-смысловых конструктов.

Данные теоретические и методологические подходы демонстрируют, что исследуемая проблема ценностных приоритетов имеет глубоко междисциплинарный характер. Поддержка данных подходов в научных публикациях подчеркивает значимость этих теорий для анализа сложных социальных, культурных и когнитивных явлений, а также актуальность дальнейших исследований в этих областях.

В базе данных Scopus было выявлено 85 публикаций за 2014–2023 годы с ключевым словосочетанием «value priorities». Из 85 анализируемых публикаций 22 (27,2%) были опубликованы в журналах с высоким процентилем (Рисунок 2).

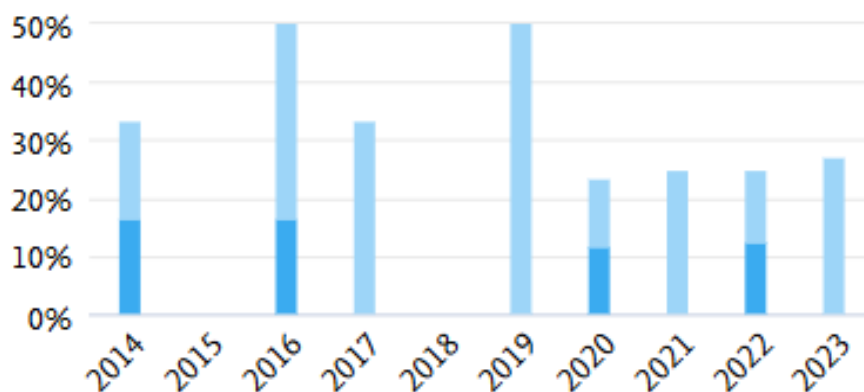

Рисунок 2 – Количество публикаций в журналах с высоким процентилем.

По публикационной активности Германия (11 статей) занимает 1 место, далее расположились такие страны, как США (11), Россия (8), Австралия (7), Великобритания (6), Эстония (5), Китай (4), Италия (3) и Казахстан (2).

Таблица 2 – Рейтинг ведущих стран, издавших наибольшее количество публикаций по данным Scopus (25.09.2024 г.)

	☐ Countries/Regions	Scholarly Output	Views Count	Field-Weighted Citation Impact	Citation Count
1.	☐ Germany	11	486	1.19	209
2.	☐ United States	11	230	0.71	58
3.	☐ Russian Federation	8	409	1.10	167
4.	☐ Australia	7	357	1.07	87
5.	☐ Finland	7	319	1.37	164
6.	☐ Poland	7	263	1.14	103
7.	☐ Switzerland	7	242	1.18	97
8.	☐ United Kingdom	6	234	1.77	162
9.	☐ Estonia	5	152	0.73	44
10.	☐ Spain	5	249	0.40	39
11.	☐ China	4	135	0.47	21
12.	☐ Israel	4	171	2.93	159
13.	☐ Japan	4	90	0.29	21
14.	☐ Italy	3	100	0.96	34
15.	☐ Kazakhstan	2	58	0.84	4
16.	☐ Netherlands	2	143	2.27	80

Программа VOSviewer позволила выстроить библиометрическую карту соприсутствия ключевых слов в разных публикациях и графически визуализировать междисциплинарную связь с темой проводимого исследования.

Библиометрическая карта, сформированная с помощью программы VOSviewer, отразила тематическую структуру научных публикаций, связанных с понятиями «ценности» и «приоритеты». В результате анализа было выявлено несколько отчетливых кластеров, каждый из которых представляет собой группу взаимосвязанных ключевых слов, наиболее часто встречающихся в одном тексте.

На Рисунках 3 и 4 представлен библиометрический анализ ключевых слов *ценность* и *приоритеты* (values, priorities). Всего было найдено 8282 статей с ключевым словом «values» и 979 – со словом «priorities». Выгрузка данных производилась несколькими файлами по 500 публикаций. В данном исследовании проведен анализ соприсутствия (co-occurrence) ключевых слов (Su, Lee, 2010, p.65-79).

adaptation); информационные системы (service, technology, system, mental-care), наука (adaptive management, identification, sustainability).

Ключевое слово *priorities* представлено 5 кластерами исследовательского направления: наука (knowledge, research, review, population, strategies, priorities, prioritization, research agenda, management, systematic review); медицина (healthcare, energy, program, indicators, perspectives, program); экология (ecosystem services, evolution, priority setting); этика (ethics, communication, challenges, involvement); политика (state, follow-up, performance, risk-factors, decision-making, policy). В результате библиометрического анализа соприсутствия ключевых слов выстроена их логическая взаимосвязь (value, priorities) с группами слов, ассоциируемых с исследуемой проблемой. Все варианты слов связаны в смысловом поле с основными ключевыми словами. Ключевое слово *value* (ценность) имеет разное значение в зависимости от контекста. В данном случае анализ показал, как ценность выражает важные для человека принципы (отношение к здоровью, удовлетворение потребности, моральное и этическое поведение, свобода, равенство, семья, труд, ответственность, трудолюбие, устойчивое развитие и т.д.). Ключевое слово *priorities* описывает предпочтение или первоочередность действий, цели и задачи человека. Например, приоритеты в государственной политике, которые включают в себя улучшение здравоохранения, образования, экономики, экологической устойчивости и развитие технологии,

По результатам представленного библиометрического анализа соприсутствия ключевых слов можно предположить, что систематический обзор литературы требует анализа публикаций по нескольким научным направлениям – этика, социология, культурология, экономика, политология, образование, психология, экология, медицина, здравоохранение, научная политика. Таким образом, ключевые слова «ценность» (value) и «приоритеты» (priorities) являются многоаспектными и используются в различных научных дисциплинах для анализа значимости идей, явлений, ресурсов и стратегий, что делает их важными для понимания как отдельных областей науки, так и междисциплинарных исследований.

Основными смежными областями по итогам исследований в базе данных Scopus являются медицина, нейронаука, психология, социальные науки, искусство и гуманитарные науки, бизнес, менеджмент и учет (Рисунок 1); в Web of Science – категории, связанные с окружающей средой, технология, бизнес, медицина и компьютерные науки (Таблица 3).

Таблица 3 - Исследовательские направления в базе данных Web of Science

Field: Research Areas	Record Count	% of 109
Environmental Sciences Ecology	45	41.284%
Science Technology Other Topics	23	21.101%
Business Economics	20	18.349%
Engineering	19	17.431%
General Internal Medicine	15	13.761%
Computer Science	14	12.844%

Межстрановой анализ показал, что безусловными лидерами по количеству публикаций по вышеперечисленным направлениям являются США и Великобритания (Рисунок 5).

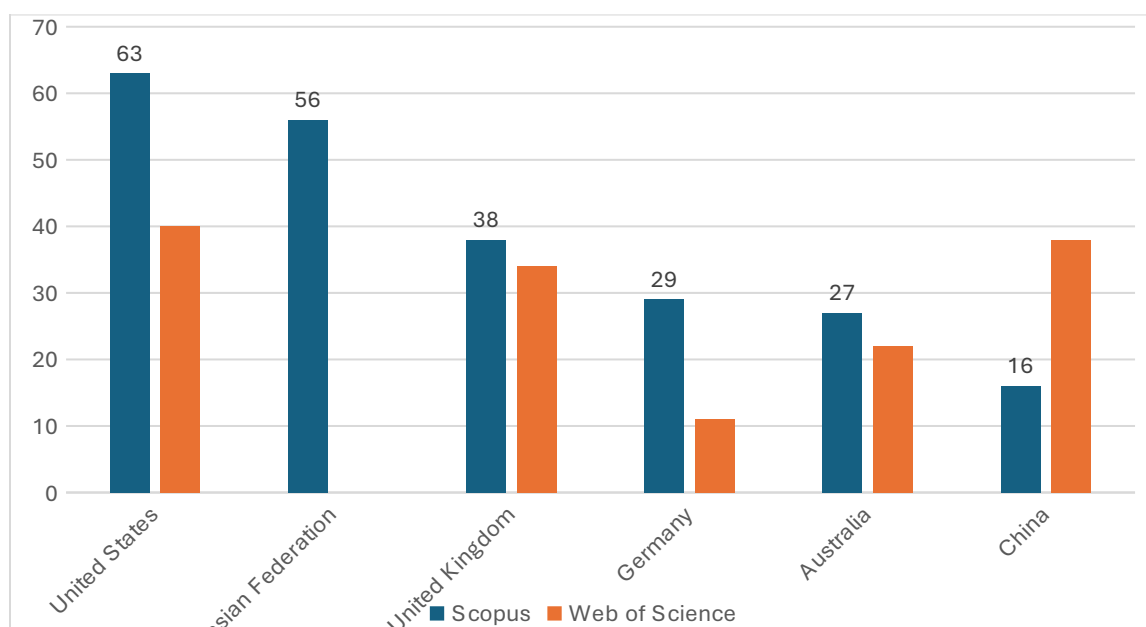

Рисунок 5 – Рейтинг ведущих стран, издавших наибольшее количество публикаций в категории «ценностные приоритеты» по данным Scopus и Web of Science с 2014-2023 гг.

Лидирующие позиции США и Великобритании по количеству публикаций свидетельствуют о высоком уровне научной активности, развитии исследовательских традиций в данных странах, наличии сильной исследовательской инфраструктуры, поддержке научных проектов и междисциплинарный подход к изучению вопросов ценностей и приоритетов. Доминирующее положение этих стран в научном мире по рассматриваемым направлениям может отражать их значительный вклад в развитие глобальных знаний и влияние на формирование научных парадигм в этих областях.

База данных Scopus является более релевантной для исследования данной темы, и наиболее цитируемыми журналами для публикаций исследований являются Nursing Science Quarterly (SAGE), Journal of Cleaner Production (Elsevier), Personality and Individual Differences (Elsevier), Plos One (Publis Library of Science), RUDN Journal of Sociology (RUDN University, Russia).

Заключение

Библиометрическая карта, составленная нами на основе со-присутствия ключевых слов (keyword co-occurrence), является ценным инструментом для определения и визуализации тематических связей в рассматриваемых источниках. В перспективе этот

инструмент позволит провести широкий обзор теоретических и прикладных работ в русле проблематики исследования и качественный анализ экспериментальных данных. Так, можно выделить и описать каждый из сформированных кластеров (например, отдельный кластер может включать ценности личности и приоритеты в образовательном контексте, другой – в контексте духовности и т.д.); обосновать критерии формирования кластеров, включая, например, сходство понятийного аппарата, методологии и региональных особенностей исследований. Такой подход даст возможность глубже понять внутреннюю логику тематической эволюции исследуемой области.

В целом наукометрический анализ с применением различных методов представляет собой активно развивающееся научное направление, методы и программные инструменты которого помогают понять структуру и эволюцию научных исследований. В данной работе применение всестороннего анализа проблемы ценностных приоритетов, ключевых слов «ценность» (value) и «приоритеты» (priorities) с использованием таких инструментов, как SciVal в базе данных Scopus, и программы VOS Viewer в базе данных Web of Science, помогло выявить основные тенденции и направления исследования. Ключевые понятия «ценность» и «приоритеты» в базах данных Scopus и Web of Science показали, что данные понятия играют важную роль в различных научных дисциплинах, включая медицину, нейронауку, социальные и гуманитарные науки, бизнес и управление. Их использование охватывает широкий спектр научных областей, что свидетельствует о междисциплинарной значимости данных понятий для анализа значимости ресурсов, стратегий и явлений. Выявленные тренды показывают активное развитие исследований, связанных с этими терминами, особенно в последние годы. Это подчеркивает их важность в современных научных и прикладных исследованиях, где понятия «ценность» и «приоритеты» помогают формировать стратегические и научные подходы к решению сложных задач.

Источник финансирования

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН AP23488481 «Ценностные приоритеты в языковом сознании казахстанцев: социо-психолингвистический и когнитивно-дискурсивный подходы» по грантовому финансированию Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Вклад авторов

Жаркынбекова Ш.К. – разработка основной идеи и направления исследования, связанная с наукометрическим анализом, выбор методологии исследования, включающая базы данных Scopus и Web of Science, рецензирование промежуточных результатов исследования, подбор ключевых источников литературы;

Галиева Б.Х. – сбор данных из баз данных Scopus и Web of Science, проведение наукометрического анализа публикаций, связанных с ключевыми понятиями «ценности» и «приоритеты» за период 2014–2023 гг., анализ полученных результатов, создание библиометрической карты.

Аюпова Г.К. – подготовка интерпретации библиометрической карты и кластеров, участие в обсуждении полученных результатов, интерпретации наукометрических тенденций с опорой на теории Ш.Шварца, Г.Хофстеде, Ч.Осгуда, редактировании и окончательном оформлении текста статьи.

Список литературы

Дмитрюк, Н. В. (2014) «Ценностные ориентиры в языковом сознании казахстанского социума: постановка проблемы», Наука и мир, No. 4 (8), Vol. 2, стр. 76-77. Доступно по ссылке: <https://scienceph.ru/f/science-and-world--4-%288%29-april-vol-ii.pdf>

Дымкова, С. С. (2021) «Наукометрические инструменты в оценке и управлении публикационной активностью научных организаций», Культура: теория и практика. (5-6). Вып. 44-45, стр. 101-116.

Исламгулова, С. К. (2015) «О молодежной политике в Казахстане и формировании ценностных приоритетов», Известия Волгоградского государственного педагогического университета, (3). Вып. (98), стр. 56-64. Доступно по ссылке: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/98/56-64.pdf>

Karimi, F. et al. (2021) «Network of networks: A bibliometric analysis», Physica D: Nonlinear Phenomena, T. 421, P. 132889. DOI:10.1016/j.physd.2021.132889

Lakoff, G., Johnson, M. (2008) «Metaphors we live by», University of Chicago Press, 128 p.

Nalimov, V. V., Mulchenko, Z. M. (1971) «Measurement of Science», Study of the Development of Science as an Information Process, 210 p.

Osgood, C. E., Tzeng, O. (1990) Language, meaning, and culture: The selected papers of CE Osgood, Praeger Publishers, 415 p. DOI:10.1037/029789 -

Su, H. N., Lee, P. C. (2010) «Mapping knowledge structure by keyword co-occurrence: A first look at journal papers in Technology Foresight», Scientometrics, No. 1, Vol. 85. PP. 65-79. DOI:10.1007/s11192-010-0259-8 -

Wang, J., Kim, H. S. (2023) «Visualizing the landscape of home IoT research: A bibliometric analysis using VOSviewer», Sensors, No. 6, Vol. 23. P. 3086. DOI:10.1007/s11192-010-0259-8

Waltman, L., Van Eck, N. J., Noyons, E. C. (2010) «M. A unified approach to mapping and clustering of bibliometric networks», Journal of informetrics. No. 4, Vol. 4. PP. 629-635. DOI:10.1016/j.joi.2010.07.002

Wu, M. (2006) «Hofstede's cultural dimensions 30 years later: A study of Taiwan and the United States», Intercultural communication studies. No. 1, Vol. 15. P. 33.

Schwartz, S. H. (2012) «An overview of the Schwartz theory of basic values», Online readings in Psychology and Culture. No. 1, Vol. 2. P. 11. DOI:10.9707/2307-0919.1116

Ш.Қ. Жарқынбекова, Б.Х.Галиева, Г.Қ.Аюпова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Құндылық басымдықтардың ғылымиметриялық талдау: тенденциялар мен болашағы

Андатпа. Бұл мақалада Scopus және Web of Science дерекқорындағы ғылыми жарияланымдардағы «құндылық» және «басымдықтар» негізгі ұғымдарының ғылыми-метрикалық

талдауы берілген. Жұмыстың мақсаты - 2014-2024 жылдар аралығындағы осы терминдерге қатысты зерттеулердің тенденциялары мен бағыттарын анықтау. Бұл кезеңді таңдау зерттелетін бағыттың қазіргі жағдайын белгілеуге және оның әрі қарай даму тенденцияларын анықтауға мүмкіндік береді. Талдауды жүргізу үшін Scopus дерекқорына VOS Viewer ішкі бағдарламасы және Web of Science дерекқорына SciVal құралдары пайдаланды. Зерттеу барысында әртүрлі басылымдардағы түйінді сөздердің бірге болуының библиометриялық картасы құрылды және зерттеу тақырыбымен пәнаралық байланыс графикалық түрде бейнеленді. Зерттеу «құндылық», «басымдықтар» түйінді сөздері көп өлшемді және әртүрлі ғылыми пәндерде идеялардың, құбылыстардың, ресурстардың, стратегиялардың маңыздылығын талдау үшін қолданылатынын анықталды. Бұл ұғымдарды ғылым мен пәнаралық зерттеулердің жеке салалары ретінде түсіну үшін маңызды етеді. Scopus деректер базасында зерттеудің негізгі байланысты бағыттары медицина, неврология, психология, әлеуметтік ғылымдар, өнер және гуманитарлық ғылымдар, бизнес, менеджмент, есеп; Web of Science жүйесінде қоршаған орта, технология, бизнес, медицина және информатикаға қатысты санаттар.

Жүргізілген зерттеудің құндылығы қазіргі гуманитарлық ғылымның даму бағытын тереңірек түсінуге ықпал ететін ғылымиметриялық мәліметтер негізінде құндылық басымдықтарын түсінудегі негізгі тенденцияларды анықтау болып табылады.

Зерттеу нәтижелерінің практикалық маңыздылығы ғылыми даму стратегияларын қалыптастыруда қолдану, әртүрлі пәндік контексттердегі құндылықтар тақырыбына ғылыми қызығушылықтың динамикасын бақылау үшін гуманитарлық білім саласындағы зерттеулердің басым бағыттарын анықтау мүмкіндігі болып табылады.

Негізгі ұғымдар: талдау, библиометрия, ғылымиметрия, құрал, басымдықтар, құндылық, біргеқатыстылық

Sh.K. Zharkynbekova, B.Kh. Galiyeva, G.K. Ayupova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Scientometric analysis of value priorities: trends and perspectives

Abstract. This article presents a scientometric analysis of the key concepts of “value” and “priorities” in scientific publications of the Scopus and Web of Science databases. The paper aims to identify trends and directions of research related to these terms from 2014 -2024. The choice of this period allows us to establish the state of the studied direction and identify trends in its further development. SciVal internal tools for working with the Scopus database and VOS Viewer software for visualization of keywords in Web of Science database publications were used for the analysis. Based on the analysis, a bibliometric map of keyword presence in different publications was built, and the interdisciplinary connection with the research topic was graphically visualized. The study revealed that the keywords “value” and “priorities” are multidimensional and are used in various scientific disciplines to analyze the significance of ideas, phenomena, resources, and strategies, which makes them important for understanding both individual fields of science and interdisciplinary research. According to research results in the Scopus database, the main related fields are medicine, neuroscience, psychology, social sciences, arts and humanities,

business, management, and accounting, and in Web of Science - environmental, technology, business, medicine, and computer science categories.

The value of the conducted research lies in identifying key trends in understanding value priorities based on scientometric data, which contributes to a deeper understanding of the direction of development of modern humanities.

The practical significance of the research results obtained lies in the possibility of applying them to the formation of scientific development strategies, identifying priority areas of research in the field of humanitarian knowledge to monitor the dynamics of scientific interest in the topic of values in various disciplinary contexts.

Keywords: analysis, bibliometrics, tool, scientometric, priorities, co-occurrence, value

References

- Dmitrjuk, N.V. (2014) «Cennostnye orientiry v jazykovom soznanii kazahstanskogo sociuma: postanovka problem», Nauka i mir, (4-2). str. 76-77. Dostupno po ssylke: <https://scienceph.ru/f/science-and-world--4-%288%29-april-vol.-ii.pdf> [in Russian]
- Dymkova, S.S. (2021) «Naukometricheskie instrumenty v ocenke i upravlenii publikacionnoj aktivnost'ju nauchnyh organizacij», Kul'tura: teorija i praktika, No. 5-6, Vol. 44-45. str. 101-116. [in Russian]
- Islamgulova, S.K. (2015) «O molodezhnoj politike v Kazahstane i formirovanii cennostnyh prioritetov», Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No 3 (98), str. 56-64. Dostupno po ssylke: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/98/56-64.pdf> [in Russian]
- Karimi, F. et al. (2021) «Network of networks: A bibliometric analysis», Physica D: Nonlinear Phenomena. Vol. 421. P.132889. DOI:10.1016/j.physd.2021.132889
- Lakoff, G., Johnson, M. (2008) «Metaphors we live by». University of Chicago Press.
- Nalimov, V.V., Mulchenko, Z. M. (1971) «Measurement of Science», Study of the Development of Science as an Information Process, 210 p.
- Osgood, C.E., Tzeng, O. (1990) «Language, meaning, and culture: The selected papers of CE Osgood». Praeger Publishers. DOI:10.1037/029789
- Su, H.N., Lee, P. C. (2010) «Mapping knowledge structure by keyword co-occurrence: A first look at journal papers in Technology Foresight», Scientometrics. –No. 1, Vol. 85. PP. 65-79. DOI:10.1007/s11192-010-0259-8
- Wang, J., Kim, H. S. (2023) «Visualizing the landscape of home IoT research: A bibliometric analysis using VOSviewer», Sensors. No. 6, Vol. 23. P. 3086. DOI:10.1007/s11192-010-0259-8
- Waltman, L., Van Eck, N. J., Noyons, E. C. (2010) «A unified approach to mapping and clustering of bibliometric networks», Journal of Informetrics. No. 4, Vol. 4. PP. 629-635. DOI:10.1016/j.joi.2010.07.002
- Wu, M. (2006) «Hofstede's cultural dimensions 30 years later: A study of Taiwan and the United States», Intercultural communication studies. No. 1, Vol. 15. P. 33.
- Schwartz, S. H. (2012) «An overview of the Schwartz theory of basic values», Online readings in Psychology and Culture. No. 1, Vol. 2. P. 11. DOI:10.9707/2307-0919.1116

Сведения об авторах

Жаркынбекова Ш.К. – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан.

Галиева Б.Х. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан.

Аюпова Г.К. – автор для корреспонденции, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет

Жарқынбекова Ш.Қ. – филология ғылымдарының докторы, теориялық және қолданбалы лингвистика кафедрасының профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан.

Галиева Б.Х. – педагогика ғылымдарының кандидаты, теориялық және қолданбалы лингвистика кафедрасының доценті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан.

Аюпова Г.Қ. – хат-хабар авторы, филология ғылымдарының кандидаты, теориялық және қолданбалы лингвистика кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан.

Information about authors

Zharkynbekova Sh.K. – Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaev st., 10000, Astana, Kazakhstan.

Galiyeva B.Kh. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaev st., 10000, Astana, Kazakhstan.

Ayupova G.K. – corresponding author, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaev st., 10000, Astana, Kazakhstan.

МРНТИ 04.51.55

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-70-89>

Научная статья

Реализация государственной языковой политики РК: экспертная оценка

Р.Б. Италмасова^{id}, Н.Сагидолда*^{id}

НАО Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

(E-mail: nagima.sagidolda@narhoz.kz)

Аннотация. Вопросы реализации языковой политики являются актуальными в контексте языкового самоопределения независимого государства, каким и выступает современный Казахстан. Очевидно, что анализ результатов мониторинга языковой политики способствуют ее совершенствованию и адекватной реализации государством, что важно в контексте соблюдения баланса языковых интересов всех этносов, проживающих в РК.

Цель исследования – осуществление компаративного анализа данных лонгитюдного исследования по вопросам реализации государственной языковой политики республики за 2018 и 2023 годы и разработки рекомендаций по совершенствованию языковой политики.

Методология исследования – количественный метод исследования, экспертный опрос, объем выборки – 60 внешних и внутренних экспертов из сферы науки и образования, техники, экономики и права и СМИ в 2018 году и 50 экспертов из числа внутренних и внешних экспертов из сферы НПО, образования и производственного сектора в 2023 году. Также был применен метод компаративного анализа и анализа документов.

Результаты и выводы исследования – за период с 2018 по 2023 годы наблюдается формирование нового языкового тренда в стране – изменение коммуникативной среды и переходе ее от традиционного билингвизма к полиязычию, происходят изменения в оценке перспектив употребления основных языков РК и в оценке населения в вопросе перевода государственного языка на латиницу.

Ключевые слова: эксперты, сферы применения государственного языка, оценка языковой политики.

Введение

Государственная языковая политика в условиях полиэтничности и одновременного роста национального сознания государствообразующей нации будет оставаться актуальной темой еще достаточно долгое время практически на всем постсоветском пространстве. Причинами тому является наличие внутренних и внешних языковых вызовов, которые значимы для многих государств. К таким вызовам мы относим – желание сохранить свою культуру и развивать ее национальными меньшинствами, желание усилить свое языковое доминирование титульными нациями и наличие глобальных акторов языкового влияния, которые ведут активную языковую политику по пропаганде своих языков и увеличения своего языкового, а значит и культурного присутствия, влияния в сознании граждан сопредельных государств.

Одной из стратегических задач государства является формирование и развитие собственной языковой политики, которая бы отвечала требованиям социума. Очевидно, что споры относительно «формального» доминирования государственного языка в Казахстане постоянно поднимаются преимущественно казахскоязычным сообществом. И в рамках данной работы коллектив авторов ставит **целью** своего исследования – изучить динамику развития государственного языка за пятилетний период (с 2018 по 2023 годы) в контексте экспертной оценки реализации действующей языковой политики РК, в контексте реализации политики трехязычия, перевода государственного языка на латинскую графику. Также целью работы является разработка рекомендаций по совершенствованию языковой политики в РК.

Актуальность темы исследования обоснована необходимостью изучения языковых трендов в РК, выявления важных задач, возникающих при реализации государственной языковой политики и формирования профессиональных рекомендаций по их разрешению, которые будут применены для корректировки языковой политики в перспективе. В литературном обзоре представлены актуальные научные работы о языковой политике в РК, демонстрирующие интерес академического сообщества к вышеуказанной проблеме.

Объектом исследования выступает языковая политика РК, **предметом** являются экспертная оценка реализации языковой политики.

Задачами исследования являются: изучение оценки сложившейся в республике коммуникативной среды за последние пять лет; определение статуса государственного языка в самых разных сферах общественной жизнедеятельности; актуальные проблемы языковой политики; перспективы развития ключевых языков в РК и оценка политики трехязычия и латинизации государственного языка.

Обзор литературы

Вопросы языковой политики остаются актуальными в научном пространстве и активные исследования в сфере языковых вопросов еще продолжаются. И эта тенденция наблюдается не только в локальном, но и мировом пространстве, поскольку

практически нет стран в мире, которые бы не столкнулись с мультикультурализмом, билингвизмом и трехязычием, из-за роста этнической мобильности в контексте поиска лучших условий для социально-экономического выживания и соответственно роста национального самосознания титульных наций в качестве ответной реакции на полиэтничность социума. Эта идея частично прослеживается в работе Ли Вей, где он также анализирует нестандартную природу билингвизма и мультикультурализма и задается вопросом о необходимости понимания того, что исследователи из разных научных сфер, несомненно, имеют право изучать языковые вопросы, но они, думаем, ограничены такими факторами, как внесение разных определений в понимание одних и тех же категорий и понятий, применение разных научных методов исследований (Li and Moyer, 2008). Все это накладывает отпечаток на результаты получаемых данных и может, на наш взгляд, вносить разногласия при решении языковых вопросов.

Современные исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к языковому регулированию, учитывающего цифровизацию, этнокультурные особенности и динамику языковых процессов (Darvin and Norton, 2017; Lenihan, 2018). Языковая политика является ключевым инструментом социальной интеграции, национальной идентичности и политической стабильности, особенно в условиях миграции и глобализации (Porter, 2017). Государственные стратегии билингвального образования могут как способствовать интеграции, так и усиливать сегрегацию в зависимости от их реализации. Развитие новых медиа изменяет языковую среду, создавая новые формы взаимодействия и требуя пересмотра традиционных механизмов регулирования (Lenihan, 2018). Кроме того, одним из важных аспектов современной языковой политики является вопрос языкового инклюзива (Simpson, 2019).

В целом исследователей в вопросах реализации и анализа языковой политики следует разделить на три большие группы, одна из которых представлена национальными исследователями, которых, в свою очередь, условно следует представить теми, кто ратует за применение достаточно жестких мер для повышения статуса государственного языка, акцентируя внимание на его номинальной статусности, другая группа приводит аргументы в пользу реального языкового сдвига в сторону улучшения статуса казахского языка и последняя группа - далекая от общей оценки политики, но оценивающая какие-то части языковой политики.

К примеру, в работе Абасилова и Кенеса приводится опыт прибалтийских стран, которые применяют серьезные меры повышения ответственности за нарушение языковых норм (Abasilov and Kenes, 2022). Это и способствовало быстрому распространению государственного языка в этих странах в сравнении, к примеру, с РК. В коллективной монографии в рамках продолжительного исследования авторами было выявлено постепенное изменение статуса государственного языка и повышение его социальной привлекательности в общественном сознании (Satybayeva et al., 2023). В работах коллектива авторов из Карагандинского государственного университета дана иная оценка языковой политики, в частности, авторами она понимается как неполная и осторожная, главная цель которой – сохранение гражданского мира через сохранение высоких социальных статусов государственного и русского языков (Yedgina et al.,

2023). Возможно, подобная оценка и справедлива, но при выборе между сохранением стабильности в обществе и его отсутствием логично и разумно применять эволюционный подход в решении языкового вопроса. Несмотря на принятые меры, полноценный государственный статус казахского языка реализован не был.

О декларативном статусе казахского языка пишут Акшолокова А. и Исмаилова Н., правда в ранних работах, и причинами этого называют отсутствие механизма повсеместного обучения и его широкого применения (Aksholakova and Ismailova, 2013). Однако согласно данным лонгитюдных замеров с 2017 года, осуществляемых по заказу профилирующих министерств РК, следует отметить, что в последние годы ведение документооборота на государственном языке и в целом доля его применения в сфере образования, науки и государственного сектора увеличивается, что отражено в коллективных монографиях «Социологические и аналитические исследования языковой политики в РК» за 2018, 2020, 2021, 2022 годы (Satybayeva et al., 2023).

Несомненный интерес вызывает статья «Динамика языковых изменений в Казахстане: обзорная статья» о том, что владение государственным языком не позволяет достичь социального успеха – этим и объясняется его популярность в узких кругах (Terlikbayeva and Menlibekova, 2021). Однако авторы забывают о разных социальных реальностях, в которых существуют разные социальные группы, имеющие свои региональные и даже профессиональные языковые особенности. К примеру, практически невозможно говорить о каком-либо социальном успехе без наличия высокого уровня владения государственным языком в южных регионах РК, также не приходится говорить об успехе в государственных структурах, где роль и место казахского языка достаточно весомые. Практически закрыты двери в общее культурное пространство людям, не владеющим казахским языком на высоком уровне, по крайней мере, на длительное присутствие им рассчитывать не стоит. Но следует согласиться с тем, что есть сферы, где роль государственного языка все еще ограничена – это сферы бизнеса, гражданского сектора и науки. Однако изменение языковых трендов и в этой сфере возможно, особенно с учетом последних внешних событий (война в Украине), которая повысила языковую осознанность казахского населения и стимулировала ряд референтных групп изучать государственный язык активнее, повсеместно применяя его в своей профессиональной деятельности. Примером тому могут быть блогеры, инфлюенсеры, активно изучающие казахский язык и позиционирующие себя как уверенные носители.

Обращаясь к другой работе автора статьи «When Language Policy is Not Enough», где она ставит вопрос о нецелесообразности оценивания государственного языка как вымирающего в контексте того, что статистические данные демонстрируют совершенно другое – рост количества школ на государственном языке и высокий уровень владения среди населения (Smagulova, 2021). Также автор делает акцент на расширении социальных различий и социального неравенства, к которым и привела реализуемая государством языковая политика. С этими утверждениями трудно не согласиться, поскольку отсутствие широкой и качественной информационной базы на казахском языке существенно снижает степень осведомленности учащихся по разному кругу вопросов. Это касается и учеников средних школ и студентов высших учебных

заведений. Исключение составляют учащиеся элитных учебных заведений, как правило владеющих английским языком либо русским в совершенстве. Именно в этом и есть социальное различие, но оно, на наш взгляд, не обязательно приводит к социальному неравенству особенно в тех регионах страны и тех сферах, где знание государственного языка жизненно необходимо.

В другой работе «Bottom-Up Approach to Language Policy and Planning in Kazakhstan» авторы развивают идею о необходимости распространения казахского языка снизу вверх, а не директивно, как это было принято с практики советских времен сверху вниз. Эта идея достаточно интересная, однако параллельное распространение языка с двух сторон – и снизу вверх, и сверху вниз, конечно, имело бы больший эффект для быстрого повышения статуса казахского языка. Вместе с тем не совсем понятно, какой мотивацией должно руководствоваться общество, чтобы у него появилась потребность в самостоятельном изучении государственного языка (Tlepbergen, Akzhigitova and Zabrodskaia, 2023).

Возможно, развить языковую потребность сможет акцент среди населения на этническую идентичность в плане того, что невозможно быть казахом, не владея казахским языком. Хотя исследования среди, к примеру, студенческого сообщества демонстрируют отсутствие этой связи. В работе Абдрамановой С. представлены результаты социологического опроса, где выявляется отождествление молодежи со своим этносом не через язык, а через семейную, отцовскую линию. То есть не обязательно владеть языком своей нации, достаточно считать себя представителем того или иного этноса по праву рождения (Abdramanova, 2017). Такой подход никак не пробуждает языковую мотивацию, а скорее ей препятствует. И это еще одна проблема в распространении государственного языка на всех уровнях общественного взаимодействия, включая самые ключевые – семейные отношения.

Возможно, использование казахского языка как основополагающего компонента независимого государства позволит активизировать движение снизу-вверх, если опираться на исследование «30 лет Независимости Казахстана», авторы которого, ссылаясь на данные фокус-групп, подчеркивают в качестве доминирующей идею национального самовыражения через язык, культуру и даже изучение национальной истории как атрибутов независимого государства. Таким образом, апеллируя к казахскому языку как обязательному компоненту сохранения независимости РК, можно мотивировать людей к его осознанному изучению. Однако, на наш взгляд, следует помнить, что это применимо скорее к казахскому этносу в большей степени и в меньшей к иным этносам (Tlegenova et al., 2022).

Об интегрированной ориентации, которая играет большую роль в изучении казахского языка, пишет автор Серикбаева С. Сюда входит и влияние национальной музыки, стимулирующей изучение государственного языка, и моральная поддержка окружения (цель которой не демотивировать обучающегося, а, наоборот, стимулировать), и усиление влияния учителей (повышение их степени осознанности и поддержка в изучении языка) – все это в совокупности может стимулировать языковую социализацию как внутри казахского этноса, так и вне его (Serikbayeva, 2018).

Если первая группа авторов занята исследованием реализации языковой политики в целом, то другая группа ученых изучает вопросы внедрения трехязычия, которое было внедрено с 2015 года и которое приостановилось фактически в 2019 году, по мнению Карабасовой Л. Автор называет ряд причин неуспешной реализации проекта трехязычия: директивность, слабое методическое сопровождение учителей в школах (Karabassova, 2020). Следует добавить и слабое методическое сопровождение и преподавателей в вузах, и отсутствие системного подхода в наращивании качественной информационной базы на государственном языке в онлайн-библиотеках страны.

Также актуальным остается вопрос перехода казахского алфавита на латиницу, и данный вопрос воспринимается исследователями не только с точки зрения преимуществ и недостатков латинизации, но и с политической точки зрения как попытка покончить с российским влиянием из советского прошлого, которое еще больше дифференцирует социальные группы в перспективе (Bekzhanova and Tsedisov, 2022).

Методология

Исследовательские вопросы: 1. Каковы ключевые изменения в оценке экспертов языковой политики РК в 2018 году и в 2023 году? 2. В чем причина изменения экспертной оценки за указанный период?

Гипотеза исследования предполагает изменение языковых трендов в течение пятилетнего периода с 2018 по 2023 год, по мнению экспертов, в сторону усиления позиций государственного языка и широкого его практического применения населением в повседневной социальной практике. Основной причиной этого является усиление государством статуса казахского языка в общественном сознании.

Этапы исследования: первое исследование было проведено в 2018 году в период с июня по октябрь, второе исследование в 2023 году в идентичный период, когда была разработана и согласована с заказчиками программа социологического исследования, инструментария и график проведения экспертного опроса.

В качестве ключевого метода исследования был выбран количественный метод, в частности, метода анкетного опроса экспертов. Выборка экспертов в разные периоды исследования менялась согласно требованиям заказчика. В 2018 году социально-демографическая характеристика экспертов предполагала включение в опрос 60 экспертов из числа представителей СМИ и работников зарубежных научных организаций и высших учебных заведений, в 2023 году – объем выборки составил 50 человек, также из числа внешних и внутренних экспертов сферы НПО, производственного сектора и образования. Обработка результатов экспертного опроса была осуществлена на базе программы IBM SPSS Statistics. *Результаты и выводы исследования* – за период с 2018 по 2023 годы наблюдается формирование нового языкового тренда в стране, по мнению экспертов, это изменение коммуникативной среды и переходе ее от традиционного билингвизма к полиязычию. Также происходят изменения в оценке перспектив употребления основных языков РК, меняется общественное мнение относительно необходимости перевода государственного языка на латиницу.

Результаты и обсуждение

Согласно Закону «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года № 151, государственным языком страны является казахский язык, который применяется для государственного управления, законодательства, судопроизводства и делопроизводства и действует во всех сферах общественных отношений на всей территории государства (Закон РК, 1997). Вместе с тем в рамках данного Закона отводится значительная роль и русскому языку и языкам иных этносов, проживающих компактно на территории страны. Тем не менее, в Законе четко указано, что долгом каждого гражданина является овладение государственным языком в целях консолидации общества. Поэтому системное исследование языковой ситуации остается делом государственной важности, поскольку именно объединение всех этносов РК по языковому признаку, в частности, уверенному владению государственным языком, позволит сохранить социальную, политическую стабильность и будет способствовать адекватному экономическому развитию.

В рамках данной статьи фокус на сравнении ответов экспертов будет осуществляться в 3-х направлениях:

- общая оценка языковой ситуации и перспективы развития основных языков РК в течение пяти лет реализации государственной языковой политики;
- определение статуса государственного языка в разных сферах общественной жизнедеятельности в вышеуказанном временном контексте;
- оценка экспертами политики трехязычия и перехода государственного языка на латинскую графику.

В вопросе оценки общей языковой ситуации наблюдаются как схожесть, так и различия по ряду позиций. В частности, есть совпадения в оценке языковой ситуации *в качестве стабильной, где государство в целом сохраняет баланс между интересами разных языковых групп* (15%, 2018 и 14%, 2023 гг.) Наблюдается совпадение и в ответе *«Общее впечатление, что языковая ситуация благополучная, однако на практике есть латентное недовольство относительно статуса языка как среди казахскоговорящих, так и среди русскоговорящих»* (36,7%, 2018 и 32%, 2023). Однако серьезную разницу в оценке ситуации следует отметить в вариантах *«Можно сказать, что казахский язык уже выходит на стадию доминирующего языка, в то время как влияние других языков ослабевает»* (31,7%, 2018 и 16%, 2023) и в ответе *«Языковая ситуация в целом не претерпевает серьезных изменений, реальная языковая востребованность остается за русским языком, в то время как казахский язык востребован только в официальной жизни»* (10%, 2018 и 38%, 2022). Такая весомая разница в последних двух вариантах ответов демонстрирует, что в экспертной среде в 2018 года было больше языковых ожиданий по поводу повышения статуса государственного языка в ежедневной социальной практике социума, но он стал языком официально-деловой части жизни казахстанцев, конечно, за исключением южных и юго-западных регионов страны, которые в числе первых перешли на делопроизводство на государственном языке, в которых сильны традиции и превалирует количество представителей коренного этноса.

Таблица 1. Как вы оцениваете языковую ситуацию, сложившуюся в настоящее время в РК? (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018 год, %	2023 год, %
Ситуация стабильная, государство в целом сохраняет баланс между интересами носителей различных языковых групп	15,0%	14,0%
Общее впечатление, что языковая ситуация благополучная, однако на практике есть латентное недовольство относительно статуса языка как среди казахоговорящих, так и среди русского-говорящих	36,7%	32,0%
Можно сказать, что казахский язык уже выходит на стадию доминирующего языка, в то время как влияние других языков ослабевает	31,7%	16,0%
Языковая ситуация в целом не претерпевает серьезных изменений, реальная языковая востребованность остается за русским языком, в то время как казахский язык востребован только в официальной жизни	10,0%	38,0%
Затрудняюсь ответить	6,7%	-
Итого	100	100

Примечание: составлено авторами на основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Очевидно, этим фактором следует объяснить и изменения в экспертных оценках по всем вариантам ответов, предложенных во втором вопросе. По мнению экспертов, в 2018 году билингвизм был значительно распространен и 41,7% респондентов это отметили, так же, как и доминирование казахского языка - 41,7%. И через пять лет эксперты отмечают, что билингвизм и есть основа коммуникативной среды в республике - 48% (2023 г.), однако эксперты отмечают снижение доминирования государственного языка - с 41,7% в 2018 году до 8,0% в 2023 и при этом повышение русского языка с 6,6% в 2018 до 32% в 2023 г. Такая большая разница в ответах может быть объяснена или влиянием массовой миграции русскоязычного населения из Российской Федерации после начала военных действий и их влиянием на повседневную социальную языковую практику либо тем фактом, что эксперты сами являются активными носителями русского языка и их окружение преимущественно русскоговорящее.

На самом деле, нет объективных причин для такой серьезной смены языковых ориентиров тем более, когда в течение 5 лет государство только и делает, что усиливает роль государственного языка всеми возможными средствами. К примеру, инициатива внедрения тестов на знание государственного языка при поступлении на государственную службу, перевод делопроизводства всех государственных структур, развитие системы оценки владения государственным языком КАЗТЕСТ и внедрение ее в практику прохождения аттестации государственными служащими и стипендиантами государственной программы «Болашак» и в целом его популяризация локальными государственными и частными СМИ. Вполне можно согласиться с точкой зрения о том,

что наша власть применяет тактику мягкой силы в распространении государственного языка и повышения его статуса с номинального на фактически значимый в современном казахстанском социуме (Mambetova, 2023).

Таблица 2. На Ваш взгляд, какая языковая коммуникативная среда сложилась в РК? (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018, %	2023, %
Билингвизм, равноценное использование и русского и казахского языков	41,7%	48%
Доминирование казахского языка	41,7%	8%
Доминирование русского языка	6,6%	32%
Равномерное использование казахского и русского языков и незначительное использование английского языка	10,0%	12%
Итого	100%	100%

Примечание: составлено авторами основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Именно потому, что языковая политика государства в настоящее время более сфокусирована на развитии и популяризации казахского языка экспертная оценка остается неизменной за пятилетний период и демонстрирует рост значимости государственного языка. В частности, самый больший процент приходится на вариант ответа «Казахский язык станет преобладать во всех сферах общественной жизни» - 50% в 2018 году и 46,0% в 2023. Более того, современные эксперты признают, что равнозначность двух языков - казахского и русского - существенно снизится. Оценка такой вероятности снизилась практически в четыре раза с 26,7% в 2018 до 6,0% в 2023 г. Немного снижения ожидается, по мнению экспертов, в распространении трехъязычия 16,7% и 14,0%, вместе с тем роль английского языка, по мнению последних экспертов, возрастет практически в три раза с 6,7%, 2018 г. до 18% в 2023.

Таблица 3. Каковы перспективы развития казахского, русского и английского языков в РК на ближайшие 10 лет? (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018	2023
Казахский язык станет преобладать во всех сферах общественной жизни	50,0%	46,0%
Казахский и русский языки станут равнозначными по степени употребления	26,7%	6,0%
Казахский, русский и английский языки уравниются по степени употребления, мы придем к реальному трехъязычию	16,7%	14,0%
Английский язык будет преобладать во всех сферах общественной жизни	6,7%	18,0%

Русский язык будет основным во всех сферах общественной жизни (данный вопрос был введен в анкету в 2023 г.)	-	16,0%
Итого	100%	100%

Примечание: составлено авторами основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Таким образом, говорить о серьезном языковом сдвиге в массовом употреблении с государственного языка на русский в настоящий момент не приходится. Другой вопрос – это вопрос популярности языков в регионах. Очевидно, что в южных и западных регионах страны, где традиционно доминирует казахский этнос с сильными традиционными установками, государственный язык был и остается основным языком коммуникаций практически на всех уровнях социального взаимодействия. В то время как в северном регионе страны, в котором преимущественно живут представители славянской национальности, преобладает русский язык в качестве ключевого средства общения.

Популяризация государственного языка – это дело, прежде всего, казахского этноса и только увеличение его физического присутствия в северных, центральных регионах страны, на наш взгляд, может способствовать его большему активному распространению. В целом тренд такой, что государственный язык становится все более востребованным, по мнению экспертов, не только в официально-деловом секторе, но и становится актуальным для частных организаций и частных СМИ. Вместе с тем вопрос развития и актуализации казахского языка в интернете остается открытым. И здесь есть единственно правильное решение – это создание качественной и весомой информационной базы из числа научной, научно-популярной и учебной литературы по всем актуальным направлениям.

Таблица 4. В настоящее время в РК казахский язык является языком... (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018	2023
Законодательных актов		
Да, полностью	60,0%	44,0%
Частично	33,3%	42,0%
Нет, не является	6,7%	14,0%
Затрудняюсь ответить	-	-
Официальных мероприятий		
Да, полностью	56,6%	44,0%
Частично	36,7%	44,0%
Нет, не является	6,7%	8,0%
Затрудняюсь ответить	-	4,0%
Служебного документооборота		
Да, полностью	48,4%	16,0%

Частично	38,3%	68,0%
Нет, не является	13,3%	16,0%
Затрудняюсь ответить	-	-
Делового общения		
Да, полностью	15,0%	16,0%
Частично	58,3%	56,0%
Нет, не является	26,7%	24,0%
Затрудняюсь ответить	-	4,0%
Государственных организаций		
Да, полностью	45,0%	60,0%
Частично	48,3%	28,0%
Нет, не является	6,7%	6,0%
Затрудняюсь ответить	-	6,0%
Частных структур		
Да, полностью	6,7%	48,0%
Частично	35,0%	42,0%
Нет, не является	58,3%	6,0%
Затрудняюсь ответить	-	4,0%
Государственных СМИ		
Да, полностью	38,4%	56,0%
Частично	48,3%	38,0%
Нет, не является	13,3%	6,0%
Затрудняюсь ответить	-	-
Негосударственных СМИ		
Да, полностью	15,0%	26,0%
Частично	61,7%	46,0%
Нет, не является	23,3%	14,0%
Затрудняюсь ответить	-	14,0%
Интернета		
Да, полностью	6,7%	8,0%
Частично	36,6%	70,0%
Нет, не является	56,7%	22,0%
Затрудняюсь ответить	-	-

Примечание: составлено авторами основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Несомненный интерес представляют ответы на вопрос о том, какие проблемы тормозят развитие государственного языка и в сравнении с ситуацией в 2018 году ряд проблем был указан экспертами в меньшей степени - это проблемы недостатка качественных

учебников, методологии, низкий уровень качества казахскоязычного контента. Это не говорит о том, что данных проблем не существует, скорее снизилась их острота, однако возникает другой вопрос - раз все более или менее благополучно, почему активизация и распространение государственного языка особенно в его северных регионах еще не закончены. Фактически нет никаких существенных тормозов в РК в настоящий момент в плане изучения и широкого применения государственного языка практически во всех сферах за исключением сферы интернета, если мы опираемся на данные экспертного сообщества.

Таблица 5. По вашему мнению, какие проблемы тормозят развитие государственного языка? (на данный вопрос давали более 1 варианта ответа) (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018,%	2023, %
Недостаток качественных учебников, учебных пособий и научной литературы в школах, колледжах и вузах	60,0%	34,0%
Неполноценное обучение казахскому языку, проблемы методологии и низкого качества обучающей литературы	41,7%	6,0%
Низкий уровень казахскоязычного контента во всех профессиональных областях либо его отсутствие в целом	36,7%	22,0%
Пример языкового пренебрежения со стороны управленческой элиты	20,0%	14,0%
Одинаковые языковые возможности применения русского языка в официальной практике	13,3%	8,0%
Низкое качество теле- и радиопередач, журналов, фильмов, выпускаемых на государственном языке	18,3%	6,0%
Отсутствие адекватных социальных перспектив для индивида	10,0%	6,0%
Изменения в языковой сфере, к примеру, смена алфавита и т.п.	36,7%	4,0%
Затрудняюсь ответить	6,7%	0,0
Итого	243,3%	100%

Примечание: составлено авторами основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Следующий аспект государственной языковой политики связан с реализацией политики трехязычия. Данные демонстрируют сдержанность и рационализм при реализации программы. Эксперты отмечают неподготовленность самих педагогических кадров к преподаванию своих дисциплин на 3-х языках и отсутствие нормативной и учебно-методической базы для адекватной реализации трехязычия: «Нет компетентного кадрового состава для трехязычного обучения» - 66,7%; «Нет правильного системного видения и методик обучения трем языкам» - 25% (2018 год) и «Нет компетентного кадрового состава для трехязычного обучения» - 12,5% (2023 год), Затруднились с ответом 87,5%. Такая разница между данными, скорее, связана

с отсутствием соответствующего опыта, поэтому при последнем опросе эксперты испытали затруднения при определении проблем, возникающих при реализации трехязычного обучения в средних школах. При этом наблюдается весомая поддержка государства экспертами в данном вопросе и в 2018, и в 2023 годах.

Таблица 6. Поддерживаете ли вы введение трехязычного обучения ряда предметов в школе? (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018,%	2023,%
Полностью поддерживаю	45,0%	64,0%
Скорее поддерживаю	35,0%	22,0%
Скорее не поддерживаю	13,3%	4,0%
Полностью не поддерживаю	6,7%	10,0%
Итого	100,0%	100,0%

Примечание: составлено авторами основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Один из последних аспектов современной языковой политики РК, затронутый экспертами, касался вопроса перевода казахского алфавита на латинскую графику. В динамике наблюдается рост спокойного отношения населения – безактивной поддержки, но и без активного отрицания с 23,3% в 2018 году до 36,0%. Данные по другим вариантам ответов демонстрируют падение интереса к данному вопросу. Скорее всего, это связано с усталостью населения и неопределенностью самой власти в решении данного вопроса. Не совсем положительным является и тренд того, что население воспринимает себя как объект социальных изменений, нежели активным субъектом, что сигнализирует местным властям необходимость проведения широких общественных дискуссий по языковым вопросам в обществе и большей вовлеченности разных социальных групп. Либо принятия окончательного решения данного вопроса самой элитой. В таком случае можно будет ожидать и большей языковой и гражданской отдачи от населения при реализации государственной политики в сфере языка в перспективе.

Таблица 7. Как вы думаете, каково отношение населения к переходу на латинскую графику? (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023)

Варианты ответов	2018, %	2023,%
Население осознает, что его роль и мнение в данном вопросе не являются решающими, поэтому относится к нововведению в целом индифферентно	36,7%	28,0%
Большинство поддерживает введение латиницы	31,7%	24,0%
Поддерживает нововведение только малая часть	8,3%	12,0%

Особой поддержки среди людей не наблюдается, так же, как и яростного несогласия	23,3%	36,0%
Итого	100,0	100,0

Примечание: составлено авторами основе (Utalieva et al., 2018; Satybayeva et al., 2023).

Заключение

Основные выводы и результаты сравнительного исследования таковы: компаративный анализ данных опроса показал, что в экспертном сообществе сформировано единое понимание важности владения государственным языком для успешной социализации в современном казахстанском обществе. В целом есть единство в оценке языковой ситуации как благополучной, тем не менее, по мнению экспертов, наблюдается скрытое недовольство относительно статуса языка, причем как среди казахскоговорящей, так и среди русскоговорящей части населения. К числу причин, на наш взгляд, такого выбора ответа следует отнести психологические и социальные факторы, которые принуждают людей менять традиционные формы языкового поведения и предполагают необходимость изучения дополнительного языка. Это касается обеих крупных языковых групп, существующих в стране, - и русскоязычной в целях адаптации к новой языковой реальности, и казахскоязычной, которая также нуждается в знании русского и английского языков для построения успешной профессиональной карьеры. Обе эти языковые группы объединяет понятие необходимости знания государственного языка в качестве основного, консолидирующего разные этносы, проживающие в стране. Этот процесс достаточно сложный и длительный, поскольку на протяжении долгого времени эту роль в советской и частично постсоветской реальности выполнял русский язык.

Эксперты отмечают рост в употреблении государственного языка в языковой социальной практике почти во всех сферах общественной жизнедеятельности, не только в рамках государственных организаций, но и частных. Это служит показателем адекватной реализации языковой политики государства по повышению статуса и постепенному его широкому применению в обществе.

В оценке политики многоязычия эксперты имеют сходное мнение о необходимости ее реализации в образовательных учреждениях. Однако есть и понимание среди экспертов, что без наличия педагогических кадров, в совершенстве владеющих тремя языками, и оказания им методической помощи успешно реализовать данную программу не представляется возможным.

В вопросе отношения к переходу казахского алфавита на латиницу эксперты сошлись в том, что наблюдается индифферентное отношение среди населения в данном направлении. Это связано скорее всего с отсутствием четкого понимания бенефитов от перехода к латинице и ясным пониманием необходимости выделения государством финансовых средств для перехода. В условиях затяжного экономического кризиса, в котором находится республика в течение последних десяти лет, такие языковые инициативы не могут находить поддержки среди населения и профессионального сообщества.

В числе рекомендаций по результатам компаративного анализа следует отнести реализацию следующих мер, необходимых для полноценной реализации государственной языковой политики:

1. активное применение государственного языка в официальном пространстве на всех уровнях государственной власти;
2. обогащение информационной базы государственного языка в сети Интернет, увеличение количества современной научной, учебной, научно-популярной, художественной и технической литературы на казахском языке, ее популяризация и предоставление к ней свободного доступа всем пользователям;
3. вовлечение в процесс популяризации государственного языка референтных групп из числа, прежде всего, блогеров, медийных личностей среди разных социальных групп (молодежи, этнических групп и др.);

Все это в совокупности будет, несомненно, способствовать повышению языковой привлекательности и актуальности государственного языка в перспективе.

Вклад авторов

Р.Б.Италмасова – концепция и написание научной статьи, систематизация научной литературы.

Н.Сагидолда – сбор и систематизация научной литературы, работа над текстом статьи.

Благодарность, конфликт интересов

Данное исследование было подготовлено по итогам реализации проекта «Социологические и аналитические исследования языковой политики в РК», финансируемого разными государственными структурами в период с 2018 по 2023 гг. Авторы выражают благодарность рабочей группе за предоставленные данные и сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

Abasilov A., A. Kenes A. Language policy and Kazakhstan experience (2022) // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». – № 3(107), pp.56-64. <https://rep.ksu.kz/handle/data/14258>

Abdramanova S. Ethnic identity of Kazakhstani young people in relation to language // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2017. – Т. 166. – №. 2. – С. 140-147. https://www.researchgate.net/publication/330190399_ (Дата обращения: 11.11.2023).

Aksholakova A. and Ismailova N. The Language Policy of Kazakhstan and the State Language in Government Service [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. –2013. – URL: https://www.researchgate.net/publication/270848634_The_Language_Policy_of_Kazakhstan_and_the_State_Language_in_Government_Service (Дата обращения: 11.12.2023). <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.085>

Bekzhanova Zh., Tsediso M. Latinization of the Kazakh Alphabet: Implications for Education, Inclusion, and Social Cohesion in Kazakhstan [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-

портал]. –2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/366209891_Latinization_of_the_Kazakh_Alphabet_Implications_for_Education_Inclusion_and_Social_Cohesion_in_Kazakhstan. (Дата обращения: 12.10.2023). <https://doi.org/10.1177/21582440221138820>

Darvin R., Norton B. Language, identity, and investment in the twenty-first century // Language policy and political issues in education. – 2017. – Т. 3. – С. 227-240. DOI 10.1007/978-3-319-02320-5_18-2

Karabassova L. Understanding Trilingual Education Reform in Kazakhstan: Why Is It Stalled? In book: Education in Central Asia, A Kaleidoscope of Challenges and Opportunities (pp.37-51) [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. – 2020. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344356860_Understanding_Trilingual_Education_Reform_in_Kazakhstan_Why_Is_It_Stalled. (Дата обращения: 15.10.2023). https://doi.org/10.1007/978-3-030-50127-3_3

Lenihan A. Language policy and new media: An age of convergence culture. – 2018. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190458898.013.33>

Li Wei and Melissa G. Moyer. The Blackwell Guide to Research Methods in Bilingualism and Multilingualism. – Singapore: Blackwell Publishing, (2008). - 399 p.

Mambetova A. Kazakhstan's soft power as an impetus to learn the Kazakh language // «trajectories of development of Kazakhstan in the conditions of global challenges»: International forum [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. –2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/374133457_KAZAKHSTAN%27S_SOFT_POWER_AS_AN_IMPETUS_TO_LEARN_THE_KAZAKH_LANGUAGE (Дата обращения: 17.12.2023).

Porter R. Forked tongue: The politics of bilingual education. – Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9780203791714>

Serikbayeva S. Influence of popular Kazakh music on students' motivation to learn Kazakh language. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. – 2018. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344428597_Influence_of_popular_Kazakh_music_on_students'_motivation_to_learn_Kazakh_language (Дата обращения: 15.10.2023).

Simpson J. Policy and adult migrant language education in the UK // Brokering Britain, educating citizens. – 2019. – С.25-42. <https://doi.org/10.21832/9781788924634-005>

Smagulova J. When Language Policy is Not Enough [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. –2021.– URL: https://www.researchgate.net/publication/350001047_When_language_policy_is_not_enough. (Дата обращения: 11.12.2023). <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-0101>

Terlikbayeva N., Menlibekova G. The Dynamic of Language Shift in Kazakhstan: Review Article [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. –2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349711330_Journal_of_English_Language_Teaching_and_Applied_Linguistics_The_Dynamics_of_Language_Shift_in_Kazakhstan_Review_Article (Дата обращения: 11.12.2023). <https://doi.org/10.32996/jeltal.2021.3.2.2>

Tlepbergen D., Akzhigitova A., Zabrodskaia A. Bottom-Up Approach to Language Policy and Planning in Kazakhstan [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал]. – 2023.– URL https://www.researchgate.net/publication/368462995_Bottom-Up_Approach_to_Language_Policy_and_Planning_in_Kazakhstan. (Дата обращения: 10.11.2023).

Yedgina G., Dzhumabekov Dz., Zuyeva L., Dosova B., Kozina V. Language Policy in Kazakhstan in the Context of World Practice [Электронный ресурс] // <https://www.researchgate.net/> [web-портал].–

2023.-URL:https://www.researchgate.net/publication/371242426_Language_Policy_in_Kazakhstan_in_the_Context_of_World_Practice (Дата обращения: 12.12.2023).

Закон РК от 11 июля 1997 года № 151 «О языках в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] // Әділет [web-portal]. – 2013. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (Дата обращения: 14.12.2023) (zakon: internet-resurs)

Сатыбаева А. и др. (2023). Социологические и аналитические исследования языковой политики в РК. – Нур-Султан: ТОО «NEWGROUP.KZ», – 135 с.

Тлегенова А., Решетняк А., Бейсембаев С., Смагулова К. 30 лет независимости Казахстана глазами граждан: события, символы и герои. [Электронный ресурс] // <https://paperlab.kz/> [web-портал]. – 2022. – URL: <https://paperlab.kz/30-let-nezavisimosti-kazahstana-glazami-grazhdan-research> (Дата обращения: 15.10.2023).

Уталиева Ж.Т. и др. Социологические и аналитические исследования языковой политики в РК. (2018) Нур-Султан: ТОО «SANA», – 145 с.

Р.Б. Италмасова, Н.Сагидолда*

Нархоз университеті КЕАҚ, Алматы, Қазақстан

ҚР Мемлекеттік тіл саясатын іске асыру: сараптамалық бағалау

Андатпа. Тіл саясатын іске асыру мәселелері қазіргі Қазақстан сияқты тәуелсіз мемлекеттің тілдік өзін-өзі анықтау контекстінде өзекті болып табылады. Тіл саясаты мониторингінің нәтижелерін талдау оны жетілдіруге және мемлекеттің барабар іске асыруына ықпал ететіні анық, бұл ҚР-да тұратын барлық этностардың тілдік мүдделерінің теңгерімін сақтау контекстінде маңызды.

Зерттеудің мақсаты – республиканың 2018 және 2023 жылдардағы мемлекеттік тіл саясатын іске асыру мәселелері бойынша лонгитюдтік зерттеу деректеріне салыстырмалы талдау жүргізу және тіл саясатын жетілдіру бойынша ұсынымдар әзірлеу.

Зерттеу әдіснамасы – зерттеудің сандық әдісі, сараптамалық сауалнама, таңдау көлемі 2018 жылы ғылым мен білім, техника, экономика және құқық және БАҚ салаларынан 60 сыртқы және ішкі сарапшы және 2023 жылы ҰЕҰ, білім беру және өндірістік сектор салаларынан 50 сыртқы сарапшы қатысты. Сондай-ақ құжаттарды компаративтік талдау және талдау әдісі қолданылды.

Зерттеу нәтижелері – 2018 жылдан 2023 жылға дейінгі кезеңде елімізде жаңа тілдік үрдістің қалыптасуы байқалады - коммуникативтік ортаның өзгеруі және оның дәстүрлі билингвизмнен көптілділікке көшуі, ҚР негізгі тілдерін қолдану перспективаларын бағалауда және мемлекеттік тілді латын әліпбиіне аудару мәселесінде халықтық бағалауда өзгерістер орын алуда.

Негізгі ұғымдар: сарапшылар, мемлекеттік тілді қолдану саласы, тіл саясатын бағалау.

R.B. Italmasova, N. Sagidolda*
Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

Implementation of the state language policy of the RK: expert assessment

Abstract. The issues of language policy implementation are relevant in the context of linguistic self-determination of an independent state, which is modern Kazakhstan. The analysis of the results of language policy monitoring contributes to its improvement and adequate implementation by the state, which is important in the context of balancing the linguistic interests of all ethnic groups living in the Republic of Kazakhstan.

The purpose of the study is to carry out a comparative analysis of longitudinal survey data on the implementation of the state language policy of the republic for 2018 and 2023 and to develop recommendations for improving the language policy.

Research methodology- quantitative research method, expert survey, sample size- 60 external and internal experts from science and education, technology, economics and law, and media in 2018, and 50 internal and external experts from NGOs, education, and the manufacturing sector in 2023. The method of comparative analysis and document analysis was also applied.

Results and conclusions of the study - in the period from 2018 to 2023, there is the formation of a new linguistic trend in the country - the change of communicative environment and its transition from traditional bilingualism to polylingualism, there are changes in the assessment of the prospects of the use of the main languages of the Republic of Kazakhstan and the assessment of the population in the issue of translation of the state language into Latin.

Keywords: experts, spheres of application of the state language, evaluation of language policy.

References

- Abasilov A., Kenes A., "Language policy and Kazakhstan experience", Bulletin of Karaganda University. "Philology" series, No 3(107), pp.56-64., 2022. <https://rep.ksu.kz//handle/data/14258>
- Abdramanova, S. (2017). Ethnic identity of Kazakhstani young people in relation to language. Вестник КазНУ. Серия филологическая, 166(2), 140-147. <https://www.researchgate.net/publication/330190399> (accessed: November 11, 2023).
- Assem Aksholakova, Nurgul Ismailova. "The Language Policy of Kazakhstan and the State Language in Government Service" (2013), available at: https://www.researchgate.net/publication/270848634_The_Language_Policy_of_Kazakhstan_and_the_State_Language_in_Government_Service. (accessed: December 11, 2023). <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.085>
- Bekzhanova Zh., Tsedisso M. (2022) "Latinization of the Kazakh Alphabet: Implications for Education, Inclusion, and Social Cohesion in Kazakhstan", available at: https://www.researchgate.net/publication/366209891_Latinization_of_the_Kazakh_Alphabet_Implications_for_Education_Inclusion_and_Social_Cohesion_in_Kazakhstan. (accessed: October 12, 2023) <https://doi.org/10.1177/21582440221138820>
- Darvin, R., & Norton, B. (2017). Language, identity, and investment in the twenty-first century. Language policy and political issues in education, 3, 227-240. DOI 10.1007/978-3-319-02320-5_18-2
- Karabassova L. (2020) Understanding Trilingual Education Reform in Kazakhstan: Why Is It Stalled? In book: Education in Central Asia, A Kaleidoscope of Challenges and Opportunities (pp.37-51), available

at: https://www.researchgate.net/publication/344356860_Understanding_Trilingual_Education_Reform_in_Kazakhstan_Why_Is_It_Stalled (accessed: October 15, 2023). https://doi.org/10.1007/978-3-030-50127-3_3

Law of the Republic of Kazakhstan dated July 11, 1997, No. 151 "On Languages in the Republic of Kazakhstan" available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (accessed: December 14, 2023)

Lenihan, A. (2018). Language policy and new media: An age of convergence culture. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190458898.013.33>

Mambetova A. (2023) "Kazakhstan's soft power as an impetus to learn the Kazakh language", available at: https://www.researchgate.net/publication/374133457_KAZAKHSTAN%27S_SOFT_POWER_AS_AN_IMPETUS_TO_LEARN_THE_KAZAKH_LANGUAGE (accessed: December 17, 2023).

Porter, R. (2017). Forked tongue: The politics of bilingual education. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203791714>

Satybaeva A. et, Sociological and analytical studies of language policy in the Republic of Kazakhstan, NEWGROUP.KZ LLP, Nur-Sultan, 135 p. 2023,

Serikbayeva S. (2018) Influence of popular Kazakh music on students' motivation to learn Kazakh language. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts, available at: https://www.researchgate.net/publication/344428597_Influence_of_popular_Kazakh_music_on_students'_motivation_to_learn_Kazakh_language (accessed: October 15, 2023).

Simpson, J. (2019). Policy and adult migrant language education in the UK. *Brokering Britain, educating citizens*, 25-42. <https://doi.org/10.21832/9781788924634-005>

Smagulova J. "When Language Policy is Not Enough" (2021), available at: https://www.researchgate.net/publication/350001047_When_language_policy_is_not_enough. (accessed: December 11, 2023). <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-0101>

Terlikbayeva N., Menlibekova G. "The Dynamic of Language Shift in Kazakhstan: Review Article" (2021), available at: https://www.researchgate.net/publication/349711330_Journal_of_English_Language_Teaching_and_Applied_Linguistics_The_Dynamics_of_Language_Shift_in_Kazakhstan_Review_Article (accessed: December 11, 2023).

<https://doi.org/10.32996/jeltal.2021.3.2.2>

Tlegenova A., Reshetnyak A., Beisembaev S., Smagulova K. (2022), 30 years of independence of Kazakhstan through the eyes of citizens: events, symbols and heroes, available at: <https://paperlab.kz/30-let-nezavisimosti-kazahstana-glazami-grazhdan-research> (accessed: October 15, 2023).

Tlepbergen D., Akzhigitova A., Zabrodskaia A. "Bottom-Up Approach to Language Policy and Planning in Kazakhstan" (2023), available at: https://www.researchgate.net/publication/368462995_Bottom-Up_Approach_to_Language_Policy_and_Planning_in_Kazakhstan. (accessed: November 10, 2023). <https://doi.org/10.3390/soc13020043>

Utalieva Zh.T. et al. Sociological and analytical studies of language policy in the Republic of Kazakhstan, SANA LLP, Nur-Sultan, 145 p., 2018

Wei, L., & Moyer, M. G. (Eds.). (2009). *The Blackwell guide to research methods in bilingualism and multilingualism*. John Wiley & Sons.

Yedgina G., Dzhumabekov Dz., Zuyeva L., Dosova B., Kozina V. "Language Policy in Kazakhstan in the Context of World Practice" (2023), available at: https://www.researchgate.net/publication/371242426_Language_Policy_in_Kazakhstan_in_the_Context_of_World_Practice. (accessed: December 12, 2023).

Сведения об авторах

Италмасова Раушан Балтабаевна – доктор социологических наук, профессор, Университет Нархоз, ул. Жандосова, 55, Алматы, Казахстан.

Сагидолда Нагима – автор для корреспонденции, PhD, ассистент профессора, Университет Нархоз, ул. Жандосова, 55, Алматы, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет

Италмасова Раушан Балтабаевна – әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті, Жандосов көшесі, 55, Алматы қ., Қазақстан.

Сагидолда Нагима – хат-хабар авторы, PhD докторы, профессор ассистенті, Нархоз Университеті, Жандосов көшесі, 55, Алматы қ., Қазақстан.

Information about authors

Italmasova Raushan Baltabayevna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Narxoz University, 55 Zhandosov str., Almaty, Kazakhstan.

Sagidolda Nagima – corresponding author, PhD, Assistant Professor, Narxoz University, 55 Zhandosov str., Almaty, Kazakhstan.

IRSTI 04.21.51
Scientific article

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-90-101>

State response to social protests: exploring the dynamics of civil society and state dialogue

Kochiigit Zh.^{1*}, Bodaukhan K.²

¹Eurasian humanitarian research institute, Astana, Kazakhstan

²S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: zhanerke.kairat@gmail.com)

Abstract. Protests frequently emerge as a manifestation of societal grievances, shedding light on various challenges faced by the population. In response, governments can adopt diverse strategies to address these issues. These include engaging in dialogue with protest organizers to negotiate solutions and implement policy changes, or employing repressive measures such as deploying security forces, imposing curfews, or restricting assembly rights.

This study examines the state's response to the social protests that erupted following the 2019 presidential election in Kazakhstan. While previous research has explored triggers, key actors, and barriers to social mobilization in Central Asia, particularly Kazakhstan, this study adopts a novel approach. Utilizing content analysis of presidential speeches and video analysis of protests, it assesses the state's reaction. The findings reveal that the immediate response to the protests was marked by legal restrictions and suppression. In contrast, the state's long-term strategy involved attempts to address the socio-economic demands of the protesters through dialogue and accommodation.

The study illustrates a complex and evolving interaction between the state and civil society in Kazakhstan. The state's response combined both conciliatory and repressive measures, tailored to the specific circumstances and perceived threat levels of the protests. This dual approach enabled the state to maintain control while demonstrating a readiness to engage with societal concerns through negotiation.

Keywords: contentious politics, civil society, mass media, political culture, public trust, political dynamics, video analysis, content analysis

Introduction

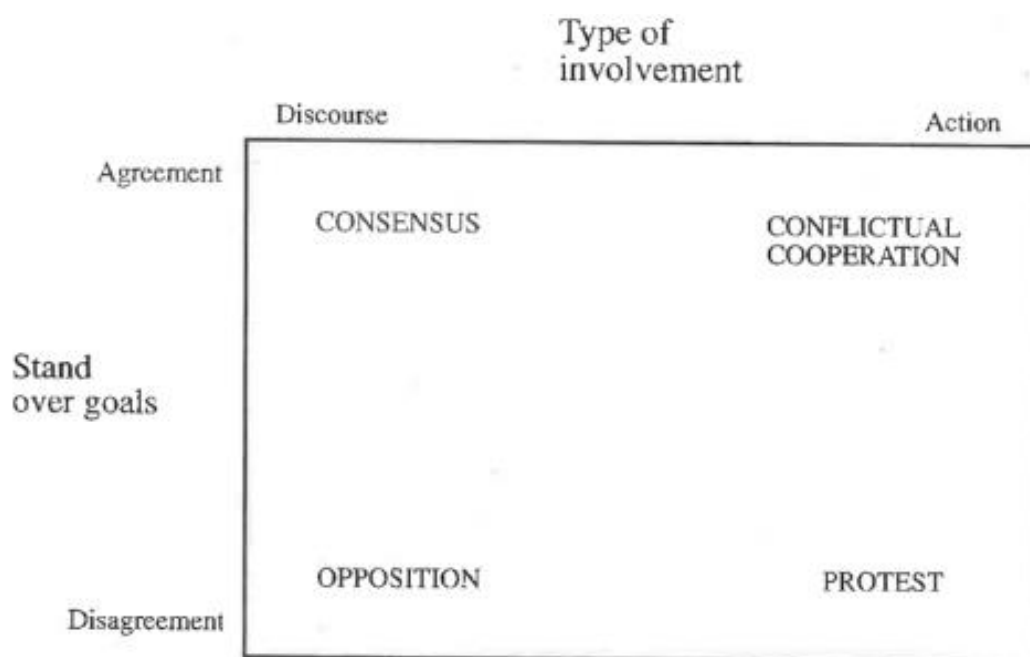
Citizen participation in contentious politics (e.g., signing petitions, wearing stickers, and protests) was a rare case in the 1990s in Kazakhstan, however, the colored revolutions of 2003-2005 in Ukraine, Georgia, and Kyrgyzstan and the Arab spring had an impact on the political activism of Kazakhstani citizens. Since 2010, there has been a growing number of protests on the streets. The most evocative protests are the anti-Chinese protests in 2010, Zhanaozen riots in 2011, the land reform protests in 2016, the protests of mothers of many children and the protests against the results of the presidential election in 2019.

According to the Kazakhstan International Bureau for Human Rights (KIBHR), most of the protests are impulsive; in other words, they respond to some changes in the political system or decisions, reforms. Nasimova et al. argue that protests since 2010 have undergone a process of depoliticization, with social issues taking precedence (Nasimova, Buzurtanova, and Saitova, 2019). For instance, in 2017, only 5.5% of protests focused on political matters, whereas a significant majority, approximately 78%, centered around social issues (Nasimova et al, 2019). Another characteristic of protests in Kazakhstan relates to their episodic and local nature. Wolters argues that this is due to the vast territory with huge distances between oblasts and dramatic regional differences that hinder the network protests (Schmitz and Wolters, 2012). According to Worldwide Governance Indicators, Voice and Accountability has been worsening since 2006. Similarly, Bertelsmann Stiftung's Transformation Index ranks Kazakhstan as a hard-line autocracy and highlights its repressive environment where alternative voice is curtailed and viewed as unwelcome (Bertelsmann, 2016). However, McGlinchey argues that the Kazakh government tends to elicit accommodationist responses compared to its counterparts in Central Asia (McGlinchey, 2009).

This study seeks to investigate the protests that occurred immediately following the 2019 presidential election in Kazakhstan, with the primary research question being: What is the state's response to political protests? The paper is structured as follows: the authors begin with a literature review and theoretical framework that contextualizes protests in post-Soviet countries. The methodology section outlines the data collection process, which involved content analysis and videography. The findings section presents a triangulation of all findings and tests the main hypothesis, while the study concludes with a brief discussion and conclusion.

Literature review

Any social movement reflects existing social conflict and represents a series of challenges for power holders. Those challenges become especially critical and hinder the stability of existing regimes when incumbents experience legitimacy and trust crises. According to Giugni and Passy, social movement activities can be classified based on their stance on goal, ranging from agreement to disagreement with current policies, and the type of involvement, ranging from discourse to action (Giugni and Passy, 1998). According to this classification, protest actions are proposed as a typical means "that movements have at their disposal to reach their goals". And represents an "extreme" case when consensus on the political decision is not achievable and discursive and communicative measures are not effective.

Picture 1. A typology of social movement activities (Heath, 1997)

Protests are also recognized as an indicator of the incumbent's popularity and according to Hafner-Burton et al. forceful supersession or use of coercive measures against election-related protests is an incumbent's effort to fend off threats to their power (Hafner-Burto, Hyde, and Jablonski, 2014). And "government-sponsored" forceful suppression of protests initiated by opposition or potential voters, recognized as a common process. Empirical evidence from studies exhibits that election-related protests become increasingly successful in contributing to the cancellation of an election or the resignation of the incumbent. However, "successful" achievement of the protest's goal is highly dependent on institutional constraints and legal limitations on the incumbent's ability to exploit a monopoly over violence.

In authoritarian countries, participation in protests is a risky matter, therefore, drivers in authoritarian countries differ compared to now advanced countries. Income and education levels are highly positively correlated in participation in contentious politics in advanced industrial countries and the middle class played a significant role in regime change (Verba, Schlozman and Brady, 1995; Dalton, Van Sickle and Weldon, 2010). However, in authoritarian countries, citizens with higher education are reluctant to participate in protests because they are the main beneficiaries and their income depends on the existing regime. There is a high opportunity cost for the middle class and this is the reason for free riding on participation of economically disadvantaged groups (Campante and Chor, 2014; Achilov, 2017).

Many scholars argue that the reasons for protests in authoritarian countries stem from the following issues: authoritarian rule, corruption, self-enriching elite, grave socio-economic problems, nepotism and raising inequality (Kubicek 2011; Nasimova et al., 2019; Schmitz & Wolters, 2012). The expansion of telecommunication technologies has transformed the political culture of citizens in Kazakhstan. The frequent usage of the internet, mobile phones and social

media such as Facebook, V Kontakte, and Twitter are the main drivers of social mobilization. Achilov's quantitative analysis illustrates a strong correlation between the frequent use of social media by Kazakh respondents with intentions to participate in protests (Achilov, 2017).

Ruijgrok's quantitative study employed country-year data from 1990 to 2013, and it displays a positive correlation between internet usage and an increase in the number of protests (Ruijgrok, 2017). In authoritarian countries, information through the internet facilitates the process of mobilization and decreases the transaction cost for oppositional movements. Results of protests vary in authoritarian countries. Vladislavjević examines protests of communist Poland and Yugoslavia (1980) and post-Communist Ukraine and Serbia (2000, 2004, 2014). According to the scholar, protests themselves are insufficient to bring regime changes, only when protests are augmented with other factors such as structural conditions (i.e., financial or economic crisis), elite conflicts and international factors (i.e. international aid for democratic opposition, breakdown of the USSR), substantial political change is possible.

Hale's research examines the colored revolution in post-Soviet space and explains the reason of why colored revolutions shaped Ukraine, Georgia and Kyrgyzstan (Hale, 2005). He relates it to the lame-duck syndrome, where the incumbent is unpopular and is expected to leave his office, and the elite are aware of this, can orchestrate collective mobilization. This was the case in Kyrgyzstan, where local elites were more independent vis-à-vis central power; therefore, the elite could challenge the power and, with the help of huge masses, oust the incumbent. In contrast, Radnitz provides an alternative view on why protests resulted in revolutions and toppled regimes in Ukraine, Georgia, and Kyrgyzstan (Radnitz, 2010). In Radnitz's view, this relates to early economic reforms where privatization, economic liberalization established new capitalist elites whose interests put them at odds with the existing regime (2010). Therefore, business elites played a crucial role in financing and mobilizing mass protests. This created a stronger opposition and facilitated regime change in the above countries.

The presence of a collective action problem suggests that individuals often have conflicting interests over common-pool resources and therefore fail to cooperate (Radnitz, 2010). Social mobilization is still in its infancy in Kazakhstan, a huge territory, and the distance between regions also hinders the mobilization. Growing inequality also impedes collective action as the economically disadvantaged part of the society is more willing to protest, whilst financially secure middle-class individuals fear losing their jobs, social positions, and this makes mobilization a hard task to accomplish (Achilov, 2017).

A theory of modular diffusion by Beissinger can explain the contentious politics in Central Asian states (Beissinger, 2007). Modular diffusion states that previous social mobilizations in similar contexts may have an impact on other states in the same region, that is to say, the model of mobilization may emerge in one country and expand to other states through the impact of ideas, behaviors, and models. The Tulip Revolution in the Kyrgyz Republic and its transformation of the political system are a lesson for neighboring states that share similar characteristics.

Resource mobilization is another approach that attempts to elucidate the dynamics of protests in the post-Soviet countries. Resource mobilization theory stresses the availability of resources to groups and participants' positions in the social network. Recent research has shown that the availability of resources such as education, usage of the internet, and membership in networks

have a strong correlation with contentious politics (Achilov, 2017). Subversive clientelism is the approach that highlights the role of elites in protests. Political protests are not a mere interaction between the state and citizens, however, there is a third actor that contributes to the evolution of relations in contentious politics – independent elites. According to Hale, McFaul, and Radnitz, elites play a significant role in the processes of protests; whether the elite is loyal to the incumbent or in favor of alternative forces that challenge the incumbent determines the balance of power (2005; 2002; 2010).

Data collection and methodology

To answer the research questions, the content analysis of two speeches of President Tokayev was subjected to NVivo analysis.

a) President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev's State of the Nation Address, September 2, 2019.

b) Speech by the Head of State K. Tokayev at the Second National Council of Public Trust, November 20, 2019.

The rationale behind the selection of these speeches relates to the topic and the venue of the speech; the former speech's topic states "Constructive dialogue – the basis of stability," which was delivered a couple of months after the election and protests. Whilst the latter one was delivered to the National Council of Public Trust. Thus, these Speeches are perceived as both a reaction to political protests following the election and a novel avenue for state-society dialogue.

Moreover, responses of the Ministry of Internal Affairs, the General Prosecutor's office, and the Ministry of Information were subject to content analysis. The study employs a data-driven inductive-coding approach.

Since the protests were already held, access for firsthand observational data is not available; therefore, an alternative way of observation - video reports of these events were chosen as a main data source. Since the protests were attracting the attention of official opposition-related mass media as well as active contributors of social media, there was an abundance of video materials reporting from the scene. Video and other digital audiovisual materials are widely recognized by scholars as an important form of research data, and video technology offers expanded possibilities for looking at interaction and communication in various 'natural' settings (Knoblauch and Schnettler, 2012). Since the use of video has important consequences for the focusing process in ethnographic studies, Knoblauch and Tuma perceive videography as a specific form of focused ethnography (2020). Interpretive video analysis in this study is based on the basic phenomenological and methodological assumptions of interpretive social science, implying that any action is guided by meanings, therefore, they cannot merely be observed. According to Schutz, meanings can be distinguished between the ones that actors themselves link with their actions, that is 'constructs of the first order', and the meanings that outside observers conceive, these are 'constructs of the second order' (Schutz, 1962). Therefore, while interpreting the 'object', we also simultaneously involve the observer's knowledge. And according to Heath, to identify the visible action that constitutes the situation, hermeneutic activity involves not only describing and explaining action itself, but also determining the knowledge that is needed to understand the situation and actions (1997). Objectivity of the method is ensured

by relying on interpretations of only observable actions and excluding theoretical assumptions, or actors' invisible factors like motives, subconscious desires, or attitudes. Thus, the rationale for employing the methodology of videography in this study is to expand the data collection methods to improve the internal validity of the study and ensure the consistency and reliability of research findings.

Audio-visual data for videography was selected based on the convenient judgmental sampling strategies. Trustworthiness of the data, especially validity, objectivity, and reliability designated as a basic eligibility criterion for sampling. To ensure correspondence of data to predefined trustworthiness "standard", the following sub-criterion were identified for sample selection: video materials should be published on official media channels, the venue and time of the event should be identifiable, and video data should not contain subjective interpretation of the recorded events. The guiding principle for achieving an adequate sample size was a point of "data saturation", when it is observed that adding more video data does not result in additional perspectives or information. In conformity with the abovementioned criterion, 4 videos reporting 4 hours and 27 minutes of pre-election protests, and 3 videos reporting 2 hours and 35 minutes of post-election protests were selected. Access to videos is given in the appendices.

Findings and analysis

Content analysis

Results of the content analysis exhibits that the most frequent words in the analyzed President's speeches were "the government" (40 times), citizens (*население, граждане* 31 times), to provide (16 times), development (33 times), business (15 times), increase (13 times), social (14), responsibility (10 times) and Elbasy (10 times).

Similar findings emerged from the coding frequencies conducted in NVivo, highlighting that speeches by K. Tokayev predominantly address themes related to **reforms and social initiatives**. These themes can be categorized into six broad categories: reforms, social policy (support of multi-child family, increase the salary, education, medical services), interaction between the state and society (the public, public protests, alternative view, the National Council of trust, accountability), non-state actors (small-medium enterprise, the quasi-state sector, researchers and scientists), state actors (First President Elbasy, Ministries, the government, regions: urban policy), political initiatives has a lower references (encouraging women in politics, Parliament opposition, registration of new parties). Quantification of frequent words and coding illustrates that the President views the demands of the protestors through economic reforms and social changes. The speech acknowledges the responsibility of the state and at the same time, there is a clear message that the policy of the First President Elbasy will remain. Therefore, political reforms are not an urgent agenda and are expected to be fulfilled in a gradual phase. This is apparent from the coding (attached), where political initiatives have fewer references in the speech.

Video-analysis

The findings from videography demonstrate limited forceful responses on the part of state bodies. However, it's noteworthy that the forceful state reaction is not uniformly distributed across all protests, and the state's response strategies to protests exhibit heterogeneity.

An analysis of the communicative interactions between protestors and the state, observed in their natural context, reveals that during the initial stages of protests, coercive measures and suppression were the primary communication strategies employed by the state. These protests were a response to announcements regarding the upcoming presidential elections and commenced on May 1st. The analysis indicates a lagged correlation between the scale of protests and the level of the state's forceful response. Protests exhibited an accumulative nature, reaching their peak participation between June 9th and 12th, while subsequent "unscheduled" protests after the election, starting from July 6th, showed declining participation trends. The state's use of coercive measures mirrored the accumulative nature of protests with a lag. During the pre-election protests on May 1st, the state made attempts to initiate constructive dialogues, that was initiated by the representatives of local law enforcement, internal affairs departments, and the akim of the Medeu region in Almaty acting as the main mediators.

However, protestors displayed resistance, coupled with skepticism and distrust towards the dialogue and attempts by state representatives. Analysis of recorded protests indicates that the primary aim of the call for dialogue was not genuine communication but rather the peaceful suppression of protests. Despite this, the central message of the protestors remained focused on the demand for freedom of choice, and any efforts by state representatives to initiate dialogue were met with chants from the protestors: *"We have a choice"* (*"У нас есть выбор"*) and *"Disgrace"* (*"Позор"*). However, as the protests continued, the discourse became increasingly fuzzy, diverse, and unsystematic. Protestors began addressing a wide range of issues, including socio-economic concerns, inequality, unemployment, economic decline, accountability, corruption, and political reforms.

It's worth noting that the state's forceful reaction varied among different protests. During the first pre-election protests, participants were detained by the police only after two hours of demonstration. Initially, state representatives attempted to suppress the protests using physical barriers and threats of arrest due to the illegality of unpermitted protests. However, the "ineffectiveness" of these measures led to actual suppression and detention. Interestingly, in Astana, representatives of the city's law enforcement departments even attempted to negotiate with protestors. They offered to release detained protestors if others agreed to end the protest.

Furthermore, video analysis revealed that during the early pre-election protests, participants appeared as a homogeneous group with a common interest in claiming political and civil rights. However, as time progressed, the homogeneity of protestors diminished, leading to the emergence of scattered and highly segmented groups. These included "Oyan, Qazaqstan," advocating for political reforms and freedom for political prisoners; "Zheltoqsan," emphasizing socio-economic issues, accountability, and vindication of movement participants; "Nur Otan" (now *"Amanat"*) supporters calling for peaceful development and sustainability, as well as various other unorganized groups.

It should be noted that these findings are not a perfect reflection of reality because the employed methodology has its limitations that require consideration and proper response by researchers. Especially, the realities portrayed in video records of the protests can be manipulated by the person who filmed the protests and contain prejudice, and might reflect nothing more than scenes chosen from a larger reality. Therefore, deep and adequate knowledge of the political

environment, socio-economic issues on the ground, and a holistic view of the context are crucial for objective analysis. This paper endeavors to provide insights by reflecting on available data and video material, social and political context.

Conclusion

The state's response to social protests can vary widely depending on political, social, and economic factors, as well as the prevailing political culture and governance structures within a country. However, prioritizing dialogue, inclusivity, and proactive policy measures is often key to effectively addressing the underlying issues fueling protests and promoting social cohesion and stability.

Findings obtained by the study exhibit low mobilization of citizens, scattered and segmented interests of protestors, and an impulsive, episodic, and local nature of protests. According to video data, the authors observe an immediate state reaction to protests and legal restrictions imposed upon participants of protests. Physical suppression of protests emerged as the primary strategy available to incumbents to stabilize the political situation in the short term, leading to a decrease in the scale of protests. Overall, in the long run, the state demonstrates responsiveness to societal needs and actively works to accommodate protesters' requirements and dissatisfaction. It allowed for defusing immediate tensions and also laid the foundation for long-term stability, inclusive governance, and social progress. The content analysis of the President's speeches showed that the state holds an accommodating position toward the protesters' requirements and is willing to introduce a wide range of socio-economic reforms in Kazakhstan. When the state is responsive to societal needs and endeavors to accommodate protesters' grievances and dissatisfaction, it often signals a commitment to addressing underlying issues and fostering social cohesion.

In conclusion, the analysis of the state's response to the social protests following the 2019 presidential election in Kazakhstan reveals a nuanced interplay between repression and conciliation. This study demonstrates that while the state's immediate reaction to protests is often characterized by legal restrictions and suppression, there is also a concurrent effort to engage in dialogue and address socio-economic grievances over the longer term. This dual approach aligns with the findings of Giugni and Passy on contentious politics in complex societies, which suggest that in environments marked by diverse social and political dynamics, the strategies of both state and non-state actors are shaped by the intricate interactions between various societal factors (Giugni and Passy, 1998). Political conflict must be understood within its broader socio-political context. The case of Kazakhstan illustrates how state responses are tailored not only to manage dissent but also to navigate the complex fabric of societal needs and demands. Thus, understanding the state's strategy requires an appreciation of this balance between control and accommodation, reflecting the broader patterns of contentious politics in complex and evolving societies.

Acknowledgments

The preparation of this article was made possible through the support of grant project #AP23490441

Authors' contribution

In the article, each of the three authors made significant contributions to its development. The first author, the corresponding author, provided a comprehensive theoretical framework, establishing the foundational concepts and guiding the overall direction of the research. Their expertise in qualitative research was crucial for shaping the article's approach and ensuring its scholarly rigor. The second author, **Bodaukhan K.**, focused on synthesizing the findings and contextualizing them within the broader literature, and also played a pivotal role in the empirical analysis, utilizing analytical techniques to generate and interpret the results. Their contributions brought a practical dimension to the theoretical framework and provided valuable insights into video analysis.

References

- Achilov, D. (2017) 'When actions speak louder than words: examining collective political protests in Central Asia', in Herzig, E. and Kangas, R. (eds) *The People and the State*. London: Routledge, pp. 132–155.
- Beissinger, M.R. (2007) 'Structure and example in modular political phenomena: The diffusion of bulldozer/rose/orange/tulip revolutions', *Perspectives on Politics*, 5(2), pp. 259–276. doi:10.1017/S1537592707070776.
- Bertelsmann Stiftung (2016) *BTI 2016 — Kazakhstan Country Report*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Brown, D. and Cox, A.J. (2009) 'Innovative uses of video analysis', *The Physics Teacher*, 47(3), pp. 145–150. Available at: <https://doi.org/10.1119/1.3081296>.
- Campante, F.R. and Chor, D. (2014) 'The people want the fall of the regime: Schooling, political protest, and the economy', *Journal of Comparative Economics*, 42(3), pp. 495–517. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.010>.
- Dalton, R., Van Sickle, A. and Weldon, S. (2010) 'The individual-institutional nexus of protest behaviour', *British Journal of Political Science*, 40(1), pp. 51–73. Available at: <https://doi.org/10.1017/S000712340999038X>.
- Giugni, M.G. and Passy, F. (1998) 'Contentious politics in complex societies', in Giugni, M.G. et al. *From Contention to Democracy*, pp. 81–108.
- Hafner-Burton, E.M., Hyde, S.D. and Jablonski, R.S. (2014) 'When do governments resort to election violence?', *British Journal of Political Science*, 44(1), pp. 149–179. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0007123412000671>.
- Hale, H.E. (2005) 'Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia', *World Politics*, 58(1), pp. 133–165. Available at: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>.
- Heath, C. (1997) 'The analysis of activities in face-to-face interaction using video', *Qualitative Sociology*, pp. 183–200.
- Knoblauch, H. and Schnettler, B. (2012) 'Videography: Analysing video data as a "focused" ethnographic and hermeneutical exercise', *Qualitative Research*, 12(3), pp. 334–356.
- Knoblauch, H. and Tuma, R. (2020) 'Videography: An interpretative approach to video-recorded micro-social interaction', in Margolis, E. and Pauwels, L. (eds) *The SAGE Handbook of Visual Research Methods*, pp. 129–142.
- Kubicek, P. (2011) 'Are Central Asian leaders learning from upheavals in Kyrgyzstan?', *Journal of Eurasian Studies*, 2(2), pp. 115–124. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.00>.

McFaul, M. (2002) 'The fourth wave of democracy and dictatorship: noncooperative transitions in the postcommunist world', *World Politics*, 54(2), pp. 212–244. Available at: <https://doi.org/10.1353/wp.2002.0004>.

McGlinchey, E. (2009) 'Central Asian protest movements: Social forces or state resources?', in Collins, K. and Jones Luong, P. (eds) *The Politics of Transition in Central Asia and the Caucasus*. London: Routledge, pp. 124–138.

Nasimova, G.O., Buzurtanova, M.M. and Saitova, N.A. (2019) 'Social protests in Kazakhstan: factors and trends', *Vestnik SPbGU. Filosofija i konfliktologija*, (3). [in Russian]

Olson, M. (1989) 'Collective action, the invisible hand', in P. (ed.) *Collected works*, pp. 00–00.

Radnitz, S. (2010) 'The color of money: privatization, economic dispersion, and the post-Soviet "revolutions"', *Comparative Politics*, 42(2), pp. 127–146. Available at: <https://doi.org/10.5129/001041510X12911363509396>.

Ruijgrok, K. (2017) 'From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes', *Democratization*, 24(3), pp. 498–520.

Schmitz, A. and Wolters, A. (2012) *Political protest in Central Asia: Potentials and dynamics*. SWP Research Paper, No. RP 7/2012.

Schutz, A. (1962) 'Common-sense and scientific interpretation of human action', in Schutz, A. *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 3–47.

Verba, S., Schlozman, K.L. and Brady, H.E. (1995) *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge: Harvard University Press.

Vladisavljević, N. (2014) 'Popular protest in authoritarian regimes: evidence from communist and post-communist states', *Southeast European and Black Sea Studies*, 14(2), pp. 139–157. doi:10.1080/14683857.2014.901725.

Кочйигит Ж.^{1*}, Бодаухан К.²

¹*Еуразиялық гуманитарлық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан*

²*С.Сейфуллин атындағы Қазақ Агротехникалық Зерттеу Университеті, Астана, Қазақстан*

Мемлекеттің әлеуметтік наразылықтарға реакциясы: азаматтық қоғам мен мемлекет арасындағы диалог динамикасын зерттеу

Аңдатпа. Қарсылық көбінесе қоғамдағы наразылық пен қиындықтарды көрсетеді, азаматтар тап болған қоғамдағы мәселелер мен қиындықтарды айқындайды. Бұл наразылықтарға жауап ретінде билік бірнеше жолды таңдауы мүмкін. Олар наразылық ұйымдастырушыларымен және наразылық білдіруші топтардың өкілдерімен диалогқа кірісуі мүмкін. Бұл олардың мәселелерін тыңдау, мүмкін шешімдер бойынша келіссөздер жүргізу және наразылықтардың түпкі себептерін шешуге арналған саясаттық өзгерістер енгізуді қамтиды. Сонымен қатар, билік өкілдері қарсылықты басу үшін репрессивті шараларға жүгінуі мүмкін, мысалы, қауіпсіздік күштерін жұмылдырып, демонстранттарды тарату, коменданттық сағат енгізу немесе жиналу еркіндігін шектеу сияқты.

Бұл зерттеу 2019 жылғы президенттік сайлаудан кейінгі Қазақстандағы әлеуметтік қарсылыққа биліктің жауабын талдауға арналған. Орталық Азиядағы, әсіресе Қазақстандағы қарсылықтарға арналған бұрынғы зерттеулер көбінесе наразылық себептеріне, негізгі

акторларға және әлеуметтік мобилизацияға кедергі келтіретін мәселелерге назар аударған болса, бұл зерттеу өзгеше тәсілді қолданады. Президенттің сөйлеген сөздеріне контент-анализ және қарсылықтардың бейнеанализін пайдаланып, мемлекеттің қарсылыққа реакциясын түсінуге арналған. Зерттеу нәтижелері мемлекеттің қарсылыққа бағытталған алғашқы щұғыл жауабы құқықтық шектеулермен, басу шараларымен сипатталатынын көрсетеді. Ал ұзақ мерзімді перспективада мемлекет наразылық жасаушылардың әлеуметтік-экономикалық талаптарын қанағаттандыру үшін диалог орнатуға және оларды есепке алуға тырысады.

Зерттеу Қазақстандағы мемлекет пен азаматтық қоғам арасындағы күрделі және дамып келе жатқан қарым-қатынасты көрсетеді. Талданған наразылық шараларына мемлекеттің жауабы жағдайдың нақты сипатына және қарсылық жасаушылар тудыратын қауіп деңгейіне байланысты бейімделген және репрессивті шараларды қамтиды. Бұл тәсіл мемлекетке жағдайды бақылауда ұстап, қоғамның мәселелерін шешу үшін диалог пен келіссөздер жүргізуге дайын екендігін көрсетуге мүмкіндік берді.

Негізгі ұғымдар: құрылымдық саясат, азаматтық қоғам, масс-медиа, саяси мәдениет, қоғамдық сенім, саяси динамика, видео анализ, контент-анализ

Кочийигит Ж.^{1*}, Бодаухан К.²

¹*Евразийский институт гуманитарных исследований, Астана, Казахстан*

²*Казахский агротехнический исследовательский университет им. С.Сейфуллина, Астана, Казахстан*

Реакция государства на социальные протесты: изучение динамики диалога гражданского общества и государства

Аннотация. Протесты часто возникают как проявление общественных недовольств, выявляя различные проблемы, с которыми сталкивается население. В ответ на эти проблемы правительство может применять различные стратегии. Это может включать диалог с организаторами протестов для поиска решений и реализации политических изменений или применение репрессивных мер, таких, как развертывание сил безопасности, введение комендантского часа или ограничение права на собрания.

В данном исследовании анализируется реакция государства на социальные протесты, вспыхнувшие после президентских выборов 2019 года в Казахстане. В то время как предыдущие исследования сосредоточились на триггерах, ключевых акторах и барьерах социальной мобилизации в Центральной Азии, особенно в Казахстане, это исследование принимает иной подход. Используя контент-анализ президентских речей и видеоанализ протестов, оно оценивает реакцию государства. Результаты показывают, что немедленная реакция государства на протесты характеризовалась правовыми ограничениями и подавлением. В долгосрочной перспективе государство стремилось удовлетворить социоэкономические требования протестующих через диалог и попытки учесть их интересы.

Исследование демонстрирует сложное и развивающееся взаимодействие между государством и гражданским обществом в Казахстане. Реакция государства на протесты сочетала как

примирительные, так и репрессивные меры, в зависимости от конкретных обстоятельств и уровня perceived угрозы. Этот двойной подход позволил государству сохранить контроль над ситуацией, одновременно демонстрируя готовность к диалогу и переговорам по вопросам общественных проблем.

Ключевые слова: состязательная политика, гражданское общество, масс-медиа, политическая культура, общественное доверие, политическая динамика, видеоанализ, контент-анализ.

Авторлар туралы мәлімет

Кочийигит Ж. – хат-хабар авторы, мемлекеттік саясат магистрі, Еуразия гуманитарлық зерттеулер институты, Қонаева 14, Астана, Қазақстан.

Бодаухан К. – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Жеңіс даңғылы, 62, 010011 Астана, Қазақстан.

Сведения об авторах

Кочийигит Ж. – автор для корреспонденции, магистр государственной политики, Евразийский институт гуманитарных исследований, ул. Конаева, 14, Астана, Казахстан.

Бодаухан К. – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина, пр. Женис, 62, 010011 Астана, Казахстан.

Information about authors

Kochiigit Zh. – corresponding author, Master of Public Policy, Eurasian Institute for Humanitarian Studies, 14 Konaev Street, Astana, Kazakhstan.

Bodaukhan K. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, 62 Zhenis Avenue, 010011 Astana, Kazakhstan.

IRSTI 04.21.51
Scientific article

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-102-113>

Origins of institutional trust in Kazakhstan

G.A. Makulbayeva¹ , Zh.Zh. Davletbayeva*¹ , M.M. Dyussenov² , A.V. Zagrebin¹

¹Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

²Astana IT University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: ¹g.makulbayeva@apa.kz, ²zhuldyz.davletbayeva@apa.kz, ³mergend7@gmail.com,
⁴a.zagrebin@apa.kz)

Abstract. Kazakhstan has been experiencing a decline in citizens' institutional trust, particularly in Parliament, the courts, and the national government, over the past decade. There is an urgent need to investigate the factors that influence this erosion of trust. This study aims to examine the impact of perceived government performance and cultural factors on institutional trust in Kazakhstan. For that purpose, the study employs the World Values Survey's 7th wave for regression analysis. Institutional trust is captured through citizens' trust in Parliament, courts, and the national government. To measure the perceived government performance, this research employs variables such as corruption perception, income inequality, satisfaction with political system performance and satisfaction with the financial situation of the household at the individual level. Cultural factors have been captured through national pride, respect for authority and interpersonal trust. The findings demonstrate that satisfaction with a political system performance has a positive impact on institutional trust. In contrast, higher perception of corruption lowers the degree of trust in political institutions of Kazakhstan. With respect to cultural variables, national pride is positively associated with institutional trust. These findings have policy implications as to how improve the trust in national government, Parliament, and courts of Kazakhstan.

Keywords: institutional trust, performance, culture, authoritarian values, social trust

Introduction

Institutional trust is essential for both developing and developed countries and governments try to improve citizens' trust in various institutions as it contributes to regime's sustainability, economic prosperity and compliance with the law (Scholz & Lubell M., 2013). It is particularly critical for Kazakhstan as there is a growing dissatisfaction with the institutions and deteriorating socio-economic conditions (Kudaibergenova & Laruelle, 2022).

One of the common explanations found in the existing scholarship is "the trust-as-evaluation" approach. In other words, trust is an outcome of citizens' subjective evaluation of government performance (Easton, 1975; Van der Meer & Hakhverdian, 2017). Easton emphasizes performance and claims that citizens' evaluation of performance determines the stock of trust in authorities and institutions (Easton, 1975). Likewise, scholars argue that good performance that produces substantive policy outcomes should generate high levels of trust in authorities and institutions (Van der Meer & Hakhverdian, 2017). Scholars measure the subjective evaluation through citizens' perceptions of economic and political system performance, economic satisfaction, and household income (McAllister, 1999; Zmerli & Castillo, 2015). In the "trust-as-evaluation" approach, scholars pay attention to economic inequality as an explanatory variable (Zmerli & Castillo, 2015). Zmerli and Castillo's study on Latin America concludes that higher levels of objective income inequality (GINI index) are negatively associated with political trust, the perception of unfair income distribution also decreases trust in institutions and authorities (Zmerli & Castillo, 2015). The rising income inequality leads to a negative feeling toward the political system and thus it reduces the trust in public institutions. In the case of the EU intercountry inequality contributes to lower trust in EU institutions (Guinjoan & Rico, 2018). Previous studies on post-Soviet countries suggest that the performance of institutions is a good predictor of the varying degree of trust compared to cultural explanations (Mishler & Rose, 2001; McKee et al., 2013).

Another explanation of changing institutional trust is cultural factors such as authoritarian orientation, social trust and national pride. For example, more recently, scholars stress the pivotal role of authoritarian orientation as an independent determinant of trust in Asian societies (Ma & Yang, 2014; Baniamin et al., 2020). Similarly, Roger Sapsford and his colleagues also highlight the role of social cohesion as a determinant of trust in post-Soviet societies. There is some literature on political and institutional trust in Central Asia. Bekmagambetov et al. (2018) studied the relationship between political trust and protest behavior among Kazakhstani college students. Junisbai and Junisbai (2019) examined institutional trust in Central Asian countries, but their study does not include cultural factors as a potential predictor of trust in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Another research by McKee et al. conducted a survey in nine post-Soviet countries (Kazakhstan and Kyrgyzstan are included) between 2001 and 2010/2011 and revealed that institutional theory has a strong predicting power of trust (McKee et al., 2013). Similar to Mishler and Rose's study in post-communist Eastern and Central Europe and former Soviet Union states (Mishler & Rose, 2001). Nevertheless, there is no research that specifically focuses on Central Asian states and includes both explanations of cultural factors and perceived institutional performance to show the origins of institutional trust in this region. This quantitative inquiry addresses this gap in the literature.

This research aims to examine the impact of perceived government performance and cultural factors (independent variables of interest) on institutional trust (dependent variable) in Kazakhstan. This study draws on WVS and sets the following research question: “How do perceived government performance and cultural factors impact on institutional trust in Kazakhstan?” It defines institutional trust as citizens’ confidence toward the three political institutions namely the national government, parliament, and court system. In addition, in this study, we define cultural factors as authoritarian orientation, national pride and social trust. There is a body of research on social and political trust in post-Soviet countries, which primarily focuses on East Europe and Russia (Mishler & Rose, 2001; McKee et al., 2013). However, no one looked at the relationship between the institutional trust and cultural factors in the Central Asian setting, particularly in Kazakhstan.

Data and methodology

To evaluate the impact of perceived government performance and cultural factors on institutional trust in Kazakhstan, this study draws on the WVS 7th wave. The sample size is about 1,300 respondents. A multi-stage sampling procedure stratified by region and respondents’ location was implemented in Kazakhstan.

Prior studies that examine the origins of institutional and political trust in various contexts have used three proxy variables: confidence in the executive, legislative, and judicial branches, particularly within the Asian context (Wong et al., 2011). These three institutions are essential and wield significant power in shaping major policies and strategies in Kazakhstan. Moreover, citizens are typically aware that street-level bureaucracies, such as the police or local governments, do not have determining power, as their role is primarily one of implementation. Therefore, this study also utilizes the commonly employed variables and measures institutional trust through Kazakhstani citizens’ confidence in the parliament, national government, and courts. An additive index was created on institutional trust, the Cronbach alpha scores of the institutional trust index exceed the conventionally accepted 0.70 thresholds (Appendix 2). To check the adequacy of the sample, the Kaiser-Meyer-Olkin test has been employed and it exceeds 0.5, which means the sampling is adequate and sufficient for analysis (Field, 2013).

Table 1. Kaiser-Meyer-Olkin measure of sampling adequacy

Variable	KMO
Confidence in government	0.7203
Confidence in parliament	0.7326
Confidence in courts	0.7443
Overall	0.7321

Existing research employs social trust, national pride and authoritarian values as cultural explanations for institutional and political trust [Godefroidt, 2017; Baniamin et al., 2020]. This study also uses them as independent variables for cultural explanation. In this study, we use social trust and interpersonal trust interchangeably. National pride is measured based on responses to the following questions: “How proud are you to be the nationality of this country?”

Answers range from 1 (I am not national) to 5 (very proud). The authoritarian orientation was measured through “Greater respect for authority”, where 1 indicates it as a “bad thing”, 2 means “don’t mind” and 3 means “good thing”. Social trust is captured through “Trust: people you meet for the first time” answers ranging from 1 (do not trust at all) to 4 (trust completely).

To measure perceived government performance, the study uses the following questions from WVS: satisfaction with the political system performance, perceptions of income inequality, satisfaction with the financial situation of the household, and corruption perception. Answers for satisfaction with political system performance range from 1 (not satisfied at all) to 10 (completely satisfied). With respect to income inequality, respondents were asked to evaluate the income differences where 1 indicates that the “income is more equal” and 10 means “larger income differences”. In addition, the study added the statement “Satisfaction with the financial situation of household” which is evaluated from 1(dissatisfied) and 10 (satisfied). Finally, corruption perception is measured through a 10-point scale where 1 implies “no corruption” and 10 means “abundant of corruption”. Control variables include the age.

The following regression model was estimated by OLS:

$$Trust_index_{ik} = \beta_0 + \beta_1 pride_{ik} + \beta_2 author_{ik} + \beta_3 interp.trust_{ik} + \beta_4 perf.sat_{ik} + \beta_5 fin.house_{ik} + \beta_6 age_{ik} + \beta_7 corrup_{ik} + \beta_8 income_ineq_{ik} + \epsilon_{ik}$$

In this formula, $Trust_index_{ik}$ is the institutional trust for the i th individual from the country. The formula includes interest independent variables and control variable such as age and ϵ_{ik} stands for the error term. Table 1 in Appendix 1 represents descriptive statistics for Kazakhstan.

Results

The OLS regression model has a good fit, according to R-squared, around 11% of variation in dependent variable is explained by the independent variables included into this regression model. Several independent variables are statistically significant (Table 3). Among these, one cultural factor – national pride – emerges as a key contributor to institutional trust. Additionally, satisfaction with the political system's performance positively influences institutional trust, while the perception of corruption has a statistically significant negative effect. All three variables – national pride, satisfaction with political system performance, and corruption perception – are highly significant at the 99% confidence level. Of the three, national pride has the highest coefficient, accounting for 0.26. These findings will be discussed further in the following section.

Table 3. OLS regressions on institutional trust (measured through composite index on confidence in courts, parliament, and government) in Kazakhstan

	Kazakhstan
Pride	0.2627***
	(0.0694)

Authoritarian orientation	-0.0152 (0.0505)
Interpersonal trust	0.0501 (0.0572)
Income inequality	0.0259 (0.0197)
Satisfaction with political system performance	0.0722*** (0.0226)
Satisfaction with the financial situation of household	0.0326 (0.0241)
Age	-0.0009 (0.0034)
Perception of corruption	-0.1397*** (0.0196)
Constant	-0.0238*** (0.3883)
Observations	1005
R-squared	0.1124

Note: Calculated by authors. Standard errors in parentheses; *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. Statistically significant variables are highlighted.

Discussion and conclusion

Two perceived government performance variables – satisfaction with political system performance and corruption perception – are statistically significant in this model (Table 3). Firstly, satisfaction with the political system's performance is statistically very significant in predicting institutional trust in Kazakhstan. Institutional trust was measured through confidence in three branches – courts, parliament and national government, all three combined generate the overall political system. Assessment of these three institutions by citizens mainly relies on their satisfaction with the political system in the country. During the Nazarbayev regime, the state pursued an "economics first" policy but neglected the performance of the political system (Knox, 2008). Not surprisingly, according to the model, none of the economic indicators of perceived government performance (e.g., income inequality, household financial satisfaction) have a significant impact on institutional trust. Instead, it is the perceived satisfaction with the political system's performance that determines institutional trust. This suggests that, at this stage of development, improving institutional trust among citizens requires the implementation of meaningful reforms in the political system. These findings also resonate with other scholarship on regime legitimacy in Kazakhstan. Kudaibergenova and Laruelle (2022) argue that before the Covid-19 pandemic, the absence of contested elections or accountable governance, coupled with

the spread of patronal politics, left Kazakh citizens with little opportunity to influence political decision-making. This situation was further exacerbated by the worsening socio-economic conditions during the pandemic. It is important to note that the World Values data was collected prior to the onset of COVID-19, meaning that citizens' primary concerns at the time were related to the performance of the political system, a factor that is clearly reflected in the regression model (Table 3). This is why K.-J. Tokayev government placed greater emphasis on political reforms, particularly the introduction of consultative mechanisms, strengthening the role of the Majilis, diminishing the power of the President, and implementing changes to the party system. For example, the government reduced the number of signatures required to establish a political party to 5,000 and simplified the procedures for party registration; the state also introduced mixed elections for the Majilis (70% proportional and 30% majoritarian), and adopted a mixed system for regional representative bodies (50% proportional and 50% majoritarian) (Barro & Cornell, 2022; Isaacs, 2022; Makulbayeva & Sharipova, 2024). Secondly, the perception of corruption harms institutional trust (Table 3). While N. Nazarbayev's government (before 2019) was able to address petty corruption, primarily through digital mechanisms in public service (e.g., one-stop shops), grand corruption remained largely intact (Sharipova, 2020). Wealth generated from natural resources has been concentrated in the hands of a narrow group of individuals, and citizens often perceived this as symptoms of grand corruption. This perception has, in turn, contributed to a decline in institutional trust, particularly in the national government, courts, and parliament.

The findings indicate that, among cultural factors, national pride is the only one that positively impacts institutional trust. In the post-independence period, Kazakhstan has emphasized national identity projects to strengthen regime legitimacy. The government introduced several initiatives aimed at raising patriotism among the population, including *"Kazakhstan-2050,"* *"Mangilik El,"* and the *"Strategy 'Zhastar-Otanga!'"* (Ziegler, 2016). As a result, national pride is closely linked to institutional trust, as it forms a key element of the regime's legitimacy. This suggests that the national projects designed to promote patriotism also contribute to enhancing citizens' trust in institutions.

Other cultural variables, such as authoritarian orientation and interpersonal trust, do not contribute to institutional trust in Kazakhstan. Scholars argue that authoritarian and traditional values have deep roots and continue to persist in Central Asian states. According to Haerpfer and Kizilova (2020), although power is formally divided into three branches, legislative, judicial, and executive, in Central Asian countries, the executive branch and the President maintain dominance, reflecting the persistence of traditional (patriarchal) values in the region. During the economic hardship and ideological vacuum of the 1990s, people in Central Asia sought a strong leader who could restore stability and order, fostering a higher inclination to support an authoritarian leader. However, according to Inglehardt's post-materialism theory, individuals in affluent societies, with higher socioeconomic conditions, are more likely to reject authority and hierarchy (Inglehart & Abramson, 1999). Given Kazakhstan's status as a higher-middle-income country, Kazakhstani citizens' values have shifted from materialist toward self-assertive values. According to the World Values Survey, the stock of authoritarian values in Kazakhstan has decreased: in 2011, 54.7% of Kazakhstani respondents indicated that "greater respect for

authority" is a positive trait, but by 2020, this figure had fallen to 48% (World Bank Kazakhstan, n.a.). This suggests that, due to improved socioeconomic conditions, Kazakhstani citizens are increasingly rejecting hierarchy and authority. As self-assertive values rise, it becomes more difficult to convince the population to view the executive branch and political institutions as a rescuer. This implies that authoritarian values do not contribute to institutional trust. In countries with stronger authoritarian tendencies, such as China, citizens tend to have higher trust in institutions, as they view state institutions with less critical scrutiny.

The next cultural variable, interpersonal trust (or social trust), is not associated with institutional trust in Kazakhstan. Mishler and Rose's (2008) findings in post-communist societies show that interpersonal trust does not significantly impact institutional trust because, under the Communist regime, civil society organizations were tightly controlled, and these organizations are typically seen as the key platform for fostering interpersonal trust. As a result, there is little distinction between interpersonal trust and institutional trust in post-communist societies, including Kazakhstan. To this day, civil society in Kazakhstan remains largely under the control of state bodies, often referred to as a "state-led civil society." Interpersonal trust is usually cultivated through civil society, but since Kazakhstan's civil society resembles a state-directed model, interpersonal trust does not contribute significantly to institutional trust.

The following proxy variables for perceived government performance - income inequality and satisfaction with the financial situation of the household - are not significant in the regression model (Table 3). Regarding income inequality, according to the World Bank, Kazakhstan's GINI index accounted for 27.8 in 2018 and Kazakhstan witnessed substantial improvements in income inequality over the last two decades. GINI index of income inequality accounted for 30.2, and it has gradually declined to 27.8 in 2018 [26]. Also, Van der Meer argues that when we control corruption, income inequality does not impact political and institutional trust (Van der Meer, 2017). This implies that once the corruption is well addressed, the income inequality does not concern Kazakh citizens. Finally, the regression model shows that satisfaction with the financial situation of households does not impact the institutional trust. The World Values Survey data was collected in 2018, which is before the Covid-2018 and worsening geopolitical situations. Thus, it does not capture the more recent trend with respect to socio-economic conditions in Kazakhstan. We, therefore, acknowledge that more recent data will challenge these findings because the pandemic has obviously exacerbated the economic situation for many social groups and the current rise in oil and gas prices also negatively impact on household's financial situation, which has a close relationship with institutional trust (Kudaibergenova & Laruelle, 2022). This finding, therefore, requires further thorough research referring to a more recent data in the country.

Regardless of outdated data and some limitations, this article makes a valuable contribution to the existing literature on institutional trust in the Central Asian context. In addition to the impact of endogenous variables, such as satisfaction with the political system's performance and satisfaction with the household's financial situation, this study also explores the effects of exogenous variables like interpersonal trust, national pride, and authoritarian orientation on institutional trust. The empirical findings suggest that both endogenous and exogenous variables influence institutional trust to some extent. Specifically, perceptions of corruption and satisfaction with the political system performance have a significant impact on trust in

institutions. Therefore, the state should take more stringent measures to address grand corruption and enhance the political system performance. Regarding cultural factors, while authoritarian values and interpersonal trust do not impact on institutional trust, national pride emerges as a key factor that contributes to institutional trust and, consequently, strengthens the regime's legitimacy. Policymakers should thus prioritize initiatives that foster national pride among Kazakhstani citizens.

Contribution of authors

Makulbayeva G. is the leading author who defined the research design of this research. **Davletbayeva Zh.** managed the data and conducted a regression analysis. **Zagrebin A.** and **Dyussenov M.** contributed to the data analysis and revised the final paper.

Funding acknowledgement: This research was funded by the grant offered by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan, AR23490980 Modernization of the activities of public councils in Central Asia as a mechanism for increasing transparency and accountability of government bodies.

References

- Baniamin H.M., Jamil I., and Askvik S. (2020) "Mismatch between lower performance and higher trust in the civil service: Can culture provide an explanation?", *International Political Science Review*, Vol. 41 No. 2, pp. 192-206. <https://doi.org/10.1177/0192512118799756>
- Barro, A., and Cornell, S.E. (2022) "Social Reforms in Kazakhstan. Stockholm and Washington" [Электронный ресурс] – URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/220920-Kazakh.pdf>
- Bekmagambetov A. et al. (2018) "Critical social media information flows: political trust and protest behaviour among Kazakhstani college students", *Central Asian Survey*, Vol. 37 No. 4, pp. 526-545. <https://doi.org/10.1080/02634937.2018.1479374>
- Easton D. (1975) "A re-assessment of the concept of political support // *British journal of political science*", Vol. 5. No. 4, pp. 435-457. <https://doi.org/10.1017/S0007123400008309>
- Field A. (2013) "Discovering statistics using IBM SPSS statistics" Sage publication. 544 p.
- Godefroidt, A., Langer, A., and Meuleman, B. (2017) "Developing political trust in a developing country: The impact of institutional and cultural factors on political trust in Ghana", *Democratization*, Vol. 24 No. 6, pp. 906-928. <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1248416>
- Guinjoan M., Rico G. (2018), "How perceptions of inequality between countries diminish trust in the European Union: Experimental and observational evidence", *Political Psychology*, Vol. 39. No. 6, pp. 1289-1303. <https://doi.org/10.1111/pops.12541>
- Haerpfer C. W., Kizilova K. (2020) "Values and Transformation in Central Asia", *Transformation and Development: Studies in the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) Member States*, pp. 7-28.
- Inglehart, R., & Abramson, P. R. (1999) "Measuring postmaterialism", *American Political Science Review*, Vol. 93 No. 3, pp. 665-677. <https://doi.org/10.2307/2585581>
- Isaacs, R. (2022) "Political Opposition in Authoritarianism: Exit, Voice and Loyalty in Kazakhstan". – Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Junisbai B., Junisbai A. (2019) "Regime type versus patronal politics: a comparison of "ardent democrats" in Kazakhstan and Kyrgyzstan", *Post-Soviet Affairs*, Vol. 35 No. 3, pp. 240-257. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1568144>

Knox, C. (2008) "Kazakhstan: Modernizing government in the context of political inertia", *International Review of Administrative Sciences*, Vol. 74 №. 3, pp. 477-496. <https://doi.org/10.1177/00208523080953>

Kudaibergenova D. T., Laruelle M. (2022) "Making sense of the January 2022 protests in Kazakhstan: failing legitimacy, culture of protests, and elite readjustments", *Post-Soviet Affairs*, Vol. 38 No. 6, pp. 441-459. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2077060>

Ma D., Yang F. (2014) "Authoritarian orientations and political trust in East Asian societies", *East Asia*, Vol. 31, pp. 323-341. <https://doi.org/10.1007/s12140-014-9217-z>

Makulbayeva, G., and Sharipova, D. (2024) "Social capital and performance of public councils in Kazakhstan", *Journal of Eurasian Studies*, Vol. 0 No. 0. <https://doi.org/10.1177/18793665241266260>

McAllister I. (1999) "The economic performance of governments", *Critical citizens: Global support for democratic governance*. pp. 188-203.

McKee R. et al. (2013) "Do citizens of the former Soviet Union trust state institutions, and why?", *East European Politics*, Vol. 29 No. 4, pp. 377-396. <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.821981>

Mishler W., Rose R. (2001) "What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies", *Comparative political studies*, Vol. 34 No. 1, pp. 30-62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>

Scholz J. T., Lubell M. (2013) "Trust and taxpaying: Testing the heuristic approach to collective action", *American Journal of Political Science*, Vol. 42 No.2, pp. 398-417. <https://doi.org/10.2307/2991764>

Sharipova D. (2020) "Perceptions of national identity in Kazakhstan: Pride, language, and religion", *The Muslim World*, Vol. 110 No. 1, pp. 89-106. <https://doi.org/10.1111/muwo.12320>

Van der Meer T. W. (2017) "Democratic input, macroeconomic output and political trust". Edward Elgar Publication, 271p.

Van der Meer T., Hakhverdian A. (2017) "Political trust as the evaluation of process and performance: A cross-national study of 42 European countries", *Political Studies*, Vol. 65 No. 1, pp. 81-102. <https://doi.org/10.1177/0032321715607514>

Wong, T. K. Y., Wan, P. S., and Hsiao, H. H. M. (2011) "The bases of political trust in six Asian societies: Institutional and cultural explanations compared", *International Political Science Review*, Vol. 32 No. 3, pp. 263-281. <https://doi.org/10.1177/0192512110378657>

World Bank Kazakhstan [Electronic resource] - URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=KZ> (accessed 14.02.2024)

Ziegler C. E. (2016) "Great powers, civil society and authoritarian diffusion in Central Asia", *Central Asian Survey*, Vol. 35 No. 4, pp. 549-569. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1228608>

Zmerli S., Castillo J. C. (2015), "Income inequality, distributive fairness and political trust in Latin America", *Socialscience research*, Vol. 52, pp. 179-192. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.02.003>

Г.А. Макулбаева¹, Ж.Ж. Давлетбаева*¹, М.М. Дюсенов², А.В. Загребин¹

¹*Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы,
Астана, Қазақстан*

²*Astana IT University, Астана, Қазақстан*

Қазақстандағы институттарға сенімнің негіздері

Аңдатпа. Қазақстанда соңғы он жылда азаматтардың, әсіресе, Парламентке, сотқа және ұлттық үкіметке институттық сенімінің төмендеуі байқалады. Оған әсер ететін факторларды зерттеу қажеттілігі бар. Бұл мақала азаматтардың үкіметтің қызметіне бағалау және мәдени факторлар институционалдық қызметке қалай әсер ететінін зерттеуге бағытталған. Осы мақсатта Дүниежүзілік құндылықтар сауалнамасының 7-ші толқынынан алынған деректер пайдаланылады. Институционалды сенім ұғымы азаматтардың Қазақстан Парламентіне, сот жүйесіне және үкіметке деген сенімімен өлшенеді. Мемлекеттің тиімділігін өлшеу үшін бұл зерттеуде сыбайлас жемқорлықты, табыс теңсіздігін, саяси жүйенің жұмысына қанағаттану және жеке деңгейдегі үй шаруашылығының қаржылық жағдайына қанағаттану сияқты факторлар қолданылады. Мәдени факторларды өлшеу үшін ұлттық мақтаныш, билікті құрметтеу және әлеуметтік сенім ұғымдары қолданылады. Зерттеу нәтижесі Қазақстандағы азаматтардың саяси жүйенің жұмысына қанағаттануы институционалдық сенімге оң әсер ететінін көрсетеді. Яғни азаматтар саяси жүйенің жұмысына қанағаттануы олардың сот жүйесіне, Парламентке және үкіметке деген сенімін арттырады. Керісінше, азаматтардың сыбайлас жемқорлықтың бар екенін сезінуі аталған үш институтқа деген сенімді төмендетеді. Мәдени факторларға қатысты ұлттық мақтаныш үш институтқа деген сенімді арттырады. Осы нәтиже негізінде бұл зерттеу азаматтардың Ұлттық үкіметке, Парламентке және сот жүйесіне сенімін қалай арттыру қажеттігі туралы ұсыныстар жасайды.

Негізгі ұғымдар: институционалдық сенім, мемлекеттің тиімділігі, мәдениет, авторитарлық құндылықтар, әлеуметтік сенім

Г.А. Макулбаева¹, Ж.Ж. Давлетбаева*¹, М.М. Дюсенов², А.В. Загребин¹

¹*Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Астана, Казахстан*

²*Astana IT University, Астана, Казахстан*

Основы доверия к институтам в Казахстане

Аннотация. За последнее десятилетие в Казахстане наблюдается снижение институционального доверия граждан, особенно к парламенту, судебной системе и национальному правительству. Это создает острую необходимость в исследовании факторов, влияющих на эту эрозию доверия. Цель данного исследования – анализ влияния воспринимаемой эффективности правительства и культурных факторов на институциональное доверие в Казахстане. С этой целью в работе используются данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования

ценностей для регрессионного анализа. Институциональное доверие измеряется как доверие граждан к парламенту, судам и национальному правительству Казахстана. Для измерения эффективности работы правительства в этом исследовании используются такие переменные, как восприятие коррупции, неравенство доходов, удовлетворенность эффективностью политической системы и финансовым положением домохозяйств. Культурные факторы отражаются как национальная гордость, уважение к власти и социальное доверие. Результаты показывают, что удовлетворенность эффективностью политической системы оказывает положительное влияние на институциональное доверие. Напротив, более высокое восприятие коррупции снижает степень доверия к политическим институтам Казахстана. Что касается культурных факторов, национальная гордость положительно влияет на институциональное доверие. На основании этих выводов в исследовании даны рекомендации о том, как повысить доверие граждан к правительству, парламенту и судебной системе Казахстана.

Ключевые слова: институциональное доверие, эффективность государства, культура, авторитарные ценности, социальное доверие.

Information about authors

Gulnur Makulbayeva – PhD, Associate professor, National School of Public Policy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abai Avenue 33a, 010000, Astana, Kazakhstan

Zhuldyz Davletbayeva – corresponding author, Candidate of Sociological Sciences, Professor, National School of Public Policy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abai Avenue 33a, 010000, Astana, Kazakhstan

Dyussenov Mergen – PhD, Assistant Professor, Astana IT University, Mangilik El str., 010000, Astana, Kazakhstan

Alexandr Zagrebin – doctoral student, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abai Avenue 33a, 010000, Astana, Kazakhstan

Авторлар туралы мәлімет

Макулбаева Гүлнұр Азимхановна – PhD, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің доценті, Абай даңғылы 33а, 010000, Астана, Қазақстан

Давлетбаева Жұлдыз Жетпісбаевна – хат-хабар авторы, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің профессоры, Абай даңғылы 33а, 010000, Астана, Қазақстан

Дюсенов Мergen Мирзаятович – PhD, Astana IT University ассистент профессоры, Мәңгілік Ел көшесі, 010000, Астана, Қазақстан

Загребин Александр Витальевич – Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының докторанты, Абай даңғылы 33а, 010000, Астана, Қазақстан

Сведения об авторах

Макулбаева Гульнур Азимхановна – PhD, доцент Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, проспект Абая, 33а, 010000, Астана, Казахстан.

Давлетбаева Жулдыз Жетпысбаевна – автор для корреспонденции, кандидат социологических наук, профессор Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, проспект Абая, 33а, 010000, Астана, Казахстан.

Дюсенов Мерген Мирзаятович – PhD, ассистент профессора Astana IT University, улица Мангилик Ел, 010000, Астана, Казахстан.

Загребин Александр Витальевич – докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, проспект Абая, 33а, 010000, Астана, Казахстан.

Appendix 1 Descriptive Statistics, Kazakhstan

Variable	Mean	Sd	Min	Max	Obs
Authoritarian orientation	2.21	0.90	1	3	1,276
Satisfaction with the financial situation of household	6.14	2.18	1	10	1,276
Satisfaction with political system performance	6.33	2.22	1	10	1,276
Pride	4.39	0.68	1	5	1,276
Interpersonal trust	1.83	0.79	1	4	1,276
Income inequality	7.33	2.39	1	10	1,276
Age	41.24	14.21	18	86	1,276
Perception of corruption	6.97	2.26	1	10	1,276
Institutional trust index	1.33e-08	1.51	-3.861	2.472	1,276

Appendix 2 Cronbach alpha, Kazakhstan

Item	Obs	Sign	Item-test correlation	Item-test correlation	Average interim covariance	Alpha
Confidence in Courts	1,177	+	0.8743	0.7043	0.5450644	0.8030
Confidence: government	1,177	+	0.8834	0.7277	0.5308788	0.7821
Confidence: Parliament	1,165	+	0.8752	0.7158	0.5508613	0.7928
Test scale					0.5422863	0.8515

МРНТИ 04.51.31

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-114-132>

Научная статья

Повышение экономической активности безработных: политика активизации и мотивационные стратегии

А.С. Мустафина*¹, А.А. Саттар²

¹Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

(E-mail: ¹aigul.mustafina@narhoz.kz, ²abdimalikovna20@gmail.com)

Аннотация. Политика активизации, связанная с повышением обязательств и личной ответственности получателей социальных пособий по безработице, последовательно внедряется в казахстанской системе социальной защиты. Хотя данная политика связана с определенными законодательными и институциональными мерами на макроуровне, воплощают ее сотрудники системы социальной защиты, находящиеся на переднем крае. Мотивационные стратегии, применяемые специалистами для повышения экономической активности безработных, широко изучаются за рубежом, но остаются без внимания в казахстанских исследованиях. Целью настоящего исследования было изучить восприятие политики активизации и мотивационные стратегии повышения экономической активности безработных, применяемые сотрудниками системы социальной защиты. Проведено глубинное интервью с сотрудниками Центра трудовой мобильности ($n = 12$) и структурированное наблюдение ($n = 32$) за их взаимодействием с соискателями. Анализ качественных и количественных данных показал, что наиболее распространенными являются стратегии: формирование мотивации достижения успеха; сочувствие и доверительные отношения. Также сотрудники применяют стратегию поощрения к самопознанию, вознаграждение и санкции, передачу видения, корректировку ожиданий соискателей, разрушение иерархии в отношениях сотрудник-соискатель. Важным условием успешных мотивационных стратегий является индивидуальный подход с опорой на запросы соискателей. В то же время применение мотивационных стратегий скорее является интуитивным и сопряжено с патерналистскими отношениями. Результаты исследования могут быть применимы для повышения эффективности имплементации политики занятости в Казахстане в повседневной практике сотрудников системы социальной защиты.

Ключевые слова: безработный; социальная защита; политика активизации; взаимодействие; мотивационные стратегии.

Введение

Политика активизации (activation policy) в системе социального обеспечения в случае безработицы направлена на повышение индивидуальных обязательств получателей пособий. Получатели пособий воспринимаются как активные граждане, берущие ответственность за собственную занятость в обмен на временную финансовую поддержку со стороны государства (Сенгаас, Фрайер и Купка, 2018). По мнению Райс (2012), политика активизации стала ответом на чрезмерно щедрые государства всеобщего благосостояния, подпитывающие иждивенческие настроения.

В Казахстане политика активизации воплощена в ряде законодательных мер; Социальный кодекс Республики Казахстан определяет обязанности лиц, получающих социальные выплаты по безработице, и санкции в случае их неисполнения. Например, соискатель должен посещать карьерный центр в соответствии с установленными порядком, условиями и сроками, должен обратиться к потенциальному работодателю после уведомления со стороны карьерного центра в течение трех рабочих дней, в свою очередь, отказ от трех предложенных вариантов подходящей работы и неявка в карьерный центр ведет к снятию с учета (Кодекс Республики Казахстан, 2023).

Кроме того, в рамках социальной политики в сфере занятости в Казахстане значительно повышена вариативность экономической активности безработных; получатели пособий могут выбрать работу по найму (временное или постоянное место работы), развитие предпринимательства (грант и микрокредитование) или обучение с получением новой профессии. В рамках Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024–2029 годы продолжается реформирование работы центров трудовой мобильности, в том числе с помощью платформы Enbek.kz, что должно «позволить гражданам перейти от простого поиска работы к проактивному трудоустройству» (Правительство Республики Казахстан, 2023, С.31).

Безусловно, политика активизации связана с законодательными и институциональными изменениями, но ее продвижение возможно только если специалисты в области социальной защиты, находящиеся на переднем крае, будут ее воплощать на микроуровне в повседневной практике. Райс (2012) показывает это на примере, когда при введении закона о том, что безработные, пропустившие две встречи, должны лишиться 10% своих пособий, некоторые сотрудники по всей стране не сообщали о пропущенных встречах. Именно специалисты социальной защиты являются медиаторами между политикой и безработными; от них зависит то, как будет реализована политика активизации, предполагающая изменение поведения и мотивации безработных.

В связи с этим в зарубежных исследованиях активно изучаются мотивационные стратегии, которые используются специалистами социальной защиты для повышения экономической активности безработных (Сенгаас, Фрайер и Купка, 2018; Солванг, 2017; Ван Парис и Струйвен, 2018; Хавольд, 2018; Грандиа, Гроу и Крюен, 2020). Например, Грандиа и коллеги (2020) с помощью интервью 20 сотрудников и наблюдений взаимодействия сотрудников и клиентов (82 интеракции) выявили 10 мотивационных стратегий, которые использовали сотрудники системы социального благополучия. Данные стратегии были объединены в четыре основные группы. Наиболее часто

применялись трансформационные стратегии (проявление сопереживания и симпатии, сообщение о своем видении, разрушение иерархии между клиентом и социальным работником, создание позитивного настроения, развитие положительной групповой динамики). Следующая группа – транзакционные стратегии (санкции, обмен, вознаграждение). Также применялись стратегии – хороший полицейский/плохой полицейский, корректировка ожиданий клиентов и невмешательство. Сенгаас и коллеги (2018) провели 94 интервью, 7 фокус- групп и 17 наблюдений и выявили, что хотя сотрудники использовали мотивационную стратегию, основанную на принуждении и дисциплинарных мерах, более значимую роль выполняют стратегии убеждения, основанные на доверительных отношениях.

Изучение мотивационных стратегий сотрудников казахстанской системы социальной защиты может дать значимые практические знания как для реализации политики активизации, так и для повышения эффективности социальной политики занятости в целом. В настоящий момент в Казахстане подобные исследования не проведены, хотя выбор и применение мотивационных стратегий сотрудниками системы социальной защиты находятся под влиянием контекстных факторов.

Райс (2012) с помощью Микроинституциональной теории имплементации политики (A Micro-Institutionalist Theory of Policy Implementation) систематизирует факторы, которые влияют на взаимодействие сотрудников системы социального обеспечения с клиентами и на то, как они реализуют политику в повседневной практике. В основе данной теории лежит предположение, что социальная политика пособий является социальным институтом, предполагающим определенные поведенческие модели (шаблоны действий, ставшие стандартизированными), например, обращение в службу занятости, отказ от предлагаемой работы, ожидания от предлагаемой работы и т.д. Этот институт находится под воздействием более «крупных ландшафтов»: социальных (семейная структура, демография, миграция), культурных (нормы, ценности, СМИ), экономических (равенство и неравенство, экономический рост, рынок труда, меры по снижению бедности) и политических (политика, политические реформы). Данные факторы являются самыми широкими и представлены на макроуровне, однако на взаимодействие, по мнению автора теории, влияют также организационные аспекты (независимость сотрудников в принятии решений, установки на экономию средств, механизмы отслеживания эффективности работы с запросами клиентов, рабочая нагрузка, система вознаграждений и санкции и т.д.) и индивидуальные характеристики, восприятие и установки профессионалов и получателей услуг.

Данная теория демонстрирует, что имплементация политики активизации и мотивационные стратегии сотрудников системы социальной защиты находятся под воздействием контекстуальных факторов и необходимо изучение их в казахстанской системе социальной защиты. Это поможет получить знания, которые могут быть использованы для повышения эффективности мер трудоустройства лиц, ищущих работу, что особенно важно с учетом того, что существует потребность сделать систему социальной защиты и занятости более привлекательной для регистрации среди безработных (Альшанская, 2020). Целью настоящего исследования было изучение восприятия политики активизации сотрудниками социальной защиты и применяемых ими мотивационных стратегий для повышения экономической активности безработных.

Методология

В рамках исследования было сформулировано два исследовательских вопроса: (1) Как сотрудники системы социальной защиты относятся к политике активизации? (2) Какие мотивационные стратегии используют сотрудники системы социальной защиты, чтобы повысить экономическую активность безработных?

Исследование было проведено в рамках магистерского диссертационного исследования второго автора (образовательная программа «7М11404 Социальная политика и управление», кафедра социологии и социальной работы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби) под научным руководством первого автора в период с февраля по июнь 2024 года на базе Центра трудовой мобильности города Алматы (далее - Центр). Участниками исследования были сотрудники 4-х отделов Центра (отдел по работе с соискателями, отдел профессионального обучения и поддержки предпринимательских инициатив, отдел профессиональной ориентации, отдел временных рабочих мест), всего 12 участников.

Для сбора качественных данных был применен метод глубинного интервью ($n = 12$). Гайд включал 11 открытых вопросов, направленных на изучение восприятия политики активизации и мотивационных стратегий, которые используют сотрудники. Например: Казахстан внедряет политику активизации в систему соцзащиты, которая предполагает ответственность безработного за трудоустройство. Что вы думаете об этом? Что вы думаете о мотивации, насколько люди, которые приходят к вам, заинтересованы в трудоустройстве? Подскажите, как Вы мотивируете получателей услуг? Можете привести примеры успешных стратегий (мер), которые помогают вам повысить заинтересованность и готовность безработных трудоустроиться? Расскажите о Вашем опыте, были ли случаи, когда было очень трудно мотивировать безработного и что Вы делали в этом случае? Если предложенные Вами вакансии (курсы, гранты, временные рабочие места) не понравятся получателю услуг, то какие меры (варианты) вы предпринимаете, чтобы мотивировать его? С помощью аудиозаписей глубинного интервью были подготовлены транскрипты, которые были проанализированы с помощью рефлексивного тематического анализа Браун и Кларк на основе открытого кодирования (Бирн, 2022).

Также использовалось структурированное наблюдение за взаимодействием сотрудников социальной защиты и соискателей ($n = 32$) в качестве количественного метода сбора данных. Опираясь на выявленные и описанные в предшествующих исследованиях мотивационные стратегии в работе с лицами, ищущими работу (Сенгаас, Фрайер и Купка, 2018; Грандиа, Гроу и Крюен, 2020), был разработан бланк структурированного наблюдения.

Бланк включал 7 стратегий: эмпатия и сочувствие к получателю услуг, передача видения, разрушение иерархии между клиентом и социальным работником, вознаграждение, санкции, корректировка ожиданий клиентов, невмешательство. Каждая из стратегий включала несколько форм проявления. Например, стратегия «Эмпатия и сочувствие к получателям услуг» предполагала следующие особенности поведения сотрудника в коммуникации с соискателем: спрашивает, как дела у клиента с поиском работы; говорит

слова поддержки, когда клиент говорит о трудных, печальных или негативных аспектах своей ситуации; проявляет невербально заинтересованность в клиенте (наклоняется, кивает и др.) и т.д. Стратегия «Санкции» включала следующие вероятные формы поведения сотрудников: объясняет получателю услуг его обязанности; подчеркивает личную ответственность получателя услуг за трудоустройство; объясняет последствия для получателя услуг, если он не выполнит обязательства и другие. Также в бланке было предусмотрено свободное место для фиксации других форм проявления мотивационных стратегий. Напротив каждой из форм поведения отмечалось «да (1 балл)» или «нет (0 баллов)». Количество проявлений суммировались по каждой из форм поведения и каждой из семи мотивационных стратегий. Вопросы глубинного интервью и бланк структурированного наблюдения были подготовлены на 2 языках (казахском и русском) и использовались в зависимости от языка общения сотрудника и соискателя.

Результаты

В процессе тематического анализа данных выявлены четыре темы: профессиональные убеждения, мотивационные стратегии, индивидуализация, интуитивные стратегии и заблуждения (рисунок 1).

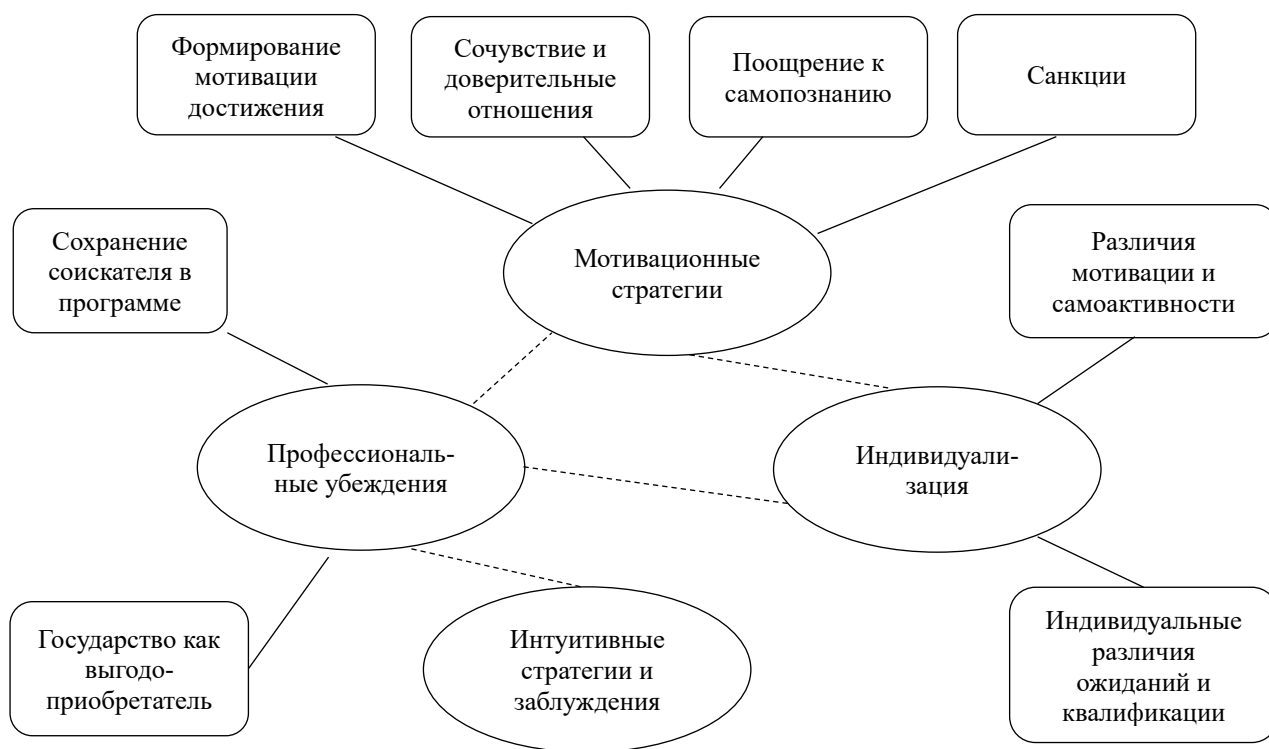

Рисунок 1. Результаты рефлексивного тематического анализа.

Примечание:

- Тема
- Подтема
- Связь между темами

Профессиональные убеждения

Данная тема включает в себя две подтемы: (1) сохранение соискателя в программе и (2) государство как выгодоприобретатель. Участники интервью отмечали, что предлагаемые меры содействия экономической занятости разнообразны; временное или постоянное место работы, обучение и получение новой профессии, грант или микрокредитование для открытия собственного бизнеса. Эта разнонаправленность помогает выбрать соискателю подходящую траекторию. При этом у сотрудников наблюдалась профессиональная установка – подобрать подходящий вариант трудоустройства, а в случае необходимости, пересмотреть траекторию и оставить соискателя в системе социальной защиты занятости.

«В процессе решения проблемы невозможно не выбрать ни один из вышеперечисленных вариантов. Потому что наша цель в конце концов – отправить соискателей на краткосрочное обучение или устроить на постоянную работу. Предоставим услугополучателю вариант выбора и постараемся найти работу по собственной специальности клиента» (интервью 1).

«Если соискателю не понравились те варианты, которые предлагаем мы, то мы предлагаем все наши другие услуги, которые есть ... рабочие места, краткосрочные профессиональные курсы, микрокредитование на бизнес. Если ни один из них не подходит, то мы обучаем» (интервью 6).

Многие участники интервью отмечали, что мотивация и правильный выбор активных мер занятости зависит от разъяснительной работы.

«...я думаю, что интерес, безусловно, будет, если вы подробно объясните здесь про программу. Думаю, можно дать мотивацию, проведя разъяснительную работу» (интервью 3).

Вторая подтема сформулирована в следующей трактовке: «Государство как выгодоприобретатель». Интересно, что многими участниками содействие занятости воспринимается в большей степени как польза государству (экономике и социальному развитию), чем как вопрос благополучия отдельно взятого безработного.

«Человек работающий приносит больше пользы государству, чем безработный» (интервью 1).

«Мы, как исполнительный орган, должны трудоустроить безработного посетителя, и поэтому мы вносим свой вклад в сокращение численности безработных на территории Казахстана» (интервью 2).

В данной теме могут быть обнаружены определенные противоречия; с одной стороны, сотрудники не ориентированы на жесткое применение санкций и исключения

соискателей из программы, стремятся оставить человека в системе, подобрав подходящую траекторию, с другой стороны, имеют яркий фокус на приоритеты государства. Интересно, что на вопрос об отношении политики активизации сотрудники говорили о программах, которые они курируют, правилах и алгоритмах программ, но не выражали собственного мнения или оценки эффективности политики активизации.

Мотивационные стратегии

В ходе тематического анализа были выявлены четыре основные стратегии, которые применяют сотрудники: формирование мотивации достижения успеха; сочувствие и доверительные отношения; поощрение к самопознанию; санкции. Одной из наиболее распространенных выявлена стратегия формирования мотивации достижения успеха. Например, сотрудники отметили, что рассказывают соискателям о примерах успешного трудоустройства или открытия бизнеса.

«Мы говорим, например, новый человек, который пришел перед вами, год назад не смог найти себя так же, как вы. Теперь посмотрите сейчас - он выиграл грант и проводит такую-то такую-то работу. Так же и вы, не сдавайтесь... Если этот человек выиграл, почему бы вам не увидеть свою возможность» (интервью 4).

Также сотрудники описывают, что стремятся показать соискателю преимущества трудоустройства. Если предложенная им траектория или вакансия полностью не удовлетворяет потребностям соискателя, то сотрудники предлагают ему увидеть перспективы на будущее.

«Сейчас, направляя на временные рабочие места в основном мы даем мотивацию, что, если человек проходит через молодежную практику в течение года или рабочее общественное место и если он сам покажет себя с хорошей стороны, докажет, что является опытным специалистом, мы можем мотивировать, говоря, что есть возможность остаться на постоянное место работы» (интервью 5).

Интересная и часто используемая стратегия сотрудников – это помощь соискателю сделать первый шаг, преодолеть страх и беспомощность. Сотрудники отмечают, что стараются проконсультировать и дать пошаговую инструкцию для соискателей.

«Объяснишь. Если этот человек не может понять сам, вы говорите прямо, глядя на самого человека. Иди сюда сейчас, сделай так, берем бумажку в руки. Начертим ваш новый алгоритм. Это будет легко для человека...» (интервью 3).
«Для того, чтобы начать свое дело, человек должен защитить свой бизнес-план, если члены комиссии говорят об ошибках лицу, то мы пытаемся лично

выйти и объяснить их. То есть мы помогаем решить проблему, чтобы на следующей комиссии не было тех же ошибок» (интервью 4).

Наиболее часто упоминаемой также является стратегия «Сочувствие и доверительные отношения». Многие участники интервью отмечали, что соискатели из-за отсутствия работы и денег часто находятся в состоянии стресса и депрессии, поэтому важно проявлять сочувствие и желание помочь. Это помогает установить доверительные отношения с соискателем, а значит более эффективно выстроить работу.

«Я думаю, что если он [сотрудник] действительно будет сочувствовать и служить, то тогда он будет работать» (интервью 2).

«Также можно рассмотреть работу и узнать, какие еще возможности есть, и сказать, что я намерен помочь трудоустроиться этому человеку» (интервью 4).

В некоторых случаях соискатели могут проявлять агрессию и гнев, поэтому важно сотрудникам сохранять спокойствие во взаимодействии.

«Человек, у которого нет денег, человек, у которого нет работы, приходит в гневе. С этими людьми нужно правильно и хорошо общаться. Я надеюсь, что если ты будешь говорить по-теплому, то найдешь язык для этих людей» (интервью 10).

«Теперь, когда он [соискатель] сказал это, он был в стрессе, он был в депрессии. Кроме того, он также агрессивный. Таких граждан много. ...но, оказавшись в социальной сфере, мы стараемся сохранять спокойствие, насколько это возможно» (интервью 7).

Следующая выявлена стратегия «Поощрение к самопознанию». Осознание соискателем собственных интересов, склонностей к тем или иным профессиям помогает повысить экономическую активность безработных. Большинство участников отметили, что с помощью анкетирования, консультирования помогают соискателю лучше понять и соотнести собственные предпочтения и склонности.

«Когда мы помогаем человеку понять, чего он хочет, мотив этого человека может проснуться» (интервью 2).

«Сначала мы заполняем анкету для этих людей. Если этот человек не знает, какая профессия ему нужна, мы стараемся разобраться. Что это за человек, какая работа или профессия ему подходит. И мы стараемся найти работу по этому направлению» (интервью 7).

Наименее упоминаемой была стратегия «Санкции», предполагающая фокус соискателя на его индивидуальные обязанности по участию в активных мерах занятости и последствиях в случае их неисполнения.

«Ты не даёшь им выбора или ещё что-то. Ты говоришь, ты пойдёшь, если ты не пойдёшь, то я уберу тебя со статуса безработного. ... если ты не будешь искать работу, то у тебя будут такие последствия» (интервью 6).

Индивидуализация

По мнению большинства сотрудников, успешная мотивация зависит от того, насколько подход учитывает индивидуальные различия в мотивации и самоактивности соискателей. Они отметили, что обращающиеся в центр люди имеют разный уровень мотивации и готовности выйти на рынок труда. Некоторые приходят уже со сформированной мотивацией и задача сотрудника только направлять их. Также в работе с соискателями важно учитывать индивидуальные различия реакции (ответы) на мотивационные стратегии.

«...могут прийти соискатели, которые не любят, когда их хвалят. К некоторым нужно относиться более строго...Есть соискатели, которые принимают только добрые, ласковые слова. Есть люди, которым просто можно сказать, и они уже сразу поймут» (интервью 6).

Выявлен опыт индивидуализация подхода в зависимости от прогноза – насколько сложно будет трудоустроить соискателя; определение типов трех уровней сложности на основе образования, опыта, самоактивности.

«...безработные граждане делятся на несколько групп в нашем понимании. В нашем понимании это легкое трудоустройство, средней и высокой сложности» (интервью 11).

Наиболее сложной является категория, которая нуждается в помощи создания резюме, открытия электронной почтой и обучение пользованию ею, а также в других формах сопровождения. Легкая категория – это те соискатели, которые самостоятельно и достаточно быстро находят работу, к ним как правило относятся люди, который потеряли работу несколько дней или недель назад.

Важным и наиболее часто упоминаемым условием является учет запроса соискателя, его предпочтений относительно размера заработной платы, расстояния от места проживания. Практически все участники фокусировали внимание на внешних условиях труда. В то время как ориентация на соответствие содержанию профессиональной деятельности, опыта и квалификации соискателя упоминалась сотрудниками реже.

«При направлении на постоянное рабочее место, конечно, первое, о чем мы должны подумать, соответствует ли соискатель этой вакансии? То есть опыт работы. ... поэтому самое главное, исходя из квалификации, опыта этого человека, мы будем предлагать постоянные рабочие места» (интервью 5).

Интуитивные стратегии и заблуждения

На вопросы о мотивации некоторые респонденты описывали правила, прописанные в инструкции, алгоритмы программ содействия занятости. В некоторых случаях первоначальной реакцией на вопрос о том, какие мотивационные стратегии используются, сотрудники говорили, что не используют их, хотя позднее описывали то, как они во взаимодействии с соискателями стремятся их мотивировать. В некоторых случаях слово «мотивация» воспринималось как взаимозаменяемое с такими словами, как «помощь», «направление», «угроза».

«Вообще мотивации с нашей стороны нет, у нас есть помощь, именно они могут обратиться к нам по вакансиям общественных работ и дальше устроиться на работу. Для них это же мотивация, чуть-чуть они поработают и дальше их возьмут на постоянные рабочие места... Но, естественно, мы не угрожаем. Это именно просто для того, чтобы человека смотивировать» (интервью 6).

В одном из интервью прослеживалось недоверие к слову «мотивация» и восприятие мотивационных стратегий как не очень эффективных.

«В настоящее время основой является коучинг, мотиватор. Как известно, мотивация нужна каждому человеку. Но ведь нужна и мотивация, и дисциплина, т. е. мотивация – это то, что работает только какое-то времени. Например, вы устали от жизни, я говорю вам, что есть такие возможности. Вы впитываете это в течение определенного текущего времени, но забываете об этом позже. Я думаю, что мотивация – это то, что есть в целом дисциплинированность» (интервью 3).

Наблюдаемые мотивационные стратегии

В таблице 1 представлены результаты структурированного наблюдения, которые частично подтверждают качественные данные, полученные с помощью интервью; сотрудники во взаимодействии мотивировали соискателей с помощью поддержки вербальными и невербальными средствами. Наиболее часто наблюдаемая была стратегия проявления эмпатии, сочувствия и поддержки. Также сотрудники старались поддержать, указывая на положительные стороны текущей ситуации и положительные изменения, которые возможны в будущем, хвалили клиентов за позитивный настрой, активность в поиске работы. Иными словами, старались актуализировать мотивацию достижения успеха.

Хотя сотрудники не упоминали мотивационную стратегию санкций в интервью, при наблюдении за их взаимодействиями было выявлено, что они активно используют эту стратегию; объясняют получателям услуг их обязанности, подчеркивают их личную ответственность за трудоустройство и последствия в случае их неисполнения.

Также одной из наиболее часто наблюдаемых была стратегия «Передача видения»; в мотивационных стратегиях сотрудники часто предлагали собственное видение проблемы и убеждали соискателей следовать их советам. Ожидания соискателей, так же, как и в интервью, являлись важными в мотивационных стратегиях. Однако если в интервью сотрудники говорили о том, что нужно следовать запросам и ожиданиям соискателей, то в процессе структурированного наблюдения было выявлено, что они также стремятся их скорректировать. Сотрудники говорили соискателям, что они должны изменить в себе или своем поведении, чтобы трудоустроиться, подчеркивали, что их ожидания (заработной платы, условий труда) не совсем реалистичны.

Менее используемой, но значимой является стратегия разрушения иерархии между специалистом и клиентом, когда сотрудник говорит о собственном опыте, делится своими чувствами, задает вопросы, связанные с личной жизнью. Стратегия «Невмешательство» в целом отсутствовала во взаимодействии сотрудников и соискателей, за исключением формы проявления, когда сотрудники не вмешиваются в процесс принятия решения, предлагая только информацию и направление на вакансии или программы, тем самым продвигая право на самоопределение.

Таблица 1

Результаты структурированного наблюдения

Мотивационные стратегии	Формы проявления	Количество
Проявляет эмпатию, сочувствие и поддержку получателю услуг	1. Говорит слова поддержки в ответ на упоминание клиентом его сложной ситуации.	13
	2. Проявляет интерес к клиенту с помощью невербальных средств общения (наклоняется, кивает и т.д.).	25
	3. Произносит звуки, слова и фразы, которые подтверждают, что он слушает.	28
	4. Указывает на положительные стороны ситуации клиента.	8
	5. Указывает на возможные положительные изменения в будущем.	25
Передача видения	1. Рассказывает о своем видении.	17
	2. Убеждает клиента последовать их совету и действовать.	25
	3. Предлагает получателям услуг самим представить свое будущее или последствия своих действий.	19
Разрушение иерархии между клиентом и сотрудником	1. Делится своими собственными ощущениями неуверенности в себе.	6
	2. Делится своим опытом, связанным с работой.	9
	3. Делится своим личным опытом; браком или воспитанием детей.	1

	4. Говорит об общем между ним и клиентом.	5
	5. Задает вопросы, связанные с личной жизнью клиента.	11
Вознаграждение	1. Хвалит клиента за их позитивный настрой.	13
	2. Хвалит клиента за их активность в поиске работы или за то, что они устраивались на работу.	17
	3. Путем обмена сотрудники способствовали активизации получателей услуг.	12
Санкции	1. Объясняет получателю услуг его обязанности.	24
	2. Подчеркивает личную ответственность получателя услуг за трудоустройство.	28
	3. Объясняет последствия для получателя услуг, если он не выполнит обязательства.	8
	4. Выражает недовольство тем, как ведет себя получатель услуг в процессе трудоустройства.	7
Корректировка ожиданий клиентов	1. Подчеркивает, что ожидания (зарботной платы, условий труда) получателя услуг нереалистичны или завышены.	15
	2. Говорит, что из-за нереалистичных и завышенных ожиданий он не может получить работу.	9
	3. Говорит получателю, что он должен изменить в себе или своем поведении, чтобы трудоустроиться.	18
Невмешательство	1. Не спрашивает цель обращения, ожидания от участия в программе трудоустройства, ожидания от условий труда.	0
	2. Не спрашивает мнение получателя услуг о списке вакансий (курсов, грантовом предложении).	0
	3. Не задает вопросов о том, как получатель услуг использовал список вакансий.	4
	4. Дает принимать решение получателю услуг, при этом почти не вмешивается, но направляет процесс.	18

Дискуссия

Результаты исследования показали, что, как и в предшествующих исследованиях (Сенгаас, Фрайер и Купка, 2018; Грандиа, Гроу и Крюен, 2020), наиболее активно используются трансформационные стратегии, направленные на изменение эмоционального состояния и мотивации соискателей. Понимая, что отсутствие работы, особенно в течение длительного периода, сопряжено со стрессом, депрессией, а иногда гневом и агрессией, участники отмечали эмпатию и установление доверительных отношений как одну из важнейших мотивационных стратегий повышения экономической активности безработных. Так же, как и в других исследованиях, сотрудники использовали

стратегию формирования мотивации достижения успеха, демонстрируя безработным успешные примеры трудоустройства, обсуждая положительные перспективы, отмечая преимущества решений и т.д. Иными словами, вне зависимости от социокультурного контекста, данные мотивационные стратегии выбираются сотрудниками как наиболее действенные.

Интересно, что частью мотивации достижения успеха была инструментальная помощь соискателям в том, чтобы сделать первый шаг, определить алгоритмы его действия. В данной мотивационной стратегии прослеживается патернализм во взаимодействии сотрудников и соискателей, когда первые выстраивают отношения на основе покровительства и опеки. Данная закономерность может быть связана как со стандартизированными шаблонами поведения как получателей пособий, так и сотрудников, сформировавшимися в рамках социального института пособий, так и с более широкими социетальными особенностями иерархичности отношений в казахстанском обществе. С точки зрения Микроинституциональной теории имплементации политики (Райс, 2020), это также может быть связано с организационными установками.

Наблюдаемый патернализм также можно рассмотреть с точки зрения подхода активизации получателей пособий – «ориентация на потребности», выделенного Солвангом (2017). Он предполагает, что социальный работник фокусируется на потребностях и трудностях клиента при принятии решения и выборе подходящих мер активизации. Социальный работник ищет стратегии активизации, помогающие преодолеть клиенту неуверенность в себе. Например, направляет безработного на стажировку, чтобы он приобрел уверенность в себе.

Подтверждает приверженность подходу «ориентация на потребности», также то, что участники стремились индивидуализировать стратегии в большей степени, опираясь на потребности и запросы соискателей (заработная плата, расстояния до места проживания). Подход с ориентацией на потребности предполагает, что социальные работники стремятся предложить клиентам те рабочие места, которые могли бы им понравиться, а не те, которые могли бы способствовать трудоустройству в будущем. Второй подход, предложенный Солвангом (2017), - повышение возможностей трудоустройства, когда социальные работники стремятся подобрать траекторию (обучение, стажировка), которые могли бы усилить знания и навыки безработных. Некоторые участники демонстрировали данный подход, акцентируя внимание, что наиболее подходящий вариант вакансии должен быть по образованию соискателя, чтобы он смог далее повышать свою квалификацию.

Важно отметить, что индивидуализация мер повышения экономической активности согласуется с мерами повышения эффективности центров трудовой мобильности; Концепция развития рынка труда на 2024-2029 года отмечает, что их задача «... заключается в обеспечении индивидуального подхода в работе с безработными и выработке правильного и достаточного набора услуг для них, то есть будет обеспечен переход к работе с безработными на принципах кейс-менеджмента» с учетом их запросов и потребностей (Правительство Республики Казахстан, 2023). Таким образом, опираясь на Микроинституциональную теорию имплементации политики (Райс, 2012),

можно сделать вывод, что взаимодействие и мотивационные стратегии сотрудников формируются под воздействием институциональных ориентиров на макроуровне.

Индивидуализация работы также была связана с дифференциацией соискателей в зависимости от того, насколько много потребуется усилий для их трудоустройства. Йерсе и Стрэнд (2023) называют это «снятие сливок» (С.684). Хотя авторы рассматривают стратегии активизации трудоустройства в рамках заказа по аутсорсингу, данное исследование демонстрирует неформальное разделение безработных на тех, у кого будет меньше или больше препятствий трудоустройства. По мнению авторов, с одной стороны, данный подход помогает сконцентрировать усилия на более сложных кейсах, с другой стороны, создает условия для неравного доступа к услугам.

Участники исследования продемонстрировали устойчивые стремления максимально способствовать сохранению соискателя с помощью использования выбора разных направлений экономической активности. Эта тенденция может быть связана с тем, что население, потерявшее работу, не стремится официально зарегистрироваться в системе социальной защиты; существует большой разрыв общей и регистрируемой безработицы в связи с тем, что существуют убеждения о том, что органы социальной защиты имеют вакансии с невысокой оплатой труда (Альшанская, 2020). С другой стороны, разнонаправленные меры повышения экономической активности, которые сейчас есть в системе социальной защиты, позволяют подобрать наиболее подходящий вариант занятости.

Также это согласуется с другой выявленной закономерностью. Хотя наблюдение за взаимодействием показало, что стратегия санкций (акцентуация индивидуальных обязанностей и последствия их невыполнения) применяется сотрудниками, они в рамках интервью практически не упоминали данную стратегию. С одной стороны, санкции являются частью реализации политики активизации соискателей. С другой стороны, исследование Смедсвик и Яконо (2023) показало, что активация через угрозу санкций (лишение или уменьшение пособий), за исключением случаев, когда санкции действительно имели место быть, не оказывает действенного влияния на пассивных безработных. Возможно, данная закономерность также связана с пониманием сотрудниками внешних условий, ограничивающих возможности трудоустройства. Данную закономерность можно рассмотреть с точки зрения культурной системы, влияющей на взаимодействия сотрудника и соискателя. Казахстанское общество находится под воздействием в большей степени восточной культуры, в которой превалирует ориентация на отношения; но участники взаимодействия стремятся сглаживать конфликты и выбирать решения, которые позволят сохранить положительные отношения. Возможно, именно с этим связано неупоминание данной мотивационной стратегии в интервью участниками.

В целом исследование обладает преимуществом, связанным с применением смешанной методологии; применены качественные и количественные методы обработки данных. Выбор данной методологии был связан с предположением, что интервью будет недостаточно для получения информации, так как конструкт «мотивационные стратегии» будет мало знаком участникам. Результаты структурированного наблюдения

подтвердили это предположение. В то же время исследование оставляет много вопросов, требующих изучения в будущем: влияние организационной структуры и процедур, влияние индивидуальных характеристик сотрудников, восприятие безработных сотрудниками и многое другое. Использование Микроинституциональной теории имплементации политики (Райс, 2012) для более широкого исследования деятельности сотрудников, находящихся на переднем крае системы социальной защиты, может стать перспективным направлением будущего исследования.

Заключение

Эффективная реализация политики активизации в системе социальной защиты возможна только при ее последовательной и системной имплементации сотрудниками, непосредственно работающими с безработными. Изучение того, как сотрудник взаимодействует и мотивирует получателя пособия к действиям экономической активности, является важным практическим знанием. В статье представлено первое исследование в Казахстане, направленное на изучение мотивационных стратегий повышения экономической активности безработных. Результаты показали, что сотрудники применяют различные стратегии, но их применение происходит в большей степени интуитивно. Системное обучение сотрудников мотивационным стратегиям может оказать влияние на эффективность программ занятости, что согласуется с реализуемым реформированием работы казахстанских центров трудовой мобильности (Концепция). Это может быть достигнуто с помощью более ясной артикуляции политики активизации на всех уровнях государственной политики, а главное - с помощью интерактивного обучения ее реализации сотрудниками в повседневном взаимодействии с соискателями.

Благодарность, конфликт интересов

Данное исследование не имело финансирования. Конфликт интересов отсутствует.

Вклад авторов

Оба автора внесли вклад в разработку дизайна, методологии и инструментов исследования. Рекрутирование и сбор данных осуществлялся **А.А. Саттар**. Анализ количественных и качественных данных проведен совместно А.С. Мустафиной и **А.А. Саттар**. Первый вариант рукописи был написан **А.С. Мустафиной**. Дополнение и корректировка осуществлялись совместно **А.С. Мустафиной** и **А.А. Саттар**. Оба автора одобрили окончательный вариант рукописи и несут ответственность за содержание публикации и достоверность данных.

Список литературы

Альшанская, А. (2020). Проблемы трудоустройства молодежи на рынке труда в Казахстане. Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

Бирн, Д. (2022). Использованный пример подхода Брауна и Кларка к рефлексивному тематическому анализу, *Качество и количество*, 56, стр. 1391-1412. doi: <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01182-y>

Ван Парис, Л. И Струйвен, Л. (2018). Стили взаимодействия работников на местах и мотивация клиентов: новый инструмент оценки осмотристельности, используемый в случае активизации соискателей работы, *Обзор государственного управления*, 20(11), стр. 1702-1721. doi: <https://doi.org/10.1080/14719037.2018.1438501>

Грандия, Дж., Ла Гроу, Ю. и Крюен, П. (2020). Мотивация безработных: модель полного спектра мотивационных стратегий, используемые социальными работниками для активизации клиентов, *Социальная политика и управление*, 54(3), стр. 375-389. doi: <https://doi.org/10.1111/spol.12540>

Йерсе, Х.М. и Стрэнд, А.Х. (2023). Организация на местном уровне между потребностями работодателя и нуждами клиента: мотивация пользователей в Норвежской службе занятости и социального обеспечения (NAV), *Журнал социальной политики*, 52(3), стр. 682-699. doi: <https://doi.org/10.1017/S0047279421000933>

Кодекс Республики Казахстан (2023). «Социальный Кодекс Республики Казахстан» от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК.

Правительство Республики Казахстан (2023) «Об утверждении Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024–2029 годы» от 29 ноября 2023 года № 1050.

Райс, Д. (2020). Исполнители на местном уровне и государство всеобщего благосостояния: в отношении к Микроинституциональной теории реализации политики, *Администрация и общество*, 45(9), стр. 1038-1062. doi: <https://doi.org/10.1177/0095399712451895>

Сенгаас, М., Фрайер, К. и Купка, П. (2018). Практики активизации во взаимодействиях на первой линии: принуждение, убеждение и роль доверия в политике активизации в Германии, *Социальная политика и управление*, 53(5), стр. 1-14. doi: <https://doi.org/10.1111/spol.12443>

Смедсвик, Б. и Яконо, Р. (2023). Невидимые/Видимые санкции: доказательства микроуровня об обязательной активизации молодых получателей социальных пособий, *Журнал социальной политики*, 1, стр. 1-21. doi: <https://doi.org/10.1017/S0047279423000338>

Солванг, И. (2017). Дискреционные подходы в социальной работе: персонализация услуг по активации для получателей долгосрочных социальных пособий, *Европейский журнал социальной работы*, 20(4), стр. 536-547. doi: <https://doi.org/10.1080/13691457.2016.1188777>

Хавольд, О. К. (2018). Разговор о возможностях, обсуждение работы и обсуждение идентичности: мотивирующие стратегии, используемые норвежскими службами труда и социального обеспечения, *Исследование социальной работы в Северных странах*, 8(2), стр. 158-170. doi: <https://doi.org/10.1080/2156857X.2017.1405836>

А.С. Мустафина¹, А.А. Саттар²

¹Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Жұмыссыздардың экономикалық белсенділігін арттыру: белсендіру саясаты және мотивациялық стратегиялар

Аңдатпа. Әлеуметтік жәрдемақы алушылардың жұмысқа орналасудағы міндеттемелері мен жеке жауапкершілігін арттыруға байланысты белсендіру саясаты қазақстандық әлеуметтік қорғау жүйесінде дәйекті түрде енгізілуде. Дегенмен де, бұл саясат белгілі бір заңнамалық және институционалдық шаралармен байланысты болғанымен, оны күнделікті жұмыс барысында және жұмыс іздеушілермен өзара іс - қимыл арқылы «алдыңғы қатарда» тұрған әлеуметтік қорғау жүйесінің қызметкерлері жүзеге асырады. Жұмыссыздардың экономикалық белсенділігін арттыру үшін мамандар қолданатын мотивациялық стратегиялар шетелде кеңінен зерттелген, бірақ қазақстандық зерттеулерде назардан тыс қалып отыр. Осы зерттеудің мақсаты - қазақстандық тәжірибеде жұмыссыздардың экономикалық белсенділігін арттырудың мотивациялық стратегияларын зерделеу болды. Еңбек ұтқырлығы орталығының қызметкерлерімен (N = 12) терең сұхбат және олардың жұмыс іздеушілермен өзара іс - қимылы үшін құрылымдық бақылау (n = 32) жүргізілді. Сапалық және сандық деректерді талдау ең көп таралған стратегиялар келесілер екендігін көрсетті: табысқа жету мотивациясын қалыптастыру; эмпатия және сенімді қарым - қатынастар. Сондай - ақ, қызметкерлер өзін - өзі тануға ынталандыру стратегиясын, сыйақы мен санкцияларды, көзқарасты жеткізуді, жұмыс іздеушілердің сенімін түзетуді және қызметкер - жұмыс іздеуші қатынастарындағы иерархияны бұзуды қолданады. Табысты мотивациялық стратегиялардың маңызды шарты – бұл жұмыс іздеушілердің сұраныстарына негізделген жеке көзқарас. Бұл уақытта мотивациялық стратегияларды қолдану интуитивті және патерналистік қатынастармен байланысты. Зерттеу нәтижелері Қазақстанда жұмыспен қамту саясатын имплементациялаудың тиімділігін арттыру үшін қолданылуы мүмкін.

Негізгі ұғымдар: жұмыссыздар, әлеуметтік қорғау, жандандыру саясаты, қызметкер – жұмыс ізденушінің өзара іс-қимылы, мотивациялық стратегиялар.

A.S. Mustafina¹, A.A. Sattar²

¹Narхоз University, Almaty, Kazakhstan

²al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Increasing the economic activity of unemployed: Activation policy and motivational strategies

Abstract. Activation policy related to increasing social benefits, recipients' personal obligations, and responsibility for employment is implemented in Kazakhstan's social well-being system. Although this policy is associated with some legislative and institutional measures, it is applied by caseworkers through their daily work. Motivational strategies used by specialists to increase unemployed economic activity

have been widely studied abroad but remain overlooked in Kazakhstan. This study explored motivational strategies applied to increase unemployed economic activity in Kazakhstan. In-depth interviews with the Labor Mobility Center's employees (n = 12) and structured observations of their interaction (n = 32) were conducted. Qualitative and quantitative analysis showed the most common strategies were: development of motivation for success; empathy and trusting relationships. Employees also applied a strategy to encourage self-understanding, remuneration, and sanctions, conveying vision, adjusting job seekers' expectations, and breaking down the hierarchy in relationships. An important condition for successful motivational strategies was an individual approach based on the requests of applicants. At the same time, the use of motivational strategies was rather intuitive and involved paternalistic attitudes. The findings can be applied to increase the effectiveness of the implementation of employment policy in Kazakhstan within in the daily practice of the social protection system's employees.

Keywords: unemployed; social wellbeing; activation policy; interactions; motivational strategies.

References

- Al'shanskaya, A. (2020) «Problemy trudoustrojstva molodezhi na rynke truda v Kazahstane». Nur-Sultan: Kazahstanskij institut strategicheskikh issledovanij pri Prezidente Respubliki Kazahstan. [in Russian].
- Byrne, D. (2022) «A worked example of Braun and Clarke's approach to reflexive thematic analysis», *Quality & Quantity*, 56, str. 1391–1412. doi: <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01182-y>
- Van Parys, L., Struyven, L. (2018) «Interaction styles of street-level workers and motivation of clients: A new instrument to assess discretion-as-used in the case of activation of jobseekers», *Public Management Review*, 20(11), str. 1702–1721. doi: <https://doi.org/10.1080/14719037.2018.1438501>
- Grandia, J., La Grouw, Y., Kruijnen, P. (2020) «Motivating the unemployed: A full-range model of motivational strategies that caseworkers use to activate clients», *Social Policy & Administration*, 54(3), str. 375–389. doi: <https://doi.org/10.1111/spol.12540>
- Gjersøe, H.M., Strand, A.H. (2023) «The Street-Level Organisation in-between Employer Needs and Client Needs: Creaming Users by Motivation in the Norwegian Employment and Welfare Service (NAV)», *Journal of Social Policy*, 52(3), str. 682–699. doi: <https://doi.org/10.1017/S0047279421000933>
- Kodeks Respubliki Kazahstan (2023) «Social'nyj Kodeks Respubliki Kazahstan» ot 20 aprelya 2023 goda № 224-VII ZRK. [in Russian].
- Pravitel'stvo Respubliki Kazahstan (2023) «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya rynka truda Respubliki Kazahstan na 2024 – 2029 gody» ot 29 noyabrya 2023 goda № 1050. [in Russian]
- Rice, D. (2020) «Street-Level Bureaucrats and the Welfare State: Toward a MicroInstitutionalist Theory of Policy Implementation», *Administration & Society*, 45(9), str. 1038–1062 (2020). doi: <https://doi.org/10.1177/0095399712451895>
- Senghaas, M., Freier, C., Kupka, P. (2018) «Practices of activation in frontline interactions: Coercion, persuasion, and the role of trust in activation policies in Germany», *Social Policy and Administration*, 53, str. 1–14 doi: <https://doi.org/10.1111/spol.12443>
- Smedsvik, B., Iacono R. (2023) «(In)visible Sanctions: Micro-level Evidence on Compulsory Activation for Young Welfare Recipients», *Journal of Social Policy*, 1, str. 1–21. doi: <https://doi.org/10.1017/S0047279423000338>

Solvang, I. (2017) «Discretionary approaches to social workers' personalisation of activation services for long-term welfare recipients», *European Journal of Social Work*, 20(4), str. 536–547. doi: <https://doi.org/10.1080/13691457.2016.1188777>

Håvold, O. K. (2018) «Opportunity talk, work talk and identity talk: Motivating strategies used by the Norwegian labour and welfare offices», *Nordic Social Work Research*, 8(2), str. 158–170. doi: <https://doi.org/10.1080/2156857X.2017.1405836>

Сведения об авторах

Мустафина А.С. – автор для корреспонденции, PhD в социальной работе, ассоциированный профессор, Университет Нархоз, ул. Катаева, 184, 050060, Алматы, Казахстан.

Саттар А.А. – магистр, образовательная программа «7М11404 Социальная политика и управление», Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Ул. Коктерек, 139, 050060, Алматы, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет

Мустафина А.С. – хат-хабар авторы, әлеуметтік жұмыстағы PhD, қауымдастырылған профессоры, Нархоз университеті, Катаев көшесі, 184, 050060, Алматы, Қазақстан

Саттар А.Ә. – магистр, «7М11404 әлеуметтік саясат және басқару» білім беру бағдарламасы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Көктерек көшесі 139, 050060, Алматы, Қазақстан

Information about authors

Mustafina A.S. – corresponding author, PhD in Social Work, Associate Professor, Narxoz University, Kataev St., 184, 050060, Almaty, Kazakhstan

Sattar A.A. – Master, Educational Program “7M11404 Social Policy and Management”, al-Farabi Kazakh National University, 139 Kokterek Street, 050060, Almaty, Kazakhstan

IRSTI 316.811
Scientific article

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-133-144>

Intercultural marriages and social adaptation: online representation of Kazakhstan women married to foreign citizens

E. Otar^{id}, A.Y. Mantayeva*^{id}

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: mantaeva-ae@mail.ru)

Abstract. This article examines the patterns and primary drivers of intermarriages among females in Kazakhstan, as well as the features of these unions. In recent years, the increase in intercultural marriages has been closely associated with the global rise in migration. Marriages between Kazakh women and foreign nationals have emerged as a significant social phenomenon; however, this topic remains insufficiently explored in academic research. When Kazakh women enter cross-cultural unions, it often leads to transformations in their ethnic identity, cultural values, and gender roles, making this an important subject for further scholarly investigation.

The aim of this article is to analyze, through content analysis, the self-presentation patterns of Kazakh women married to foreign citizens on social media. Specifically, it examines their self-representation strategies, social integration into new communities, and cultural adaptation processes.

The article uses method of content analysis to examine the social media pages of Kazakhstani women who have married foreigners using the content analysis methodology. The objective of this academic article is to use content analysis to pinpoint the clear aspects of Kazakhstani women's self-presentation on social networks that are expressed in their marriages to foreigners.

The study focuses on characterizing their social media persona, the principles and social standards they uphold, and the fundamental aspects of their cultural environment adaptability.

Keywords: intercultural marriage, Kazakhstani women, migration, gender aspect, globalisation

Introduction

In modern society, intercultural marriage has become one of the most pressing topics requiring research, particularly in the field of sociology. Globally, the number of intercultural marriages is increasing every year, and Kazakhstan is no exception to this trend.

Marriage is a complex social institution that varies across cultures and time. It establishes rights and obligations between partners, regulates sexual behavior, and influences family structures. Marriage serves important social, economic, and legal functions in society. It creates kinship networks, facilitates resource sharing, and establishes legal rights between spouses (Carter & McGoldrick, 2022). Multicultural marriages have become widespread, leading to acculturation. The differences in people's beliefs, identities, and attitudes toward each other are crucial factors that affect their selection of partners and decision to get married (Supanichwatana, Laeheem, 2024).

This topic has been explored internationally by scholars such as J. Berry (Berry, 2005, p.712) and V.I. Kozlov, Yu.V. Arutyunyan, and E.A. Nazarova. Among Kazakhstan's researchers, Z.K. Shaukenova, M.S. Azhenova, K.G. Gabdullina, and S.K. Ualiev have contributed significant works examining marriage institutions, migration, ethno-demographics, and gender equality (Shaukenova, 2003, pp.17-18). Their foundational research provides the theoretical basis for understanding the intercultural marriage experiences of Kazakh women married to foreign nationals.

According to researchers, the number of intercultural marriages is persistently increasing worldwide. It is exciting the diversity of definitions that describe marriages between different cultural ties: mixed marriage, intercultural marriage, transnational marriage, ethnoracial marriage, and bioethnic marriage. It is noticeable that there are some differences among these conditions, and they also overlap in their content within family patterns. These dissimilarities are mainly bound to the level of social congruence within family patterns. This is because ethnically and religiously varied couples, while living together in one society, can adapt to their partner's culture, acquire knowledge about that culture, and participate in the process of integration. According to scientific data, factors such as racial, ethnic, religious, and social congruence, value orientations, and the alignment of primary needs influence an individual's intention to marry and their approach to the process (Alaguev, 2021).

American sociologists often examine intercultural marriages through the lens of racial relations. In the study by Kroeger and Williams, it is noted that intercultural romantic relationships often do not lead to marriage, and if such a marriage occurs, the likelihood of divorce is higher than in marriages between individuals of the same race. Based on the National Survey of Family Growth conducted by Bramlett and Mosher, it was found that 29% of monoethnic marriages dissolve within the first ten years, while for intercultural marriages, this figure is 40% (Feldman-Bianco, 2020, pp.195-196).

The rate of Kazakh women entering marriages with foreign nationals has shown a steady increase in recent years. This emerging phenomenon reflects shifting dynamics within Kazakhstan's family institution. The rise of interethnic and intercultural marriages necessitates scholarly attention to their impact on women's gender roles and social positioning within

society. Research indicates that Kazakh women's choice to marry foreign citizens is frequently pragmatic, driven by socioeconomic and material considerations. These cross-cultural unions have generated significant societal resonance, particularly on social media platforms, sparking diverse public opinions and debates about contemporary marriage norms.

The family is the foundation of societal development, a guardian of universal and cultural values, national traditions, intergenerational experience, and behavioral norms. In other words, the family, as a social institution and a small social group, is based on marriage, parental, and kinship ties. To ensure the life of society, the family performs a number of important functions (Ashirbayeva & Smagambet, 2024, p.520). Recent years have witnessed a marked increase in interethnic marriages involving Kazakh women and foreign partners, signaling a transformative shift in Kazakhstan's family structure. This emerging social phenomenon demands scholarly examination of how proliferating intercultural unions are reshaping women's gender roles and social status within the community. Empirical observations suggest that Kazakh women's decisions to marry foreign nationals often reflect pragmatic considerations, predominantly influenced by socioeconomic factors. These transnational marriages have become a subject of intense public discourse on social media platforms, generating polarized viewpoints about modern relationship dynamics in Kazakh society.

The phenomenon of Kazakh women marrying foreign citizens has far-reaching implications that extend beyond family structures, significantly influencing women's gender roles, social status, and personal identity in society. In Kazakhstan, women have traditionally been viewed as the cornerstone of the family unit, embodying a unique synthesis of traditional and modern values. However, while patriarchal norms have historically confined women to roles as mothers, supportive partners, and child-bearers, contemporary trends increasingly emphasize their pursuit of higher education abroad, professional development, career advancement, and financial independence. Intercultural marriages represent a convergence of diverse cultural values, traditions, ethnic perspectives, and religious beliefs, requiring mutual understanding and adaptation. Studying these unions through sociological theories provides critical insights into their underlying motivations and broader societal consequences.

The relevance of this study is to understand the changing social roles of Kazakh women married to foreign nationals and identify current trends in intercultural marriages on social networks, with the main research method being the analysis and synthesis of data from various sources.

The main research method is the analysis and synthesis of information obtained from various sources. It includes the following methods and approaches: the initial methodological of the article is grounded in scientific rigor and a comprehensive approach to studying social processes. The article applies the transnational social field theory by N.G. Shiller, L. Bash, and Kristiana Blank-Saton, as well as the theories of simulacra and hyperreality by J. Baudrillard.

Systematic literature review: The study involves researching and critically analyzing scientific works published on the topic. This includes searching, selecting, and synthesizing information from scientific articles, conferences, and other sources, as well as a theoretical analysis of the methods used to define the concept of "intercultural marriage" presented in the academic literature. Secondary data analysis through a review of multiple authors' scientific works and analysis based on the cited articles.

Research Methodology

This study examines the meaning and historical development of intercultural marriage through analysis of works by foreign and domestic scholars, employing content analysis as the primary empirical method to investigate the social media representation of women married to foreigners, their social adaptation, and societal perceptions, using Instagram profiles of such women as key data sources. Content analysis allows for the identification of significant units from textual, visual, or digital data and their systematic analysis (Tarshis, 2021).

The subject of the research. The research focuses on Kazakh women married to foreign nationals, examining their cultural adaptation on social media, the values and norms they promote, and the image they portray. Selection criteria included being married for at least 6 months, with content primarily covering marriage, family, cultural adaptation, and public opinion topics, and having posts published within the last year. The study analyzed 40 accounts, 600 posts were analyzed, covering content from January 2023 to January 2025, using a combination of inductive and deductive content analysis methods. For this study, the videos, images, hashtags, texts, and comments found in the posts were analyzed as primary research materials.

The content was categorized based on the following indicators:

- General content characteristics;
- Posting themes;
- Emotional tone;
- Societal adaptation & national identity;
- Ethnic identification level;
- Public opinion and reaction indicators:
- Nature of social media comments;
- Depth of public discussion.

In the process of data collection and material handling, the aforementioned indicators were established, and for the qualitative analysis of likes, reposts, comments, views, reels, and engagement levels, the NVivo analytical tool was employed. These indicators help analyze the social media image of Kazakh women married to foreign nationals.

Results of the Study and Analysis

The study of migration processes in Kazakhstan shows that the primary migration dynamics are linked to the CIS countries. According to data from 2024, 74.9% of Kazakhstan's emigrants have moved to CIS countries. Among them, 3,977 married individuals relocated to CIS countries, while 1,404 individuals moved to other countries. According to national experts, the number of emigrants who are married has increased by 11.6% compared to 2023 (Bureau of National Statistics, 2025). Reasons Kazakh women move abroad.

Several factors contribute to emigration abroad, including:

- Education and career growth – many stay after completing master's or PhD programs abroad;

- Higher salaries and better earnings incentivize long-term settlement;
- Labor migration, some initially move for work but later marry and settle;
- Family Reunification: Migration based on the invitation of relatives, parents, or a future spouse who have already moved abroad is also a common reason for emigration;
- Socio-Economic Conditions: The higher standard of living in certain developed countries, as well as the efficiency of healthcare and social security systems, influence the decision to move to another country.

In traditional Kazakh culture, women are primarily seen as homemakers responsible for raising children, while men are expected to build careers and provide financially for the family. However, under the influence of Western values and globalization, modern perspectives have shifted – women are now more active in the labor market, gaining economic independence and challenging traditional gender roles. According to Jean Baudrillard's theory of simulacra and hyperreality, contemporary gender roles are often artificially reconstructed through media and cultural products, blurring the lines between reality and constructed ideals (Baudrillard, 2015, p.212).

This scientific article examines the lives of Kazakh women married to foreigners through content analysis, focusing on their intercultural marriages, personal and family dynamics, cultural differences and similarities, as well as their challenges and peculiarities in adapting to a new society while preserving their national identity. The findings reveal that Kazakh women in mixed marriages actively use social media, attracting significant public interest in their lifestyles.

Their posts often highlight everyday experiences, contrasting and comparing traditions between their home and host countries. Notably, Kazakh women married into Muslim-majority nations tend to face fewer conflicts regarding national identity and religious beliefs, while those married to non-Muslim spouses experience a longer and more complex adaptation process to both societal and family norms. The study underscores how social media serves as a platform for these women to navigate cultural integration, negotiate identity, and showcase their unique transnational experiences.

The digital technologies of the 21st century open new opportunities for the social integration of transnational migrants. Social media has become an important platform for the self-identification of women in migration, their cultural identity, and the perception of gender roles. The activity of Kazakhstani female migrants in the online space influences their intercultural connections and social adaptation processes.

The following main categories were defined for the analysis:

1. Content themes.
2. Manifestations of gender and national identity.
3. Level of audience engagement.
4. Emotional tone of the content.

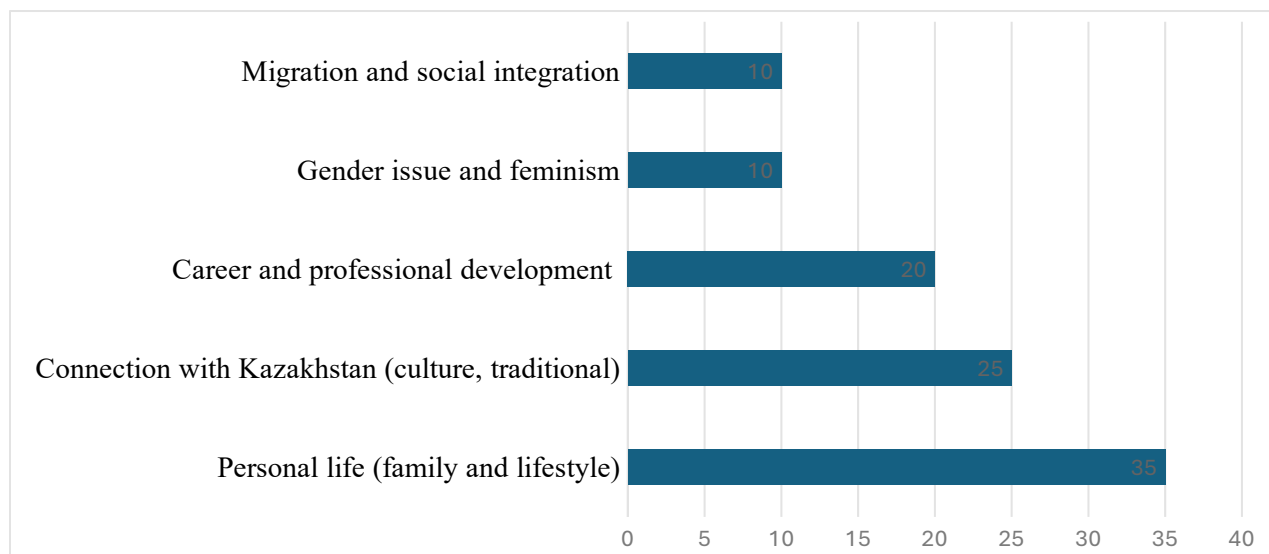

Figure 1. Content thematic direction

Content analysis results show that for Kazakhstani women, supporting family life and the cultures of both countries are of utmost importance. A larger portion of the content focuses on family and personal life. Specifically, 35% of posts focused on personal life. The subsequent 25% of the posts illustrate the individual's connection to Kazakhstan. Kazakh women tend to publish posts highlighting their connection by means of their home country, involving components of national culture and traditions, the occurrence of visits to Kazakhstan, and comparative assessments between their current and native environment. As research has shown, 20% of the posts are for career and professional development. Career and gender issues are also important, but they are not the primary focus. 10% posts concentrated on the gender issue and feminism, posts about migration experience are few, indicating their efforts to adapt to the new society. In addition, 10% of all content is focused on migration and social integration issues. Through their page, they share personal experiences with migration challenges, emphasizing the paperwork involved in mixed marriages and the process of acquiring a residence permit.

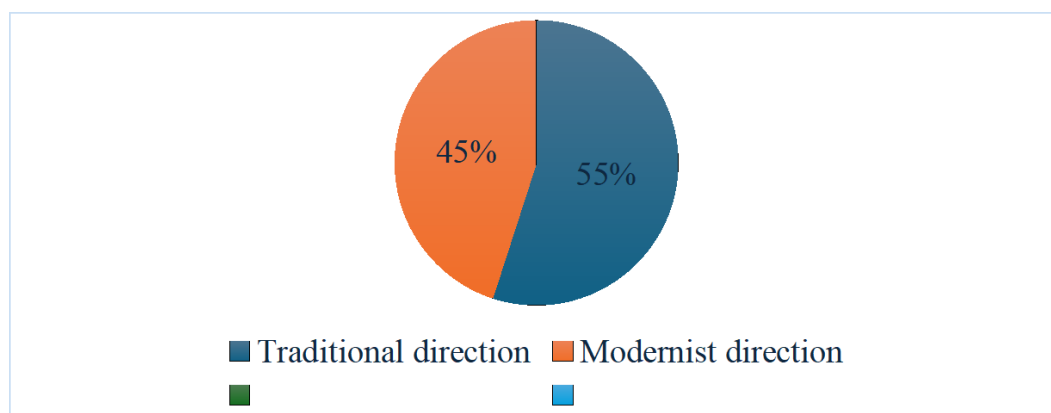

Figure 2. Spread of traditional and modernist perspectives

Traditional direction: There is a trend of portraying women as the cornerstone of the family, promoting Kazakh culture, and integrating Kazakh customs into lifestyles.

The modernist perspective emphasizes women's professional development, career advancement, societal integration, gender equality, and educational growth. Social media accounts of highly educated Kazakh women married abroad frequently feature discussions on gender equality, women's rights, and empowerment, particularly among those living in Europe, Switzerland, the UAE, and South Korea.

In the social media profiles of Kazakh women married to foreign nationals, marriage to foreign men is portrayed as a strong motivation for improving economic status, with positive portrayals of marriages and foreign husbands giving the content an inspirational character; however, Kazakh society holds conflicting views on mixed marriages, with many netizens believing international marriages undermine our nation's uniqueness and lead to detachment from national traditions and values.

Social media users are divided in their views: one side expresses support for such marriages with comments like Kazakh women deserve happiness no matter who they marry, love knows no nationality or religion, and what matters is that Kazakh women are happy wherever they are, while the opposing side rejects interethnic marriages, viewing them as a threat to national unity; there are also netizens who remain neutral toward mixed marriages.

First, in the studied materials, foreign marriages are romanticized and viewed as a tool for social and economic mobility. In this discourse, marrying foreign men is described as an opportunity for Kazakhstanian women to improve their quality of life. Gender equality and a high level of social protection are also considered positive factors in this context.

Second, there is a widely spread negative discourse in the media regarding the phenomenon. In this discourse, foreign marriages are linked to potential risks, including challenges in intercultural relationships, legal issues, and the risk of women becoming vulnerable. The issue of the threat to national identity and traditional values is often raised.

Third, the debates in the media continue on social networks, revealing conflicting views on foreign marriages. Some readers support this trend as a personal choice and life strategy for women, while others view it as a departure from national identity.

The role of women in intercultural marriages is closely related to the social norms and gender policies of the host country. In Western countries, where the principles of gender equality are highly developed, women are able to balance career and family life. In Eastern countries, patriarchal traditions prevail, often forcing women to adapt to traditional roles. Kazakhstanian women in foreign marriages are influenced by two contrasting factors: on one hand, adapting to the demands of the new society, and on the other hand, maintaining their cultural-gender identity. Kazakhstanian women living abroad are compelled to reconsider their initial gender roles. The content analysis revealed the following key trends in modern interethnic marriages:

The visa-free regime between Kazakhstan and neighboring CIS countries facilitates Kazakh women's migration for various reasons, while the unrestricted cross-border movement of citizens between these nations also contributes to the increasing number of intercultural marriages.

There has been a noticeable increase in marriages with Western nationals. More Kazakh women studying in Western Europe/America or working for international organizations are forming marital unions with local citizens.

Strengthening ties with Asian countries. Recent years have seen a rise in marriages between Kazakh citizens and nationals of Asian countries, particularly South Korea. Content analysis reveals that most Kazakh women initially move to South Korea for work or graduate studies, subsequently marrying local citizens.

Influence of the Kazakh diaspora in countries like Turkey, Russia, Kyrgyzstan, Uzbekistan and China. Due to the significant Kazakh diaspora in these countries, mixed marriages are common both among compatriots and with the local population.

Factors influencing intercultural marriages:

- Role of digital dating platforms. Social media and international dating websites have expanded the opportunities for citizens from different cultural backgrounds to meet and marry.
- Mutual Attraction Between Partners – genuine romantic connection between individuals from different cultural backgrounds.
- Financial Considerations – interest in the foreign partner's economic and social status.
- Intercultural marriages come with both advantages and challenges.
- Cultural and worldview similarities: Compatibility in core values, life goals, and worldview.
- Adaptation to the linguistic environment: Today, English has become a global communication tool, and multilingualism facilitates intercultural connections (Crettaz & Dahinden, 2019).

Additionally, there are both positive and negative factors influencing intercultural marriages, including:

- On the plus side:
 - o They help people grow - you learn new languages, cultures, and make diverse friends;
 - o Kids get a unique upbringing, becoming naturally bilingual and culturally aware.
 - o Strengthening cultural and economic ties between the two countries.
- Some negative aspects:
 - o Cultural and religious conflicts, family disputes;
 - o "Divided identity" syndrome, emotional distance between the home country and the country of residence;
 - o Misunderstanding and social stigmatization from relatives and friends.

Explaining the new forms of migration and family life is the foundation of N.G. Schiller, L. Bash, and Christiane Blank-Szaton's idea of the transnational social field. This idea holds that Kazakhstanian women who marry foreigners maintain their cultural and social identities in a transnational setting without breaking off their connections to their homeland. Through social networks, they actively engage in both communities. It is clear from researching women's family experiences that they work to maintain the culture and values of their native country in addition to adjusting to the society in which they live (Glick Schiller, Blanc-Szanton, 1992, p.124).

Conclusion

The intercultural marriages of Kazakhstanian women living abroad are considered a multifaceted social phenomenon influenced by globalisation processes and migration dynamics. As discussed in the article, the key factors contributing to intercultural marriages include migration for educational purposes, the labor market, and socio-economic interests. The freedom of personal

choice, the ability to adapt to foreign cultural spaces, and the proliferation of digital dating platforms significantly contribute to the acceleration of this trend.

The analysis reveals that while Kazakh women adapt to their host societies, they strive to preserve their national identity and maintain balanced ties between both countries. The trend of Kazakh women marrying foreigners has significantly intensified due to migration factors and labor mobility.

The growing prevalence of intercultural marriages presents both global relevance and specific challenges for Kazakhstan. While this trend reflects increasing international integration, it raises critical concerns for nations with smaller populations like ours, where demographic preservation is crucial. Maintaining national distinctiveness remains a paramount consideration in this context.

The findings of the study can aid individuals and organizations in developing policies and strategies aimed at promoting and facilitating the adaptation of cross-cultural spouses to the broader social environment. Thus, spouses should be provided with training to help them understand and live in different cultures. Additionally, various forms of support should be developed, including online groups, for Kazakh women married to foreign husbands.

Contributions of the authors:

E.Otar – the methodologies employed, the findings analysis, and the main sections' organization.

A.Y. Mantayeva – contributed significantly to the introduction, the literature research, and the preliminary data analysis.

All authors contributed to the editing of the article and made individual contributions to its content

References

1. Sociology of Marriage and the Family (2025) 'Sociological definitions and functions of marriage'. [Online] Available at: <https://library.fiveable.me/sociology-marriage-family/unit-8/sociological-definitions-functions-marriage/study-guide/DBIsPoOiVMKIGYda> (Accessed: 24 April 2025).
2. Supanichwatana, S. and Laeheem, K. (2024) 'Social acceptance and adjustment of spouses in multicultural families to reduce violent behavioral conflicts in the Mueang district, Yala province, Heliyon, 10(7). doi: 10.1016/j.heliyon.2024.e28245.
3. Berry, J. W. (2005) 'Acculturation: Living successfully in two cultures', *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), pp. 712.
4. Shaukenova, Z. K. (2003) Social interaction of ethnic groups in modern Kazakhstani society: Author's abstract. Astana, pp. 18–19. [in Russian]
5. Alaguev, M. V. (2021) 'Entering into an intercultural marriage: factors in choosing a marriage partner', *National Psychological Journal*, 1(41), pp. 65-66. doi: 10.11621/npj.2021.0106. [in Russian]
6. Feldman-Bianco, B. (2020) 'Anthropology and ethnography: the transnational perspective on migration and beyond', *Open Edition Journals*, 22(1), pp. 195-196. doi: 10.4000/etnografica.5203.
7. Ashirbayeva, F. M. and Smagambet, B. Zh. (2024) 'Women's decision-making practices: from "involuntary childlessness" to "voluntary childlessness"', *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National*

University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociology, 149(4), pp. 520. doi: 10.32523/2616-6895-2024-149-4-519-538. [in Kazakh]

8. Tarshis, E. Ya. (2021) Content Analysis: Principles of Methodology (Building a Theoretical Base. Ontology, Analytics, and Phenomenology of Text. Research Programs). 3rd ed., stereot. Moscow: URSS. [in Russian]

9. Bureau of National Statistics, Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan (2025) [Online] Available at: <https://stat.gov.kz/> (Accessed: 15 April 2025).

10. Baudrillard, J. (2015) Simulacra and Simulations. Moscow: Postum Publishing House, pp. 212. [in Russian]

11. Crettaz, E. and Dahinden, J. (2019) How Transnational Migrants in Switzerland? An Analysis of the Migration-Mobility-Transnationality Nexus. Research Series. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-030-05671-1_11.

12. Glick Schiller, N., Basch, L. and Blanc-Szanton, C. (1992) Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. New York: New York Academy of Sciences, pp. 124.

Э. Отар, А.Е. Мантаева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Мәдениетаралық некелер және әлеуметтік бейімделу: шетелдік азаматтарға тұрмысқа шыққан қазақстандық әйелдердің онлайн репрезентациясы

Андатпа. Бұл мақалада шетелдегі қазақстандық әйелдердің мәдениетаралық некеге отыру үрдістеріндегі негізгі ерекшеліктері мен себептері қарастырылады. Қазақстандық әйелдердің шетел азаматтарымен некелесу үрдісі жыл өткен сайын артып келеді. Қазіргі таңда мәдениетаралық некелердің көбеюі дамыған замандағы көші-қон саласының әлемдік деңгейде артуымен тығыз байланысты.

Қазақстандық әйелдердің шетелдіктермен некелесуі, қазіргі қоғам үшін маңызды құбылыстардың бірі, алайда бұл тақырып ғылыми тұрғыда жеткілікті дәрежеде зерттелмеген. Қазақстандық әйелдердің шетел азаматтарымен мәдениетаралық некеге отыруы – олардың этникалық, мәдени және гендерлік рөлдерінің өзгеруі тұрғысынан маңызды зерттеу алаңы болып табылады.

Мақаланың мақсаты – шетел азаматтарына тұрмысқа шыққан қазақстандық әйелдердің әлеуметтік желідегі өзін-өзі көрсету ерекшеліктері, олардың өзіндік репрезентациясы, әлеуметтік рөлдері және мәдени бейімделу ерекшеліктерін контент-талдау әдісі арқылы анықтау.

Зерттеуде әлеуметтік желіде шетел азаматтарына тұрмысқа шыққан қазақстандық әйелдердің парақшаларына сапалы контент-талдау әдісі – эмпирикалық құрал болды. Бұл зерттеу олардың әлеуметтік желідегі шынайы бейнесін, өмірлерінде ұстанатын құндылықтар мен әлеуметтік нормаларын, жаңа мәдени ортаға бейімделуіндегі ерекшеліктерді сипаттауға бағытталған.

Зерттеу нәтижелері әлеуметтанулық теориялар негізінде түсіндіріліп, трансұлттық неке институтының қазақ қоғамындағы рөліне баға беріліп, мәдениетаралық некеге отыруға

негіз болатын факторлар анықталды, атап айтқанда көші-қон, еңбек миграциясы, білім алу мақсатында шетелге кету, әлеуметтік-экономикалық жағдайлар.

Негізгі ұғымдар: мәдениетаралық неке, қазақстандық әйелдер, көші-қон, гендерлік аспект, жаһандану.

Э.С. Отар, А.Е. Мантаева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Межкультурные браки и социальная адаптация: онлайн-репрезентация казахстанских женщин, вышедших замуж за иностранных граждан

Аннотация. В статье рассматриваются процессы заключения межкультурных браков и основные причины, побуждающие казахстанских женщин, проживающих за рубежом, вступать в такие союзы. Процесс глобализации способствует усилению миграционных потоков и увеличению числа межкультурных браков.

Цель статьи — анализ особенностей социальной адаптации женщин, вступивших в межкультурный брак, в новом социокультурном окружении, их культурной идентичности и уровня принятия со стороны общества.

В работе применяется метод контент-анализа: исследуются страницы казахстанских женщин, вышедших замуж за иностранных граждан, в социальных сетях. На основе анализа выявляются особенности их саморепрезентации, социальные роли и характер культурной адаптации. Применение данного метода позволяет глубже понять роль социальных медиа в личной и общественной жизни, а также оценить миграционные процессы, гендерную динамику и изменения в институте семьи.

Целью настоящей научной статьи является выявление особенностей саморепрезентации казахстанских женщин, состоящих в браке с иностранцами, в социальных сетях с использованием метода контент-анализа. Исследование направлено на описание их образа в медиапространстве, ценностных ориентаций, социальных норм, а также специфики адаптации к новой культурной среде. Полученные данные интерпретируются на основе социологических теорий, дается оценка роли транснационального брака в казахстанском обществе и выявляются факторы, влияющие на вступление в межкультурный брак.

Ключевые слова: межкультурный брак, казахстанские женщины, миграция, гендерный аспект, глобализация.

Список литературы

1. Sociology of Marriage and the Family (2025) 'Sociological definitions and functions of marriage'. [Online] Available at: <https://library.fiveable.me/sociology-marriage-family/unit-8/sociological-definitions-functions-marriage/study-guide/DBIsPoOiVMKIGYda> (Accessed: 24 April 2025).

2. Supanichwatana, S. and Laeheem, K. (2024) 'Social acceptance and adjustment of spouses in multicultural families to reduce violent behavioral conflicts in the Mueang district, Yala province, Heliyon, 10(7). doi: 10.1016/j.heliyon.2024.e28245.

3. Berry, J. W. (2005) 'Acculturation: Living successfully in two cultures', International Journal of Intercultural Relations, 29(6), pp. 712.
4. Шаукенова З.К. (2003). Социальное взаимодействие этносов в современном казахстанском обществе: автореферат, Астана, С.18-19.
5. Алагуев М.В. (2021) Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера // Национальный психологический журнал, №1(41). – С. 65–66. doi:10.11621/npj.2021.0106
6. Feldman-Bianco, B. (2020) 'Anthropology and ethnography: the transnational perspective on migration and beyond', Open Edition Journals, 22(1), pp. 195-196. doi: 10.4000/etnografica.5203.
7. Ф.М. Аширбаева, Б.Ж. Смағамбет. (2024) Әйелдердің шешім қабылдау практикасы: «мәжбүрлі баласыздықтан» - «ерікті баласыздыққа» //Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Педагогика.Психология.Әлеуметтану сериясы. №149(4). 520 б. doi: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2024-149-4-519-538>
8. Tarshis, E. Ya. (2021) Content Analysis: Principles of Methodology (Building a Theoretical Base. Ontology, Analytics, and Phenomenology of Text. Research Programs). 3rd ed., stereot. Moscow: URSS.
9. Bureau of National Statistics, Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan (2025) [Online] Available at: <https://stat.gov.kz/> (Accessed: 15 April 2025).
10. Baudrillard, J. (2015) Simulacra and Simulations. Moscow: Postum Publishing House, pp. 212.
11. Crettaz, E. and Dahinden, J. (2019) How Transnational Migrants in Switzerland? An Analysis of the Migration-Mobility-Transnationality Nexus. Research Series. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-030-05671-1_11.
12. Glick Schiller, N., Basch, L. and Blanc-Szanton, C. (1992) Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. New York: New York Academy of Sciences, pp. 124.

Авторлар туралы мәлімет

Э. Отар – PhD, әлеуметтану кафедрасының доценті м.а., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

А.Е. Мантаева – хат-хабар авторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, әлеуметтану білім беру бағдарламасының докторанты, Астана, Қазақстан.

Сведения об авторах

Э. Отар – PhD, и.о. доцента кафедры социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

А.Е. Мантаева – автор для корреспонденции, докторант образовательной программы по социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Information about authors

E. Otar – PhD, Associate Professor, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

A.E. Mantaeva – corresponding author, doctoral student of the educational program in Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

IRSTI 04.51.35
Scientific article

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-145-157>

The Nation through Cultural Artifacts: What Can Renaming Streets Tell Us about Nation-Building in Kazakhstan?

A. Rodionov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: adilrodion@gmail.com)

Abstract. Modern Kazakhstan actively shapes its national identity through changes in the symbols of urban space, including mass renaming of streets. This article analyzes the process of street renaming in the cities of Kazakhstan from 1991 to 2019. The article presents a unique database of 6,832 cases of street renaming. Most of the existing studies studying Kazakhstan on this topic focus on qualitative analysis or the study of individual cities. This paper offers a systematic statistical study of the factors influencing the intensity of renaming using quantitative methods. The results of the study show that street renaming occurs more often in large cities and regional centers. This trend indicates the role of centralized and hierarchical national symbolic policy. Another factor influencing the renaming policy is the ethnic composition of the population. In cities with a high percentage of Slavic population, renaming occurs less frequently, which most likely reflects the cautious behavior of the state in symbolic changes in ethnically mixed regions. In addition, in the southern and western regions of Kazakhstan, the active role of local clans in street renaming practices is revealed. In these regions, streets are often named after famous clan representatives, while in the northern and eastern regions, where clan identity is less pronounced, their influence is minimal. The article demonstrates the significance of cultural artifacts, such as toponyms, in the process of nation-building and proposes new research approaches based on quantitative analysis.

Keywords: nation, nationalism, nation-building, symbols, street names, «imagined community», primordialist connections, constructivism

Introduction

Nation-building has been a central research focus in ethnosociology, ethnopolitology, and nationalism studies over the past fifty years. Since the shift from a primordialist to a constructivist paradigm in the 1960s and 1970s, the topic of nation-building has consistently remained one of the most popular areas of research. This shift in interest notably coincided with the rapid disappearance of alternatives to the nation-state. As Andreas Wimmer, a prominent modern scholar of nationalism, illustrates, empires and colonies – the main alternatives to the modern nation-state – declined significantly from the end of World War II to the early 1960s (Wimmer, 2018).

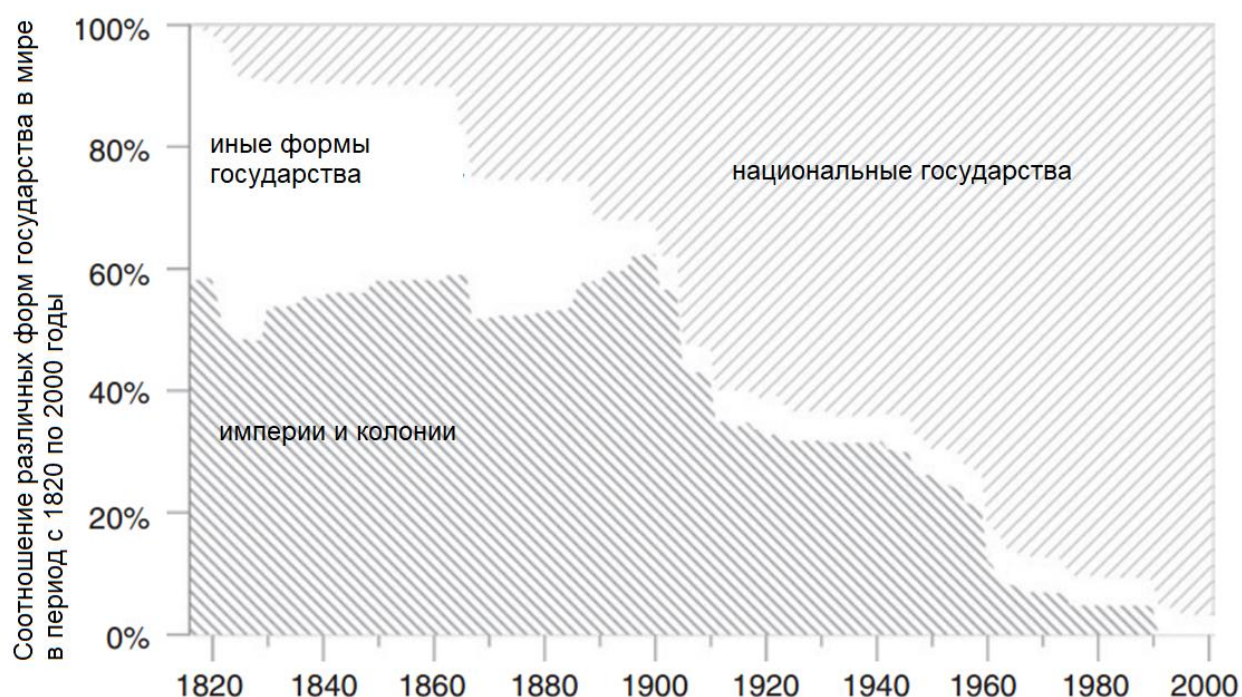

Fig. 1. The Proportion of Various Forms of Government Worldwide from 1820 to 2000.

Source: Andreas Wimmer [1]

Unlike primordialists, constructivists view the nation as a project rather than a given. This perspective is more productive, as it allows us to trace the evolution of nation formation and subsequent development, rather than accepting it as an essentialist phenomenon. Although constructivists lack a strong consensus on what precisely underpins the initial formation of a nation, they generally place significant emphasis on symbolic elements. Viewing the nation as an "imagined community" (Anderson, 2020) highlights the special significance of the symbolic field, where key processes of identity formation, belonging, cohesion, and unity take place. In this context, cultural artifacts – such as street names – play an essential role in creating and reinforcing the "imagined community," making symbols (e.g., the names of national heroes commemorated in street names) an integral part of daily life. The level of public interaction

with this symbolic space is thus much more intentional than with most other cultural artifacts in urban spaces, such as monuments and statues.

The high frequency of interaction with newly named streets and avenues significantly accelerates the process of gradual adaptation to these names, moving from mere recognition to eventual acceptance. However, it is important to understand that this process is not always smooth and can sometimes encounter considerable resistance. For instance, older generations in Almaty often prefer using former street names in everyday conversation, such as when arranging to meet at a café on Furmanova Street. It would be hard to imagine anyone in modern Astana suggesting a meeting on Marx Street. Yet, one of the authors of this article recalls a childhood memory of an elderly Kazakh woman expressing frustration at the renaming of a central street. She questioned how the name of a "scientist" (Marx) could be replaced by that of a "bandit" (Kenesary). Today, it is unlikely to encounter such strong objections in Astana, as these new names have been in place long enough to become part of daily life. Individual and collective stories have developed, linking the geographical locations with their new names in people's minds. In other words, a process of recognition and familiarity with the new names has taken root.

In this paper, we analyze street name changes using statistical methods, which enable us to identify points of tension in the renaming process and assess how various social factors influence the likelihood of renaming. To achieve this, we compiled a database of all street renamings in Kazakhstani cities from 1991 to 2019, encompassing 6,832 name changes.

The contribution of this work to nation-building research is as follows. First, the study of national state formation has traditionally been the domain of qualitative historical research. Foundational works on nationalism and nation-state formation were authored either by historians (Hobsbawm, 2012; Hobsbawm and Ranger, 2012), or by scholars from other social and humanities disciplines with a strong emphasis on historical methods (Gellner, 2015; Mann, 2005). In Kazakhstan, research in this field has followed a similar pattern, with few quantitative studies conducted, despite some exceptions (e.g., Burkhanov, 2017). This work aims to bring quantitative analysis methods to the study of nation-building, offering a fresh perspective that we believe will enrich this research area.

Secondly, this study is based on a unique database that includes the history of 6,832 city street renamings from 1991 to 2019. By introducing this new dataset, we open up fresh possibilities for research in this area. Previous studies on street renaming have typically been case studies focusing on a single city (Kaşıkçı, 2019), whereas the scale of our database allows for a broader analysis and the ability to address additional research questions.

Finally, we shift the research focus beyond the classical studies of nation and nationalism. The citation lists of prominent Kazakhstani scholars in these fields typically end with the works of Rogers Brubaker, whose seminal contributions were written in the 1990s and 2000s (Brubaker, 1996; Brubaker, 1999). In contrast, more recent literature from the last ten to fifteen years—such as the works of Milonas or Wimmer—remains largely underrepresented (Mylonas, 2023). This study is one of the first in Kazakhstani nation-building research to engage with contemporary literature, thereby aligning it with current leading research.

Through quantitative (statistical) data analysis, this study reveals the patterns underlying street name changes, specifically identifying factors that correlate with these changes. The

structure of the article is as follows. First, the methodological foundation of the study is presented, detailing the database and analytical methods used. This is followed by a section outlining the study's main findings. Finally, the conclusion summarizes the results and discusses prospects for future research.

Literature review

In modern studies of nation and nationalism, the constructivist approach prevails. The idea of primordialism that nations have a "natural" origin is more often found in nationalist rhetoric than in the works of scientists. However, there are representatives of modern primordialists who speak not about the "natural" origin of the nation, but rather about the deep emotional perception of connections and attachments to the ethnic group and nation (Edward Shils, Clifford Geertz).

Partially primordialist ideas (as well as the ideas of constructivism) are embodied in ethnosymbolism. A. D. Smith, one of the representatives of this direction, emphasizes the importance of symbols, myths, and collective memory, arguing that modern nations have deep roots – they are built on the basis of previously existing communities that can go deep into history (Smith, 2009).

In contrast to the primordialist and ethnosymbolist tradition, there are modernist, instrumentalist and constructivist approaches. The most famous representatives (E. Gellner, E. Hobsbawm and B. Anderson) emphasize the constructed, invented "imaginary" nature of the nation.

Modern constructivists such as R. Brubaker, C. Calhoun, M. Billig, H. Mylonas, and A. Wimmer continue the ideas of classical constructivism. R. Brubaker suggests considering the nation not as a category of analysis, but rather as a category of practice. Based on the analysis of the post-Soviet space, he examines how nations and nationalism were "reformatted" after the collapse of the USSR (Brubaker, 1996; Brubaker, 1999). C. Calhoun examines how nationalism is associated with democracy, modernization, and identity. Emphasizes the role of public institutions - education, the public sphere in the formation of the nation as a social project (Calhoun, 2007). M. Billig in his work "Banal Nationalism" points out how nationalism is present in everyday life: in the language of the media, symbols, calendars, political and sports events (Billig, 1995). The nation constantly reproduces itself in banal nationalism. H. Mylonas explores various forms of nationalism, analyzing communities, narratives, and identities (Mylonas, 2023). A. Wimmer, using quantitative data, proves the artificial nature of the nation, studies the formation of nations in terms of networks of power and conflict (Wimmer, 2018).

Researchers of nationalism and nation-building in Kazakhstan largely continue the traditions of constructivism. The processes of nation-building in independent Kazakhstan are studied by S. Spehr and N. Kassenova (Spehr and Kassenova, 2012); E. Schatz (Schatz, 2000). Marlene Laruelle points out how three discursive paradigms of state identity are formed after the collapse of the Soviet Union: Kazakhness, Kazakhstaniness and transnationalism (Laruelle, 2015).

How do "imaginary" and "real" identities associated with state policy and the discourse of national identity interact in the countries of Central Asia? This question is raised by Rico

Isaacs and Abel Polese (Isaacs and Polese, 2017). The authors highlight the contested nature of state-building in Central Asia and focus on new or less traditional analytical tools for studying state-building, such as cinema, construction projects, and elections. The processes of forming an “imagined community” through cinema, street names, and the erection of monuments are studied by R. Isaacs (Isaacs, 2022), M. H. Kaşıkçı (Kaşıkçı, 2019), and A. Fauve (Fauve, 2015). S. Insebayeva and N. Insebayeva emphasize the role of the national anthem and national currency as key symbols linking symbolic politics with the formation of national identity (Insebayeva and Insebayeva, 2019).

Most researchers studying nation-building and nationalism in Kazakhstan use qualitative data. One of the studies that uses quantitative analysis is the study by D. Sharipova, A. Burkhanov and A. Alpeissova (e.g., Burkhanov, 2017). The researcher uses original data, builds regression models, analyzing which variables influence the formation of different types of nationalism: civic and ethnic.

This study also utilizes quantitative data. However, these are not survey data, but observations of street renamings starting from 1991. The author concludes that the process of street renaming in post-Soviet Kazakhstan is a complex and multifaceted phenomenon that combines centralized governance, ethnodemographic characteristics, and cultural-identification practices of various regions.

Data and Method

This study is based on a unique database encompassing the renaming of 6,832 streets across Kazakhstani cities from 1991 to 2019. The database includes renamings in 37 cities of independent Kazakhstan, comprising 3 cities of republican significance, 17 regional centers (14 during part of the period covered by the database), and 17 smaller towns (or 20 cities if Zhezkazgan, Konaev, and Semey are excluded from regional centers). The database has some limitations. First, it is not comprehensive; while it includes all major cities (those with at least regional center status), smaller towns are not fully represented. For instance, the database lacks information on smaller towns in the Aktobe region, such as Shalkar and Khromtau. Nevertheless, from the perspective of external validity, the database remains reliable, as it covers more than 90% of cases when considering streets as the unit of analysis. According to statistical guidelines, when using non-systematic sampling methods, such as the main array method, it is necessary to collect data on at least two-thirds of cases. In this instance, the proportion is well above this threshold.

Figure 2 illustrates the geographic distribution of these renamings across administrative-territorial units. As shown, the scale of renaming is highly uneven.

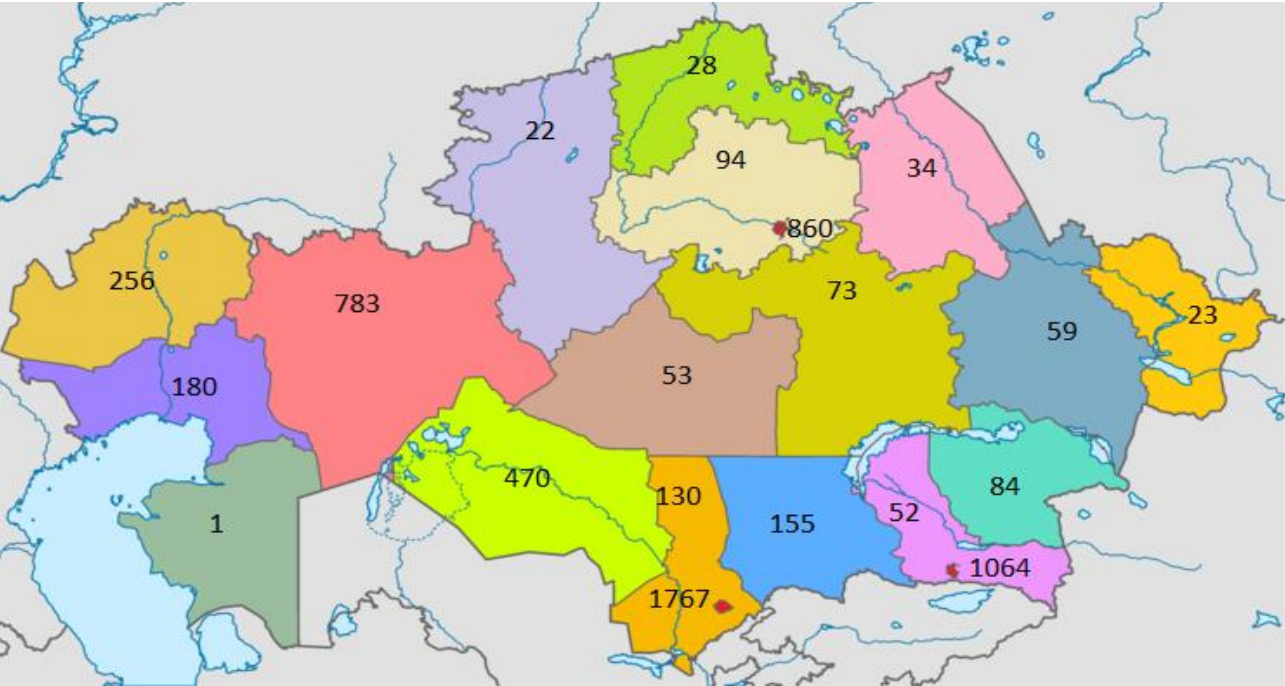

Fig. 2. Number of Street Renamings by Geographic Region.

Source: Renaming Database

In this context, a statistical analysis of influencing factors was conducted using correlation coefficients, specifically the Pearson correlation. For this analysis, the number of streets renamings in each locality was log-transformed using a decimal logarithm. Logarithmic transformation is a standard methodological approach to address data with high irregularity. For example, the number of renamings ranges from 1,767 in Shymkent to just one in Aktau, creating a large disparity that could potentially skew Pearson correlation results and lead to inaccurate estimates. After log transformation, the scale of variation narrows, with the values now spanning a single order (e.g., 3.25 for Shymkent and 0 for Aktau). It is worth noting that logarithmic transformation did not amplify but reduced the observed statistical effect, weakening the correlation strength and decreasing significance (though the results remained robust and statistically significant – see Table 1). Thus, while performing the analysis without logarithmic transformation might have demonstrated stronger effects, the transformation was applied to adhere to methodological rigor.

Table 1. Pearson Correlation between City Status and the Number of Street Renamings (with and without Logarithmic Transformation)

		Number of Renamings (without Logarithmic Transformation)	Number of Renamings (with Logarithmic Transformation)
Status of Administrative-Territorial Unit	Correlation: Significance:	0,67*** 0,000006	0,632*** 0,00003

Results

The results of the correlation analysis are presented in Table 2 and reveal the following pattern. The majority of street renamings occurred in cities of republican significance and regional centers, as indicated by a strong positive correlation (0.632***). This correlation shows a clear trend: most renamings take place first in cities of republican significance, followed by regional centers, and lastly in smaller towns.

Based on this, it can be concluded that efforts to reshape the symbolic space are conducted hierarchically and are largely centrally managed. The central elite is primarily interested in renaming within the major (or "main") cities of the country, with significantly less focus on smaller towns. A high proportion of renamings in smaller towns would indicate the presence of influential local elites, while a lower proportion suggests the passivity of local elites (or perhaps even their absence). At the very least, local elites appear to have little interest in transforming the symbolic space by incorporating the names of notable ancestors into street names.

Table 2. Main Factors Correlating with a High Proportion of Street Renaming

		Status of Administrative- Territorial Unit	The Proportion of the Russian Population
Number of Renamings	Correlation: Significance:	0,632*** 0,00003	-0,57*** 0,0002

Another significant correlation is with the proportion of the Russian (Slavic) population. In cities with a higher proportion of this ethnic group, the degree of renaming is lower, as indicated by a negative correlation coefficient. Although this coefficient is smaller than that associated with city status, it remains strong and statistically significant.

In our view, this finding suggests a more conservative approach by the state in shaping the symbolic space in cities with a high proportion of Slavic residents. Different levels of tribal activism among various Kazakh groups also influence this trend. According to a 2016 sociological study, "in a regional context, it is clear that Kazakhs living in the Western, Central, and Southern regions of the country place great importance on clan affiliation" (Zhusupova a, 2016; Zhusupova b, 2016). Conversely, for Kazakhs in Northern and Eastern Kazakhstan, regions where the Slavic population is also more concentrated, tribal activism is less pronounced, involving fewer clan gatherings and activities related to Kazakh genealogies.

In certain regions, some tribal associations, organized as public funds, make significant efforts to unite clan members through various means, such as holding clan congresses, writing and publishing books, erecting monuments, and renaming streets to honor notable clan figures. Such associations can heavily influence the street-renaming process. In Northern and Eastern regions, where interest in clan affiliation is lower, tribal activism is also less prominent.

The findings of the 2016 sociological survey are indirectly supported by data from the Kazakh Genealogy Forum, www.tumalas.kz, which lists experts on shezhire.

Information about the forum moderators is provided in the table below:

Table 3. Information about the forum moderators

№	Geography of Main Residence	Number of Moderators	Percentage of Total
1	Southern Kazakhstan (Senior (Uly) Zhuz and Konyrat and Sunak tribes)	31	33,3 %
2	Northern, Central, and Eastern Kazakhstan (Middle Zhuz without Konyrat tribe)	17	18,3 %
3	Western Kazakhstan (Junior Zhuz)	41	44,1 %
4	The Rest (Families living in different regions of Kazakhstan, general affairs editor)	4	4,3 %
	Total	93	100 %

Here, we observe that there are fewer representatives from the clans of Northern, Central, and Eastern Kazakhstan, despite the broad geographic scope.

Consequently, it can be said that the relatively lower importance of tribal activism in Northern, Central, and Eastern Kazakhstan reduces the impact of this factor on street renaming in these regions.

Conclusion

An analysis of renamed streets in Kazakhstan (1991 to 2019) revealed that the process of symbolic construction of urban space is carried out mainly in a centralized and hierarchical manner. A strong positive correlation between the administrative status of the city and the number of renamings shows that street names are most often changed in cities of republican significance and regional centers. This fact indicates the active role of central elites in the formation of the national symbolic space, while in small towns, such activity is significantly lower, which may indicate a weak influence or low interest of local elites.

The ethnic composition of the population is another factor that affects the intensity of renaming. If there is a certain proportion of Russian-speaking (Slavic) population, then the frequency of renaming is lower. This fact probably reflects a more cautious attitude of the state to national policy in such regions.

Also, regional differences in the tribal activity of Kazakhs play an important role. In regions with a strong interest in shezhire (Western, Southern, and partly Central Kazakhstan), clans have a significant impact on the symbolic renaming of streets. The name changes are often associated with famous representatives of local clans. On the contrary, in Northern and Eastern Kazakhstan, where interest in clan identity is weaker, the influence of such factors is minimal. In summary, the results emphasize the complex process of street renaming in modern Kazakhstan, which combines state, centralized management, ethnodemographic features, and cultural-identification practices of various regions of the country.

Funding: The research in this article was carried out with grant funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the BR21882266 “Study of the historical memory of the population and national construction policies in Kazakhstan during the years of Independence”.

Authors' contribution: In writing the article “The Nation through Cultural Artifacts: What Can Renaming Streets Tell Us about Nation-Building in Kazakhstan?” the author substantiated the concept of the study, formulated the main idea, and research objectives. The author also conducted a literature review on this topic. In planning the study, the author collected and analyzed primary data on street renaming. The author agrees to be accountable for all aspects of the work, proper investigation, and resolution of questions related to the reliability of the data or the integrity of all parts of the article.

References

- Anderson, B. (2020) Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. In *The new social theory reader* (pp. 282–288). Routledge.
- Brubaker, R. (1996) Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the new Europe. Cambridge University Press.
- Brubaker, R., et al. (1999) The Manichean myth: Rethinking the distinction between ‘civic’ and ‘ethnic’ nationalism. In *Nation and national identity: The European experience in perspective* (pp. 55–71).
- Billig, M. (1995). Banal nationalism.
- Calhoun, C. (2007) Nationalism and cultures of democracy. *Public Culture*, 19(1), 151–173.
- Fauve, A. (2015) «A tale of two statues in Astana: The fuzzy process of nationalistic city making», *Nationalities Papers*. <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2014.981745>
- Gellner, E. (2015) Nations and nationalism. In *Conflict after the Cold War* (pp. 378–389). Routledge.
- Hobsbawm, E. (2012) Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge University Press.
- Hobsbawm, E., & Ranger, T. (Eds.). (2012). *The invention of tradition*. Cambridge University Press.
- Insebayeva, S., and Insebayeva, N. (2021) «The power of ambiguity: National symbols, nation-building and political legitimacy in Kazakhstan» *Europe-Asia Studies*, 74(4), 660–682. <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1912296>
- Isaacs, R. (2022) *Film and identity in Kazakhstan: Soviet and post-Soviet culture in Central Asia*. Bloomsbury Academic
- Isaacs R. and Polese A. (2015) «Between “imagined” and “real” nation-building: Identities and nationhood in post-Soviet Central Asia», *Nationalities Papers*, 43(3), 371–382. <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2015.1029044>
- Kaşıkcı, M. V. (2019) «The Soviet and the post-Soviet: Street names and national discourse in Almaty», *Europe-Asia Studies*, 71(8), 1345–1366. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1641586>
- Laruelle, M. (2015) The three discursive paradigms of state identity in Kazakhstan: Kazakhness, Kazakhstanness, and transnationalism. In M. Omelicheva (Ed.), *Nationalism and identity construction in Central Asia: Dimensions, dynamics, and directions* (pp. xx-xx). Lexington Books.

Mann, M. (2005) *The dark side of democracy: Explaining ethnic cleansing*. Cambridge University Press.

Mylonas, H., & Tudor, M. (2023) *Varieties of nationalism: Communities, narratives, identities*. Cambridge University Press.

Schatz, E. (2000) «The politics of multiple identities: Lineage and ethnicity in Kazakhstan», *Europe-Asia Studies*, 52(3), 489–506. <https://doi.org/10.1080/713663070>

Sharipova, D., Burkhanov, A., & Alpeissova, A. (2017) «The determinants of civic and ethnic nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the grass-roots level», *Nationalism and Ethnic Politics*, 23(2), 203–226. <https://doi.org/10.1080/13537113.2017.1311143>

Smith, A. D. (2009) *Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach*. Routledge.

Spehr, S. and Kassenova, N. (2012) «Kazakhstan: Constructing identity in a post-Soviet society», *Asian Ethnicity*, 13(2), 135–151. <https://doi.org/10.1080/14631369.2012.638802>

Wimmer, A. (2018) *Nation building: Why some countries come together while others fall apart*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77kjh>

Жусупова, А. С. (2016). Отчет по итогам проведения социологического исследования по теме: «Ценностные и социально-политические установки казахов в Казахстане». Институт мировой экономики и политики. Алматы.

Жусупова, А. (2016). Казахи в современном Казахстане: динамика ценностных, культурных установок. *Казахстан в глобальных процессах*, 4, 63–75. TUMALAS. www.tumalas.kz

А.Н. Родионов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Мәдени жәдігерлер арқылы ұлтты тану: Қазақстандағы көше атауларын өзгерту ұлт қалыптастыру үдерісі туралы не айта алады?

Аңдатпа. Қазақстан посткеңестік кезеңде символдық қала кеңістігін қайта құру, соның ішінде көше атауларын жаппай ауыстыру арқылы өзінің ұлттық бірегейлігін белсенді түрде қалыптастыруда. Бұл мақалада 1991–2019 жылдар аралығында қазақ қалаларындағы көше атауларын өзгерту үдерісі сандық әдістерді қолдану арқылы, атауларды өзгертуге қатысты 6 832 жағдайды қамтитын бірегей дерекқор негізінде талданады. Сапалық талдауға немесе жекелеген қалаларды зерттеуге бағытталған қазіргі зерттеулердің көпшілігінен айырмашылығы, бұл зерттеу атауларды өзгерту қарқындылығына әсер ететін факторлардың жүйелі статистикалық талдауын ұсынады. Зерттеу нәтижелері атауларды өзгерту ең көп орын алған қалалар – республикалық маңызы бар қалалар мен облыс орталықтары екенін көрсетті. Бұл өз кезегінде мемлекеттік рәміздік саясаттың орталықтандырылған әрі иерархиялық сипатын айғақтайды. Этникалық құрам да маңызды фактор болып табылады: славян халқының жоғары үлесі бар қалаларда көше атаулары сирек өзгереді, бұл этникалық құрамы аралас өңірлердегі символдық трансформацияға қатысты мемлекеттің сақтық саясатымен түсіндірілуі мүмкін. Сонымен қатар, елдің оңтүстік және батыс өңірлерінде көрнекті ру өкілдерінің құрметіне көше атауларын өзгерту кезінде тайпалық бірлестіктер белсенді рөл атқаратыны анықталды. Ал рулық ерекшеліктер

азырақ байқалатын солтүстік және шығыс аймақтарда мұндай ықпал әлдеқайда төмен. Мақалада топонимдер сынды мәдени жәдігерлердің мемлекет құру үдерісіндегі маңыздылығы көрсетіліп, оны сандық әдістер арқылы зерттеудің жаңа тәсілдері ұсынылады.

Негізгі ұғымдар: ұлт, ұлтшылдық, ұлт-құрылыс, рәміздер, көше атаулары, «елестетілген қауымдастық», примордиалистік байланыстар, конструктивизм

А.Н. Родионов

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Нация через культурные артефакты: что переименование улиц может рассказать нам о формировании нации в Казахстане?

Аннотация. Современный Казахстан активно формирует национальную идентичность посредством изменений символов городского пространства, в том числе массовое переименование улиц. В данной статье проводится анализ процесса переименования улиц в городах Казахстана в период с 1991 по 2019 годы. В статье представлена уникальная база данных по 6 832 случаям переименований. Большинство существующих исследований, изучающих Казахстан по данной тематике, сосредоточены на качественном анализе или на изучении отдельных городов. Данная работа предлагает систематическое статистическое исследование факторов, влияющих на интенсивность переименований с использованием количественных методов. Результаты исследования показывают, что чаще переименования улиц происходят в городах республиканского значения и региональных центрах. Данный тренд свидетельствует о централизованном и иерархическом характере национальной символической политики. Еще один фактор, влияющий на политику переименования, - этнический состав населения. В городах с высоким процентом славянского населения переименования происходят реже, что скорее всего иллюстрирует осторожную политику государства в отношении символических изменений в этнически смешанных регионах. Кроме того, в южных и западных регионах Казахстана в практиках переименования улиц выявлена активная роль родоплеменных объединений. В данных регионах часто улицы называются в честь выдающихся представителей родов, тогда как в северных и восточных областях, где родовая идентичность выражена слабее, их влияние минимально. Статья демонстрирует значимость культурных артефактов, таких, как топонимы, в процессе нациостроительства и предлагает новые исследовательские подходы на основе количественного анализа.

Ключевые слова: нация, национализм, строительство наций, символы, название улицы, «воображаемое сообщество», примордиалистские связи, конструктивизм.

References

- Anderson, B. (2020) Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. In The new social theory reader (pp. 282–288). Routledge.
- Brubaker, R. (1996) Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the new Europe. Cambridge University Press.

- Brubaker, R., et al. (1999) The Manichean myth: Rethinking the distinction between 'civic' and 'ethnic' nationalism. In *Nation and national identity: The European experience in perspective* (pp. 55–71).
- Billig, M. (1995). Banal nationalism.
- Calhoun, C. (2007) Nationalism and cultures of democracy. *Public Culture*, 19(1), 151–173.
- Fauve, A. (2015) «A tale of two statues in Astana: The fuzzy process of nationalistic city making», *Nationalities Papers*. <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2014.981745>
- Gellner, E. (2015) Nations and nationalism. In *Conflict after the Cold War* (pp. 378–389). Routledge.
- Hobsbawm, E. (2012) Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge University Press.
- Hobsbawm, E., & Ranger, T. (Eds.). (2012). *The invention of tradition*. Cambridge University Press.
- Insebayeva, S., and Insebayeva, N. (2021) «The power of ambiguity: National symbols, nation-building and political legitimacy in Kazakhstan» *Europe-Asia Studies*, 74(4), 660–682. <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1912296>
- Isaacs, R. (2022) *Film and identity in Kazakhstan: Soviet and post-Soviet culture in Central Asia*. Bloomsbury Academic
- Isaacs R. and Polese A. (2015) «Between “imagined” and “real” nation-building: Identities and nationhood in post-Soviet Central Asia», *Nationalities Papers*, 43(3), 371–382. <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2015.1029044>
- Kaşıkcı, M. V. (2019) «The Soviet and the post-Soviet: Street names and national discourse in Almaty», *Europe-Asia Studies*, 71(8), 1345–1366. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1641586>
- Laruelle, M. (2015) The three discursive paradigms of state identity in Kazakhstan: Kazakhness, Kazakhstanness, and transnationalism. In M. Omelicheva (Ed.), *Nationalism and identity construction in Central Asia: Dimensions, dynamics, and directions* (pp. xx–xx). Lexington Books.
- Mann, M. (2005) *The dark side of democracy: Explaining ethnic cleansing*. Cambridge University Press.
- Mylonas, H., & Tudor, M. (2023) *Varieties of nationalism: Communities, narratives, identities*. Cambridge University Press.
- Schatz, E. (2000) «The politics of multiple identities: Lineage and ethnicity in Kazakhstan», *Europe-Asia Studies*, 52(3), 489–506. <https://doi.org/10.1080/713663070>
- Sharipova, D., Burkhanov, A., & Alpeissova, A. (2017) «The determinants of civic and ethnic nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the grass-roots level», *Nationalism and Ethnic Politics*, 23(2), 203–226. <https://doi.org/10.1080/13537113.2017.1311143>
- Smith, A. D. (2009) *Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach*. Routledge.
- Spehr, S. and Kassenova, N. (2012) «Kazakhstan: Constructing identity in a post-Soviet society», *Asian Ethnicity*, 13(2), 135–151. <https://doi.org/10.1080/14631369.2012.638802>
- Wimmer, A. (2018) *Nation building: Why some countries come together while others fall apart*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77kix>
- ZHusupova, A. S. (2016). Otchet po itogam provedeniya sociologicheskogo issledovaniya po teme: «Cennostnye i social'no-politicheskie ustanovki kazahov v Kazahstane». Institut mirovoj ekonomiki i politiki. Almaty.
- ZHusupova, A. (2016). Kazahi v sovremennom Kazahstane: dinamika cennostnyh, kul'turnyh ustanovok. *Kazahstan v global'nyh processah*, 4, 63–75. TUMALAS. www.tumalas.kz

Information about authors

Rodionov A.N. – Ph.D. in sociology, senior lecturer, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Авторлар туралы мәлімет

Родионов А.Н. – Ph.D. әлеуметтану мамандығы бойынша, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, әлеуметтану кафедрасының аға оқытушысы, Гумилев, Астана, Қазақстан.

Сведения об авторах

Родионов А.Н. – Ph.D. по социологии, старший преподаватель кафедры социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

IRSTI 04.51.25
Scientific article

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-158-172>

Social status of professions in Kazakhstan: the role of corporate social responsibility and investment policy

K.S. Tel^{ID}, B.Zh. Smagambet*^{ID}

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: kuanysh.tel.akx@gmail.com, smagambetb@gmail.com)

Abstract: In modern Kazakhstani society, the social status of occupations is determined not only by wage levels but also by public recognition, career growth prospects, and the degree of business involvement in developing the nation's human capital. Corporate social responsibility (CSR) and investment policy play a crucial role in shaping public opinion about the prestige of different professions. This article explores how CSR and investment policies influence the social status of professions in Kazakhstan. While existing studies have addressed CSR from an ethical or economic perspective, its sociological effects, particularly on professional prestige, remain understudied. The study employs a qualitative case study design, focusing on Tengizchevroil LLP (TCO), one of the country's largest foreign investors. Drawing on TCO's 2023 Corporate Responsibility Report and related public documents, the analysis demonstrates how targeted investments in human capital, education, and local infrastructure contribute to enhancing the public image of various occupational groups. The findings indicate that CSR and investment strategies not only improve material conditions but also act as cultural and symbolic drivers of occupational valorization. The article contributes to broader debates on sustainable development, labor market transformation, and the role of business in shaping social hierarchies in post-Soviet contexts.

Keywords: Corporate Social Responsibility, Investment Policy, labor market, Human Capital Development, Sustainable Development.

Introduction

This study explores the growing role of corporate social responsibility (CSR) and investment policies in shaping Kazakhstan's labor market and professional hierarchy. While previous research has extensively examined CSR in the context of business ethics and sustainable development, limited attention has been given to its impact on the perceived prestige of various professions. This article seeks to fill that gap by analyzing how corporate initiatives and government policies influence the attractiveness of different occupational fields and workforce distribution in Kazakhstan.

The social status of professions is a key indicator of societal values and development priorities, reflecting the cultural and economic trajectory of a country. In Kazakhstan, amid economic modernization, digitalization, and global challenges, public perceptions of different professions are undergoing significant transformation. At the same time, both CSR and corporate investment strategies play an increasingly important role in shaping these perceptions. Companies, by implementing social initiatives, influence not only the broader community but also the career preferences of young people by supporting the development of specific industries through educational programs, scholarships, and infrastructure investments. In parallel, the investment policies of the state and the private sector generate demand for highly qualified personnel in strategic sectors, creating new dynamics in the labor market.

This research examines the relationship between CSR, investment policies, and professional prestige in Kazakhstan. The main objectives include:

- to examine how corporate initiatives in CSR and investment contribute to the public perception and prestige of professions;
- to identify specific mechanisms through which business actions influence labor market structures and career preferences;
- and to evaluate the role of a major corporate actor, Tengizchevroil LLP (TCO) in shaping local human capital through targeted social and infrastructural programs.

To achieve these objectives, the study adopts a qualitative case study approach, combining document-based analysis and a structured review of a selected company. The case of TCO, a major foreign investor operating in Kazakhstan, provides concrete insights into how CSR and investment efforts can enhance the public perception and social value of certain professions.

By examining TCO's long-standing programs in human capital development, social infrastructure, and local community support, the study offers empirical grounding for understanding the mechanisms through which corporate actions influence occupational prestige.

The study is guided by the hypothesis that CSR initiatives and targeted investment policies significantly influence the social status of professions in Kazakhstan by shaping public perceptions, directing labor market incentives, and fostering the development of human capital in priority sectors of the economy.

The significance of this study lies in its contribution to labor policy discussions, educational reforms, and business strategies aimed at fostering a more sustainable and equitable workforce distribution. By identifying best practices and potential pitfalls in CSR-driven labor

market interventions, the research provides valuable insights for both academic and practical applications.

The study's findings can be utilized by policymakers to refine employment strategies, by educational institutions to adapt curricula to evolving labor demands, and by businesses to align CSR efforts with long-term workforce development goals.

Literature Review

In a rapidly developing economy and society, questions of the social status of professions and the responsibilities associated with them are particularly relevant. As Kazakhstan strives for high competitiveness on the global stage, it faces the need for comprehensive solutions to a range of issues related to labor market development and the professional orientation of the population. Understanding how the public evaluates different professions and which fields are considered the most prestigious and socially responsible allows for the formulation of effective state policies in employment and education.

Research interest in CSR has grown substantially since the 2000s, demonstrating increased attention to businesses' social responsibility and their interaction with society (Fernández-Gago, Cabeza-García and Godos-Díez, 2020, p. 1809). This shows that issues of social responsibility are becoming an important aspect for many occupations, especially in the corporate environment.

On the global stage, CSR typically encompasses ethical standards, environmental stewardship, and contributions to sustainable development. As society increasingly demands transparency and accountability, CSR has become a key aspect of business reputation and legitimacy (Kolk, 2016, p. 23). Scholars such as Kolk (2016) highlight the need for international corporations to align CSR strategies with local market dynamics, often through collaboration with communities and public institutions. In Kazakhstan, comparable tendencies are emerging, where companies engage in initiatives that enhance employee welfare and promote skills development. However, CSR frameworks must be sensitive to the distinctive political, economic, and cultural landscapes of each region. For instance, in Central and Eastern Europe, the legacy of socialism and communism continues to shape public expectations and CSR priorities (Kopp, 2015, p. 453).

Embedding CSR into a company's strategic framework contributes not only to enhanced business performance but also to the strengthening of corporate reputation and social legitimacy (Tayşir and Pazarcık, 2013, p. 294). In the context of Kazakhstan, such integration can positively impact the perception of various professions, especially when businesses support social initiatives aimed at improving labor conditions. Although small and medium-sized enterprises (SMEs) may lack a formal CSR structure, they often exhibit strong ethical principles in their interactions with employees and clients. This trend is reflected in Kazakhstan, where CSR practices and professional recognition often differ based on company size and operational sector (Чеглакова, Л.М., Батаева, Б.С. и Мелитонян, О.А., 2018, с. 63). Leading organizations tend to exceed legal compliance by voluntarily adopting safety protocols and fostering supportive workplace environments, which in turn elevates the public image of professions connected to those improvements (Sujová and Čierna, 2016, p. 289). These efforts can play a significant role in reshaping how certain occupations are valued within Kazakhstani society. Furthermore,

the adoption of international CSR standards such as the Global Reporting Initiative (GRI) and the Extractive Industries Transparency Initiative (EITI) is gaining traction in Kazakhstan. These frameworks offer guidance for advancing CSR practices, particularly in areas tied to environmental and social development (Voronkova et al., 2020, p. 2170).

CSR is often a response to pressure from stakeholders, including foreign investors, which elevates the role of professionals working in such environments to ensure compliance with and successful implementation of CSR initiatives. This underlines that certain professions, especially in global companies, are closely tied to expectations in the realm of CSR (Guo and Zheng, 2021, p. 508). CSR efforts can have a significant impact on the development of professional fields such as education and infrastructure. For example, a case study of Telekom Malaysia Berhad shows that active development of educational initiatives to support information and communication technology (ICT) professions can benefit both the company and society (Abdul Hamid, Atan, and Saleh, 2014, p. 600). CSR also influences professional roles within a company: socially responsible companies typically offer better working conditions and create opportunities for career growth. This directly affects the perception of some professions, as companies with strong CSR practices are seen as more attractive employers, thereby raising the status of professions in those sectors.

In the era of sustainable development, both professionals and companies are increasingly expected to adhere to elevated ethical standards, particularly in alignment with the Sustainable Development Goals (SDGs). This expectation enhances the reputation of occupations that are directly engaged with CSR, including those focused on environmental sustainability and human resource management (Matytsin, Petrenko, and Saveleva, 2022, p. 1). In family-run businesses, professionals often act as key agents of ethical leadership, guiding CSR efforts even under challenging circumstances. Their expertise and value-driven decision-making significantly influence the incorporation of CSR into organizational practices, thereby increasing their internal status and perceived responsibility (Rivo-López et al., 2021, p. 2041).

Kumar (2022) argues that social responsibility is becoming an essential element of contemporary professional norms, contributing to long-term organizational and societal success, a viewpoint especially relevant within the broader sustainability discourse (Oliinyk et al., 2023, p. 5608). Moreover, CSR often serves as an attractive feature for professionals who prioritize meaning and ethical purpose in their careers. This is particularly true for younger generations, who tend to favor employment with companies demonstrating clear social commitments. Consequently, those employed in CSR-active environments are often viewed with higher regard due to their participation in socially meaningful work (Kumar, Kumar, and Behura, 2022, p. 214).

Schreck (2009) points out that corporate accountability, especially in social and environmental domains, is increasingly expected. This principle also extends to specific professions, as societal perception frequently hinges on the tangible contributions those professions make to public welfare. Fields such as healthcare, education, and law exemplify this overlap between professional ethics and public trust, where adherence to social obligations forms a core part of professional identity (Schreck, 2009). Williams (2013) frames CSR as a shift from a purely profit-driven business model to one that acknowledges wider societal impacts. This broader perspective also reshapes the understanding of professional responsibility, emphasizing not

just technical performance but the social significance of one's work as seen in the roles of doctors, educators, and similar vocations (Williams, 2013).

Materials and Methods

This study adopts a qualitative case study research design, which allows for an in-depth exploration of how CSR and investment policy influence the social status of professions in Kazakhstan. Following the methodological framework proposed by Yin (2018), the case study approach is particularly suitable for answering explanatory questions such as “how” and “why,” especially when the boundaries between the phenomenon and its context are not clearly defined (Yin, 2018). In this research, the case study method enables the investigation of concrete mechanisms through which corporate actions shape public perceptions and professional hierarchies in a real-world setting.

Case Selection Rationale

The selected case is TCO, a major oil and gas joint venture in Kazakhstan and one of the country's largest foreign investors. TCO was chosen due to its long-standing economic presence, comprehensive CSR programming, and publicly available documentation. The company serves as a typical (instrumental) case, offering an illustrative context to test the hypothesis that CSR and investment efforts can positively influence occupational prestige and the development of human capital.

Research Question and Hypothesis

The central research question is:

How do corporate CSR and investment policies influence the social status and public recognition of professions in Kazakhstan's regional and national contexts?

Based on this, the study hypothesizes that CSR and investment policies implemented by corporate actors can positively influence occupational prestige by reshaping public perceptions, strengthening professional infrastructure, and fostering human capital development in key economic sectors.

Data Sources

The primary data source is the 2023 Corporate Responsibility Report published by Tengizchevroil LLP, which details the company's strategic activities in the areas of workforce development, community investment, and social infrastructure. Supplementary materials include publicly accessible information from TCO's official website and government reports. These sources provide a triangulated evidence base for evaluating the CSR practices and investment priorities of the company, particularly as they relate to human capital formation and labor market development.

Analytical Procedures

The case study analysis was conducted through a multi-stage process:

7. Document Review of the TCO 2023 report, coded thematically around three key areas: human capital development, education and healthcare infrastructure, and community initiatives.

8. Data Extraction of program outcomes, financial commitments, and implementation indicators.

9. Thematic Interpretation linking each category to indicators of professional prestige.

10. Integration with the study's hypothesis and theoretical model.

Scope and Limitations

This case study is designed for analytical generalization, not statistical generalization. Its goal is to offer a deep contextual understanding of the mechanisms through which CSR and investment influence occupational prestige in a transitioning economy.

The following section presents the case of TCO in detail, illustrating how CSR and investment strategies are operationalized and how they relate to the social status of professions in practice.

Case Study: Tengizchevroil LLP

Company Profile and Case Context. TCO is one of Kazakhstan's largest oil producers and a major foreign joint venture. Operating in the Atyrau region since the early 1990s, TCO has implemented comprehensive CSR strategies while maintaining a dominant role in the national energy sector. As of 2023, 95% of TCO's core production roles and 87% of managerial positions were held by Kazakhstani citizens. Over 450 expatriates have been replaced by local specialists since 2007, demonstrating the company's long-standing commitment to workforce localization and skill development.

CSR Infrastructure and Community Investment. TCO's CSR strategy encompasses infrastructure development, social investments, and inclusive decision-making. The company's flagship initiative, the Igilik Program, focuses on the construction and modernization of essential facilities. In 2023, its US\$25 million budget financed projects such as a 350-seat school expansion in Tushchykuduk, the renovation of a secondary school in Atyrau, and a 75-bed hospital in Kulsary (Tengizchevroil LLP, 2023).

Complementing this is the Social Investment Program, launched in 2010. It supports education, healthcare, and cultural heritage projects proposed by NGOs. The program operates via a transparent, two-stage evaluation process and reflects an institutionalized approach to business-community partnerships. In 2023, it financed 21 projects with a US\$2.5 million budget, demonstrating sustained engagement in regional development.

Human Capital Development and Workforce Strategy. Internally, TCO prioritizes the professional growth of local employees. Its key initiatives include the Horizons Program for early-career specialists, leadership pipelines, and succession planning. The company also offers scholarships and certification opportunities to ensure alignment between employee competencies and technical requirements.

To meet broader labor market needs, TCO collaborates with regional authorities. A notable example is its vocational retraining initiative, implemented with the Atyrau Region Akimat. Since 2019, over 1,200 participants have completed 2–4 month courses in 11 technical specialties through APEC PetroTechnic College and Aktau Training Center, with 751 of them gaining employment (Ak Zhaik News, 2023). This initiative addresses both unemployment and future skills demand in the industrial sector.

Symbolic and Generational Impacts. Beyond material benefits, TCO's CSR contributes to reshaping professional aspirations. Programs like STEAM laboratories, youth robotics

competitions, and skills camps promote engineering, education, and technology careers among younger generations. These symbolic investments frame certain professions as innovative, future-oriented, and socially valuable, thereby helping to shift long-standing hierarchies in occupational prestige.

Key Findings. The TCO case illustrates how CSR and investment policies can be used as tools of social transformation. Through sustained and structured engagement, the company elevates the status of both internal roles (technical staff, engineers, managers) and external professions (teachers, doctors, community leaders). TCO's integration of business goals with public development objectives reinforces the theoretical argument that corporate actors in transitional economies are capable of shaping labor market perceptions and contributing to the societal valorization of work.

Results and Discussion

In 2025, Kazakhstan is facing a transformation of its labor market driven by global technological and economic changes. According to forecasts by the Ministry of Science and Higher Education, the emergence of new professions will address challenges related to digitalization, sustainable development, and automation of production. In the agriculture sector, demand will grow for innovative bioproduct technologists, agronomist-economists, and agro-informatics specialists focusing on automation and robotics. Specialists in environmentally friendly packaging and robotics operators will also play important roles, reflecting the trend toward sustainable development and digital transformation in agriculture. The construction industry is likewise adapting to new requirements. There is expected to be an increased need for digital design professionals (BIM specialists), engineers specializing in energy-saving technologies, and developers of eco-friendly building materials. UAV (drone) dispatchers and robotics technicians will become significant positions, indicating the rising influence of technology on construction processes. The mining and metallurgical sector exhibits similar trends. This includes demand for drone operators to monitor production processes and conduct geological exploration, blockchain technology specialists, and supervisors for equipment modernization. It is also projected that by 2030, there will be a need for managers to optimize logistics chains and engineers to upgrade industrial equipment in this sector.

These changes underscore the necessity of reforming the education and professional training system. Kazakhstan is already taking steps in this direction, having declared 2025 as the Year of Working Professions to increase the prestige of vocational and technical specialties and to modernize technical and vocational education (Правительство Республики Казахстан, 2022). This initiative reflects the state's desire to elevate the status of technical and blue-collar occupations and to adapt educational programs to the new requirements of the labor market. The development of such professions in Kazakhstan is influenced not only by the country's internal needs but also by global trends related to sustainable development, the digital economy, and technological innovation.

The integration of new professions is closely related to the active involvement of foreign investment in Kazakhstan. Foreign companies planning their activities in the country create a

demand for qualified personnel capable of working with advanced technologies and innovative solutions. Investments in sectors such as green energy, infrastructure, mining industry and information technologies require new competencies, which stimulates the modernization of the educational system. Thus, the development of the labor market and Kazakhstan's investment policy form complementary processes that ensure sustainable economic growth and prepare the workforce for future global challenges.

Kazakhstan has positioned itself as a leading destination for foreign direct investment (FDI) in Central Asia, accounting for over 60% of the region's total inflows as of 2023 (Правительство Республики Казахстан, 2024). The country's appeal is driven by political stability, favorable geographic location, and active government efforts to modernize the institutional environment. Key reforms have included simplified administrative procedures, the establishment of the Astana International Financial Centre (AIFC), and the introduction of investment ombudsmen and long-term project agreements. These initiatives are aimed at ensuring legal transparency and building investor confidence.

Recent years have seen a strategic emphasis on attracting FDI into sectors aligned with sustainable development goals, particularly green energy, digital infrastructure, and industrial modernization. Alongside this, the government has introduced tax incentives, customs exemptions, and partial cost reimbursements for large-scale projects. These measures reinforce Kazakhstan's ambition to integrate social development objectives into its economic planning.

This evolving investment ecosystem forms the institutional backdrop for CSR-driven transformations at the company level. These macro-level developments in Kazakhstan's investment landscape provide the structural backdrop for understanding how foreign companies implement CSR in practice. Among the most prominent examples is TCO, a long-standing joint venture that has operationalized CSR across multiple domains. The following case illustrates how such investment-driven engagement can shape public perceptions of occupational prestige, workforce development, and societal value creation.

Thus, the investment climate of Kazakhstan is characterized by a favorable combination of political and economic stability, strategic geographical location and progressive institutional environment, which makes the country competitive in the global investment arena.

The findings from the case of TCO provide empirical grounding for the central hypothesis of this study: that CSR and investment policies influence the social status of professions in Kazakhstan. Rather than serving solely as economic mechanisms, these practices shape both institutional expectations and symbolic recognition within the labor market.

TCO's multifaceted approach illustrates how internal workforce development and external social investments can reinforce each other. Professional training, leadership development, and succession planning create upward mobility within the company, while public infrastructure programs (e.g., in education and healthcare) amplify the social importance of service-sector professions. These mechanisms align with the institutional theory (North, 1990; Scott, 2001), where corporate actors simultaneously respond to and reshape societal norms.

This dynamic is further supported by Carroll's CSR Pyramid (1991), particularly in the ethical and philanthropic dimensions. TCO's voluntary, non-commercial initiatives targeted toward human development extend beyond legal obligations and reflect a strategic investment in societal

value. By associating teaching, healthcare, and technical professions with well-resourced, future-oriented institutions, the company enhances its public visibility and desirability.

Moreover, the symbolic influence of CSR should not be overlooked. Programs like STEAM laboratories and youth training contests not only develop skills but also reposition entire professions in engineering, robotics, and education as modern, respected, and aspirational. These indirect effects help foster a generational shift in professional preferences and address long-standing biases against manual and technical labor.

From a policy perspective, TCO's model reflects the kind of public-private synergy that Kazakhstan's investment framework seeks to promote. CSR, in this context, is not an auxiliary activity, but a governance tool that translates economic presence into human capital gains and social recognition.

Beyond corporate-driven initiatives, Kazakhstan's national discourse on labor plays an important role in shaping societal perceptions of occupational prestige. A study by the Kazakhstan Institute of Public Development explores public attitudes toward the ideology of "Enbek Adamy" ("Person of Labor") and evaluates how citizens assign value and trust to various professions (Kazakhstan Institute of Social Development, 2023).

The research reveals that high-status professions are typically associated with income level, job security, and opportunities for career growth. Occupations in education, medicine, and agriculture consistently rank among the most trusted, reflecting their perceived contribution to public well-being and long-term societal development. In contrast, lower levels of trust are observed in fields such as civil service, advertising, and digital content creation, suggesting a gap in perceived value and institutional legitimacy. These findings align with broader cultural values in Kazakhstan, where professional respect is closely tied to societal benefit. Respondents also describe the image of a "working person" as someone who not only earns a living but contributes meaningfully to community development. This reinforces the relevance of the "Enbek Adamy" ideology and highlights a collective demand to elevate the visibility and prestige of blue-collar and vocational labor.

Notably, these perceptions intersect with corporate interventions. Tengizchevroil's CSR strategy through investments in technical education, healthcare, and teacher training supports the very professions most highly valued by the public. This alignment suggests that well-designed CSR programs can both respond to and reinforce cultural attitudes about the dignity of work. By doing so, they help bridge the gap between national ideals and labor market realities.

Kazakhstanis' perception of the image of a working person varies. The most common idea is of a person who works for the benefit of society, but at the same time values material goods. Some respondents interpret it as an individual for whom work is not only a way to earn money, but also a form of self-realization. The overwhelming majority of respondents support the promotion of the ideology, which indicates a demand from society to raise the status of labor and recognize the value of blue-collar jobs. The ideology of "Enbek Adamy" is perceived as relevant and useful. Respondents believe that professions related to helping people most accurately embody the spirit of this ideology, referring to such professions as doctors and teachers. At the same time, online professions such as consultants, bloggers and freelancers also find their place in this ideological context, which indicates the growth of their importance in modern society.

The findings also reflect Hofstede's cultural dimensions, particularly in relation to power distance and uncertainty avoidance. By localizing high-level roles and promoting STEM education among youth, TCO contributes to reducing hierarchical barriers and preparing communities for knowledge-based development, thus subtly shifting cultural attitudes toward autonomy, merit, and technical expertise.

Taken together, the case supports the view that CSR and investment policies are not merely economic instruments but also vehicles of social structuration. In post-Soviet contexts like Kazakhstan, where the role of business in social development is still evolving, such interventions can redefine both opportunity structures and value hierarchies. This theoretical integration reinforces the argument that corporate actors influence not only what people do for a living but also how society values those occupations.

While this study is limited to a single case, it offers analytical generalization and a strong foundation for future empirical work. Comparative case studies or population-based perception surveys could further clarify the mechanisms by which CSR affects occupational status across regions, industries, and demographic groups.

Conclusion

This study has examined the intersection of corporate social responsibility (CSR), investment policy, and the social status of professions in Kazakhstan, using the case of TCO as an empirical reference point. The analysis demonstrates that CSR initiatives and targeted investments by foreign companies can significantly contribute not only to economic development but also to the revaluation of professions that are crucial for long-term social sustainability.

By financing education and healthcare infrastructure, supporting technical and vocational training, and fostering public-private partnerships, TCO has contributed to the elevation of traditionally undervalued professions such as teachers, healthcare workers, and skilled technical labor. These contributions were not limited to direct financial investments but also included the creation of institutional mechanisms such as structured training systems, grant-based initiatives, and NGO collaborations that enhance both the material and symbolic value of these roles.

The findings also suggest that corporate actors can influence labor market perceptions and professional hierarchies by aligning business strategies with social development priorities. This confirms the relevance of institutional and stakeholder theories in understanding CSR's role within transitional economies. The empirical evidence supports the view that CSR, when integrated into long-term corporate planning, can act as a mechanism for shaping human capital and fostering public trust in socially significant occupations.

While this research focuses on a single case, it provides a basis for analytical generalization and opens avenues for further study. Future research may apply a comparative case approach or incorporate primary data (e.g., interviews or surveys) to assess the broader applicability of these findings across sectors and regions. Nonetheless, the example of TCO illustrates that CSR can serve not only economic objectives, but also as a lever for social transformation, especially in emerging economies such as Kazakhstan.

Author Contributions:

Kuanysh Tel – data collection, analysis, interpretation of results, writing the text and critically revising its intellectual content.

Smagambet Bayan – a significant contribution to the concept, approval of the final version of the manuscript for publication.

References

- Abdul Hamid, F.Z., Atan, R. and Saleh, M.S.M. (2014) 'A case study of corporate social responsibility by Malaysian government link company', *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 164, pp. 600–605. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.11.152>
- Fernández-Gago, R., Cabeza-García, L. and Godos-Díez, J.-L. (2020) 'How significant is corporate social responsibility to business research', *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 27(4), pp. 1809–1817. <https://doi.org/10.1002/csr.1927>
- Guo, M. and Zheng, C. (2021) 'Foreign ownership and corporate social responsibility: Evidence from China', *Sustainability*, 13(2), p. 508. <https://doi.org/10.3390/su13020508>
- Kolk, A. (2016) 'The social responsibility of international business: From ethics and the environment to CSR and sustainable development', *Journal of World Business*, 51(1), pp. 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.08.010>
- Kopp, H. (2015) 'Corporate social responsibility in modern Central and Eastern Europe', in Idowu, S.O. (ed.) *CSR, Sustainability, Ethics and Governance*. Cham: Springer, pp. 453–471. https://doi.org/10.1007/978-3-319-10311-2_31
- Kumar, A., Kumar, A. and Behura, A.K. (2022) 'The strategic corporate social responsibility (CSR) for sustainable corporate business', *WISDOM*, 23(3), pp. 214–224. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v23i3.855>
- Matytsin, D.E., Petrenko, Y.S. and Saveleva, N.K. (2022) 'Corporate social responsibility in terms of sustainable development: Financial risk management implications', *Risks*, 10(206), pp. 1–24. <https://doi.org/10.3390/risks10110206>
- Oliinyk, O., Mishchuk, H., Vasa, L. and Kozma, K. (2023) 'Social responsibility: Opportunities for integral assessment and analysis of connections with business innovation', *Sustainability*, 15(6), p. 5608. <https://doi.org/10.3390/su15065608>
- Rivo-López, E., Villanueva-Villar, M., Michinel-Álvarez, M. and Reyes-Santías, F. (2021) 'Corporate social responsibility and family business in the time of COVID-19: Changing strategy?', *Sustainability*, 13(4), p. 2041. <https://doi.org/10.3390/su13042041>
- Schreck, P. (2009) *The business case for corporate social responsibility: Understanding and measuring economic impacts of corporate social performance*. Berlin: Springer.
- Sujová, E. and Čierna, H. (2016) 'Parallels between corporate social responsibility and safety culture', *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 288, pp. 289–294. <https://doi.org/10.15414/isd2016.s4.07>
- Tayşir, E.A. and Pazarcık, Y. (2013) 'Business ethics, social responsibility and corporate governance: Does the strategic management field really care about these concepts?', *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 99, pp. 294–303. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.497>

Voronkova, O.Y., Melnik, M.V., Nikitochkina, Y.V., Tchuykova, N.M., Davidyants, A.A. and Titova, S.V. (2020) 'Corporate social responsibility of business as a factor of regional development', *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 7(3), pp. 2170–2180. [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.7.3\(47\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.7.3(47))

Williams, O.F. (2013) *Corporate social responsibility: The role of business in sustainable development*. London: Routledge.

Yin, R.K. (2018) *Case study research and applications: Design and methods*. 6th edn. Thousand Oaks, CA: Sage.

Ак Zhaik News (2023) Как ТШО помогает обрести новую профессию и найти работу, 11 марта. Доступно по адресу: <https://azh.kz/ru/news/view/84457> (дата обращения: 10.03.2025).

Казахстанский институт общественного развития (2023) Общественный интерес к идеологии «Еңбек адамы» и престиж профессий в Казахстане: аналитический отчет.

Правительство Республики Казахстан (2022) Концепция инвестиционной политики Республики Казахстан. Доступно по адресу: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573 (дата обращения: 10.03.2025).

Правительство Республики Казахстан (2024) Инвестиции в Казахстан (информационная веб-страница). Доступно по адресу: <https://www.gov.kz/article/64601?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2025).

Tengizchevroil LLP (2023) Отчет о корпоративной ответственности 2023. Доступно по адресу: <https://www.tengizchevroil.com/ru/company> (дата обращения: 10.03.2025).

Чеглакова, Л.М., Батаева, Б.С. и Мелитонян, О.А. (2018) Характерные черты социальной ответственности и этики в организациях малого и среднего бизнеса в России, *Российский журнал менеджмента*, 16(1), с. 63–94.

Қ.С. Тел, Б.Ж. Смағамбет

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

**Қазақстандағы кәсіптердің әлеуметтік мәртебесі:
КӘЖ және инвестициялық саясаттың рөлі**

Андатпа. Қазіргі Қазақстан қоғамында кәсіптердің әлеуметтік мәртебесі тек жалақы деңгейімен ғана емес, сонымен қатар қоғамның мойындауы, мансаптық өсу мүмкіндіктері және бизнестің елдің адами капиталын дамытуға қатысу дәрежесімен айқындалады. Корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік (КӘЖ) пен инвестициялық саясат әртүрлі мамандықтардың беделін қалыптастыруда маңызды рөл атқарады. Бұл мақалада КӘЖ бен инвестициялық стратегиялардың Қазақстандағы кәсіптердің әлеуметтік мәртебесіне қалай әсер ететіні талданады. Қазіргі зерттеулер КӘЖ негізінен этикалық немесе экономикалық тұрғыда қарастырғанымен, оның кәсіби беделге әлеуметтік-социологиялық әсері жеткілікті түрде зерттелмеген. Зерттеу сапалық кейс-стади әдісіне негізделген және нысаны ретінде елдегі ең ірі шетелдік инвесторлардың бірі – «Тенгизшевройл» ЖШС алынған. 2023 жылғы корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік туралы есебі мен басқа да ашық дереккөздерге сүйене отырып, талдау адами капиталға, білім беру мен жергілікті инфрақұрылымға бағытталған мақсатты

инвестициялар түрлі мамандықтар тобының қоғамдық беделін арттыруға қалай ықпал ететінін көрсетеді. Зерттеу нәтижелері КӘЖ бен инвестициялық саясаттың материалдық жағдайды жақсартумен қатар, кәсіптің құндылығын арттыратын мәдени және символдық тетік ретінде де әрекет ететінін көрсетеді. Мақала тұрақты даму, еңбек нарығының трансформациясы және посткеңестік кеңістікте әлеуметтік иерархияны қалыптастырудағы бизнестің рөлі туралы кең ауқымды ғылыми пікірталастарға үлес қосады.

Негізгі ұғымдар: корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік, инвестициялық саясат, еңбек нарығы, адами капиталды дамыту, тұрақты даму.

Қ.С. Тел, Б.Ж. Смағамбет

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Социальный статус профессий в Казахстане: роль КСО и инвестиционной политики

Аннотация: В современном казахстанском обществе социальный статус профессий определяется не только уровнем заработной платы, но и общественным признанием, возможностями карьерного роста и степенью участия бизнеса в развитии человеческого капитала страны. Корпоративная социальная ответственность (КСО) и инвестиционная политика играют ключевую роль в формировании общественного мнения о престижности различных профессий. В данной статье рассматривается, каким образом КСО и инвестиционные стратегии влияют на социальный статус профессий в Казахстане. Несмотря на то, что существующие исследования освещают КСО в этическом и экономическом аспектах, её социологическое влияние на престиж профессий остаётся недостаточно изученным. Исследование основано на качественном кейс-стади, объектом которого выступает ТОО «Тенгизшевройл» — один из крупнейших иностранных инвесторов в стране. На основе отчёта ТСО по корпоративной ответственности за 2023 год и сопутствующих открытых источников анализируется, как целевые инвестиции в человеческий капитал, образование и локальную инфраструктуру способствуют укреплению общественного имиджа различных профессиональных групп. Результаты показывают, что стратегии КСО и инвестполитики не только улучшают материальные условия, но и выступают культурными и символическими механизмами переоценки труда. Статья вносит вклад в более широкие научные дискуссии по вопросам устойчивого развития, трансформации рынка труда и роли бизнеса в формировании социальной иерархии в постсоветских странах.

Ключевые слова: Корпоративная социальная ответственность, инвестиционная политика, рынок труда, развитие человеческого капитала, устойчивое развитие.

References

- Abdul Hamid, F.Z., Atan, R. and Saleh, M.S.M. (2014) 'A case study of corporate social responsibility by Malaysian government link company', *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 164, pp. 600–605. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.11.152>
- Ak Zhaik News. (2023) 'Kak TShO pomogaet obresti novuyu professiyu i nayti rabotu', 11 marta. Available at: <https://azh.kz/ru/news/view/84457> (Accessed: 10 March 2025). [in Russian]

Cheglakova, L.M., Bataeva, B.S. and Melitonyan, O.A. (2018) 'Kharakternye cherty sotsial'noy otvetstvennosti i etiki v organizatsiyakh malogo i srednego biznesa v Rossii', *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*, 16(1), pp. 63–94. [in Russian]

Fernández-Gago, R., Cabeza-García, L. and Godos-Díez, J.-L. (2020) 'How significant is corporate social responsibility to business research', *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 27(4), pp. 1809–1817. <https://doi.org/10.1002/csr.1927>

Guo, M. and Zheng, C. (2021) 'Foreign ownership and corporate social responsibility: Evidence from China', *Sustainability*, 13(2), p. 508. <https://doi.org/10.3390/su13020508>

Kazakhstanskiy institut obshchestvennogo razvitiya. (2023) Obshchestvennyy interes k ideologii "Enbek adamy" i prestizh professiy v Kazakhstane: analiticheskiy otchet. [in Russian]

Kolk, A. (2016) 'The social responsibility of international business: From ethics and the environment to CSR and sustainable development', *Journal of World Business*, 51(1), pp. 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.08.010>

Kopp, H. (2015) 'Corporate social responsibility in modern Central and Eastern Europe', in Idowu, S.O. (ed.) *CSR, Sustainability, Ethics and Governance*. Cham: Springer, pp. 453–471. https://doi.org/10.1007/978-3-319-10311-2_31

Kumar, A., Kumar, A. and Behura, A.K. (2022) 'The strategic corporate social responsibility (CSR) for sustainable corporate business', *WISDOM*, 23(3), pp. 214–224. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v23i3.855>

Matytsin, D.E., Petrenko, Y.S. and Saveleva, N.K. (2022) 'Corporate social responsibility in terms of sustainable development: Financial risk management implications', *Risks*, 10(206), pp. 1–24. <https://doi.org/10.3390/risks10110206>

Oliinyk, O., Mishchuk, H., Vasa, L. and Kozma, K. (2023) 'Social responsibility: Opportunities for integral assessment and analysis of connections with business innovation', *Sustainability*, 15(6), p. 5608. <https://doi.org/10.3390/su15065608>

Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2022) Kontseptsiya investitsionnoy politiki Respubliki Kazakhstan. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573 (Accessed: 10 March 2025). [in Russian]

Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2024) Investitsii v Kazakhstan [informatsionnaya veb-stranitsa]. Available at: <https://www.gov.kz/article/64601?lang=ru> (Accessed: 10 March 2025). [in Russian]

Rivo-López, E., Villanueva-Villar, M., Michinel-Álvarez, M. and Reyes-Santías, F. (2021) 'Corporate social responsibility and family business in the time of COVID-19: Changing strategy?', *Sustainability*, 13(4), p. 2041. <https://doi.org/10.3390/su13042041>

Schreck, P. (2009) *The business case for corporate social responsibility: Understanding and measuring economic impacts of corporate social performance*. Berlin: Springer.

Sujová, E. and Čierna, H. (2016) 'Parallels between corporate social responsibility and safety culture', *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 288, pp. 289–294. <https://doi.org/10.15414/isd2016.s4.07>

Tayşir, E.A. and Pazarcık, Y. (2013) 'Business ethics, social responsibility and corporate governance: Does the strategic management field really care about these concepts?', *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 99, pp. 294–303. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.497>

Tengizchevroil LLP. (2023) Otchet o korporativnoy otvetstvennosti 2023. Available at: <https://www.tengizchevroil.com/ru/company> (Accessed: 10 March 2025). [in Russian]

Voronkova, O.Y., Melnik, M.V., Nikitochkina, Y.V., Tchuykova, N.M., Davidyants, A.A. and Titova, S.V. (2020) 'Corporate social responsibility of business as a factor of regional development', *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 7(3), pp. 2170–2180. [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.7.3\(47\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.7.3(47))

Williams, O.F. (2013) *Corporate social responsibility: The role of business in sustainable development*. London: Routledge.

Yin, R.K. (2018) *Case study research and applications: Design and methods*. 6th edn. Thousand Oaks, CA: Sage.

Information about the authors

Kuanysh Tel – 2nd year doctoral student majoring in Sociology, L.N. Gumilyov ENU, Yanushkevich Street, 6, 010000, Astana, Kazakhstan.

Bayan Smagambet – corresponding author, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, A. Yanushkevich str. 6, 010000, Astana, Kazakhstan.

Авторлар туралы мәлімет

Қуаныш Серікұлы Тел – «Әлеуметтану» мамандығының 2-курс докторанты, мекенжайы: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, А.Янушкевич көшесі, 6, 010000, Астана, Қазақстан.

Баян Жүзікбайқызы Смағамбет – хат-хабар авторы, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, доцент, мекенжайы: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, А.Янушкевич көшесі, 6, 010000, Астана, Қазақстан.

Сведения об авторах

Қуаныш Серікұлы Тел – докторант 2-го курса по специальности «Социология», ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, улица А.Янушкевича, 6, 010000, Астана, Казахстан.

Баян Жузикбайқызы Смагамбет – автор для корреспонденции, кандидат социологических наук, доцент, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, улица А.Янушкевича, 6, 010000, Астана, Казахстан.

МРНТИ 04.51.53

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-151-2-173-193>

Деятельность организаций среднего образования: условия и ограничивающие аспекты (по данным международного опроса TALIS)

А.Б. Шабденова*¹ , В.А. Кузьменков²

¹КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

²ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России, Москва, Россия

(E-mail: Aizhan.Shabdenova@kaznu.edu.kz)

Аннотация. Целью статьи является анализ социальных условий возникновения школьных проблем. Эмпирической базой служат данные международного исследования TALIS, выборка составляет 15 980 респондентов. При помощи математических процедур многомерного шкалирования и кластеризации проведён анализ данных по вопросу анкеты, в котором директорам школ предлагалось обозначить проблемы, осложняющие деятельность организации. Исследование свидетельствует, что треть директоров отмечает нехватку учителей, способных обучать учащихся с ограниченными возможностями здоровья, и вспомогательного персонала, чуть меньше – сложности с цифровыми технологиями, наличием учебного пространства и физической инфраструктуры, каждый четвёртый руководитель видит нехватку времени для общения с учениками. Научная значимость статьи заключается в расширении методов анализа обозначенного исследования для понимания проблем в сфере среднего образования: применён метод многомерного шкалирования и кластеризации. По итогам моделирования получены две шкалы и шесть кластеров, которые показали, что школьные проблемы можно разделить, с одной стороны, на материально-ориентированные (нехватка цифровых технологий, несоответствие физической инфраструктуры, ограниченный доступ в сеть Интернет, нехватка учебных материалов) и человекоориентированные аспекты (нехватка учителей и вспомогательного персонала, недостаток времени на наставничество); с другой стороны, существуют проблемы базовые (невысокая квалификация учителей и сложности с учебной литературой) и перспективные (профессиональный рост педагогов и качественное преподавание, в том числе инклюзивное образование). Понимание школьных проблем и их взаимосвязи с социальными факторами способствует принятию информированных решений при разработке политик в среднем образовании.

Ключевые слова: директора школ, TALIS, многомерное шкалирование, школьные проблемы, квалификация учителей, школьная автономия, цифровизация.

Введение

В статье представлен анализ социальных условий и ограничивающих аспектов работы организаций среднего образования, анализ проведён по результатам опроса директоров школ. Данный опрос проходил в рамках международного исследования по вопросам преподавания и обучения: исследовательский проект Teaching and Learning International Survey (TALIS) нацелен на анализ образовательной среды в мире и основан на масштабном международном опросе учителей и директоров школ. Целью исследования TALIS является «предоставить достоверные, своевременные и сравнительные данные, которые позволят странам пересмотреть и определить ориентиры в развитии образовательной политики, направленной на создание условий для эффективного преподавания и обучения» (*Международное исследование преподавания и обучения TALIS-2018: первые результаты Казахстана, Национальный отчет, первый том / Министерство образования и науки Республики Казахстан, 2019*). В 2018 году данное исследование проводилось в третий раз, в нём участвовали учителя и директора школ, где посредством социологического опроса они выражали своё мнение и позицию по различным вопросам образования. Периодическое проведение данного исследования способствует лучшему пониманию ситуации и соответствующей разработке политики в сфере образования разных стран, участниц данного проекта.

Проект TALIS проводится Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в сотрудничестве с более чем 40 другими странами, принимающими участие в данном опросе. Анкеты опроса нацелены собирать информацию на основе ответов директоров школ и учителей по таким вопросам, как профессиональное образование, которое они получили, и дальнейшее профессиональное образование; их убеждения и практика преподавания; обзор работы учителей.

Исследование TALIS фокусируется на опыте работников образования, чтобы понять и как можно точнее описать их работу и отношение к ней. Эксперты проекта допускают, что поскольку это международный опрос, вполне возможно, что некоторые вопросы не очень хорошо вписываются в национальный контекст каждой страны. Поэтому представляет интерес как сравнительный международный анализ, так и анализ данных по каждой конкретной стране в отдельности.

В современной школе изменяется понятие качественного образования; если ещё несколькими десятилетиями ранее оно по большей части подразумевало формирование базовой грамотности посредством освоения определённых знаний, умений и навыков, необходимых для будущей профессии, в частности, и социализации в целом, то сегодня требования к деятельности школ коренным образом изменяются.

Прежде всего, они играют роль институтов социальной инклюзии неблагополучных слоёв, становятся механизмами преодоления социального расслоения и образовательного неравенства (Wagner, 2019). Во-вторых, школы выступают проводниками цифровизации в том смысле, что приучают подрастающее поколение к жизни в условиях информационного общества (Hämäläinen et al., 2021). В-третьих, система школьного образования становится всё больше ориентирована на практическое содержание, в

связи с чем педагогам требуется помощь со стороны вспомогательного персонала (методистов, дизайнеров, лаборантов) (Abylkassymova, 2020).

Стратегическую роль в организации деятельности школы играют директора школ. Они являются субъектами педагогического лидерства, агентами образовательных изменений (Sánchez, 2019; Ahn, Wang and Lee, 2023; Xia and O'Shea, 2023) и инициаторами улучшения качества процесса обучения, оказывают значительное влияние на все внутренние процессы и, что весьма важно, на учителей. Именно директора обладают наиболее концентрированным мнением о существующих проблемах; министерские отчёты могут быть чрезмерно формальны и скрывать неприемлемые вещи, точка зрения учителей, хотя и важна сама по себе, не всегда отражает весь комплекс трудностей, с которыми сталкивается образовательная организация. Поэтому важно изучить мнение директорского корпуса о существующих или возможных проблемах развития.

Целью исследования выступает раскрытие социальных условий возникновения школьных проблем. Объект исследования – проблемы, ограничивающие потенциал развития школы. Предмет исследования – взаимосвязь между школьными проблемами и социальными характеристиками директоров и возглавляемых ими школ. В данной статье термин «проблема» рассматривается как аспект, ограничивающий деятельность школ, соответственно требующий понимания, изучения и разрешения.

В контексте исследования можно задать ряд предварительных вопросов, ориентирующих на конкретные моменты:

4. Какие проблемы наиболее актуальны и наиболее сильно ограничивают работу школы?

5. Существуют ли «родственные» друг другу проблемы, образующие смысловые блоки?

6. Есть ли связь между социально-демографическими характеристиками директоров и школ и актуальными проблемами?

7. В каких странах чаще всего находятся проблемные учебные заведения?

Обзор литературы

Школьные проблемы, препятствующие эффективному выполнению функций, изучены по отдельности достаточно подробно, равно как и вопросы педагогического лидерства и стрессовых условий труда директоров.

Одно из актуальных направлений – инклюзивное образование. Особую потребность в нём испытывают дети этнических и социальных меньшинств, сталкивающиеся с проблемой образовательного неравенства (Akbar and Woods, 2019; Juvonen et al., 2019; Raud and Orekhova, 2022). Не инклюзивное образование может быть причиной множества негативных явлений, например, повышенной тревожности и агрессивности учеников, конфликтного поведения и насилия (Chugani *et al.*, 2022).

Директора эффективных школ проводят определённую педагогическую политику: они не пытаются устранить разрыв, который отделяет детей из бедных семей от детей из более высоких социальных слоёв, а поднимают уровень, ниже которого никто не

должен опускаться. Другая особенность заключается в том, что директора эффективных школ руководят обучением в своих организациях, а директора неэффективных школ – нет (Hejres, Braganza and Aldabi, 2017).

По данным разных исследований, на административные обязанности (надзор, управление графиком работы сотрудников и т.д.) тратится от 30 до 46 % ежедневного рабочего времени директоров, тогда как на задачи, связанные с повышением квалификации учителей, только около 10 %. Широко распространены эмоциональное выгорание и высокая нагрузка. Индивидуальными факторами риска выступают пол (женщины эмоционально выгорают чаще, чем мужчины), возраст (старше 60 лет), небольшой стаж и отсутствие поддержки начальства (Pinskaya *et al.*, 2016; Sanz Ponce, Morales Yago and González Bertolín, 2022).

Высокий уровень подотчётности (мониторинга и использования данных об успеваемости учащихся для вынесения суждений об эффективности школы и учителей) приводит к повышению уровня стресса у учителей и директоров школ. В ряде стран, участвовавших в проекте TALIS, выявлено заражение стрессом от директоров к учителям (впрочем, сила этой связи невелика) (Jerrim and Sims, 2022; Reeves and Hamilton, 2022; Chen, Bellibaş and Gümüş, 2023).

Отмечается повышение эффективности труда директоров и учителей при развитых навыках образовательного лидерства (Rodríguez-Gallego, Ordóñez Sierra and López-Martínez, 2019; Bellibaş, Gümüş and Liu, 2021; Burić and Kim, 2021; Liu, Keeley and Sui, 2023). В странах с централизованным контролем «внимание директоров к учебному лидерству ограничено из-за слишком большого администрирования и бюрократии», поскольку они «ответственны за реализацию постановлений правительства» (Ärlestig, Day and Johansson, 2016). По этой причине директора вынуждены передавать часть полномочий заместителям, концентрируясь по преимуществу на административных и финансовых вопросах. Преодоление этой ситуации руководители школ связывают с современными формами организации учебного процесса (Бысик Н.В. *et al.*, 2016).

К ним относится, прежде всего, цифровизация. Это не только использование информационных технологий при проведении занятий и контроле обучения, она представляет собой коренное изменение самого процесса функционирования школы (Rott and Marouane, 2017). Директора рассматривают цифровизацию как сложное явление, включающее технические, педагогические, административные и организационные моменты на всех уровнях школьной организации (Håkansson Lindqvist and Pettersson, 2019).

Существуют различия между автономными и не автономными школами. Школьная автономия выше у стран с преобладающими индивидуалистическими ценностями, с низкой дистанцией между властью и обществом и избеганием неопределённости (Ólafsson and Hansen, 2022). Школьные руководители с большей автономией могут лучше не только наказывать, но также поддерживать своих сотрудников и их организацию, при этом различие на частные и государственные школы роли не играет (Delprato and Chudgar, 2018).

Анализ литературы показывает, что, хотя объём работ по различным аспектам школьных проблем достаточно велик, большинство исследований концентрируются

на вопросах педагогического лидерства, влияния стресса на рабочие отношения, цифровизации или образовательного неравенства, при этом взаимосвязь между ними (и некоторыми иными проблемами) остаётся слабо раскрытой. Теме школьных проблем, ограничивающих потенциал школы, уделено недостаточно внимания. Её возможно рассмотреть на базе исследования TALIS-2018 в рамках статистического анализа данных. Изучению школьных проблем посвящён один из вопросов анкеты для директоров школ.

Методология

Эмпирическая база – Международное исследование учителей и директоров школ по вопросам преподавания и обучения, проект называется TALIS (Teaching and Learning International Survey). Это количественное исследование, методом сбора данных является опрос, соответственно исследовательским инструментом является анкета. Всем участникам опроса было предложено заполнить анкету онлайн или в бумажном виде, в зависимости от предпочтений респондентов. Экспертами проекта были разработаны анкеты для учителей и отдельно для директоров школ, длительность заполнения каждой из анкет – в среднем по 45 и 60 минут соответственно. Документы проекта (анкеты, руководства, отчёты, базы данных) представлены на сайте организации ОЭСР (*ОЭСР, База данных TALIS за 2018 год, 2018*).

В настоящей статье представлен анализ ограничений потенциала развития школ по причине существующих проблем, отражённых в вопросе № 29 (TC3G29) анкеты для директоров. В нём содержатся 15 вопросов, выражающих конкретные проблемные аспекты развития школ, данные вопросы выступают переменными для дальнейшего статистического анализа. Генеральной совокупностью являются директора школ, участвующих в исследовании стран. Выборочную совокупность представляют 15 980 директоров школ из 48 стран мира, участники опроса были отобраны случайным образом из списков школ по каждой стране – документы методологии данного международного исследования, разработанные экспертами проекта, представлены на сайте проекта (*ОЭСР, База данных TALIS за 2018 год, 2018*).

В анализ включены следующие социально-демографические признаки: пол, возраст, стаж работы директоров, уровень образования директора, численность учеников школы, среднее отношение учеников на одного учителя, населённый пункт расположения школы, автономия школы, государственное финансирование (до или более 50 %), страна или регион. Для проверки устойчивости многомерного шкалирования провели классификацию проблем с помощью иерархического кластерного анализа по методу Уорда, при котором внутри кластеров оптимизируется минимальная дисперсия и создаются кластеры приблизительно равных размеров, с квадратичной евклидовой метрикой, способствующей увеличению контрастности кластеров. Наличие связи между номинальными и порядковыми переменными анализировалось с помощью критерия χ -квадрат ($p < 0,05$), статистическая значимость различий между интересующими категориями анализировалась с помощью z-теста (категориальные переменные). Расчёты происходили в программе статистического анализа данных IBM SPSS Statistics версии 26.

Результаты исследования

По результатам исследования средний возраст директоров школ в странах ОЭСР составлял 52 года, что на 8 лет больше, чем средний возраст учителей. Как отмечают эксперты: «Это неудивительно, поскольку директоров обычно набирают из числа учителей, и их должности часто требуют более высокого уровня образования и большего опыта работы» (OECD, 2019). Более молодые директора школ, средний возраст которых ниже 48 лет, работают в следующих странах: Бразилия, Мальта, Румыния, Саудовская Аравия, Турция и США. В таких странах, как Австрия, Колумбия, Италия, Япония, Литва и Корея, средний возраст директоров школ составляет 56 лет и старше (OECD, 2019). Представительницы женского пола составляют большую часть среди учителей во всех странах и регионах, участвующих в TALIS, за исключением Японии, но они составляют меньшую часть среди директоров школ примерно в половине стран и регионов, участвующих в исследовании. В 2018 году в среднем по ОЭСР только 47% директоров школ были женщинами по сравнению с 68% учителей женщин. «Это говорит о значительном гендерном дисбалансе в продвижении женщин-учителей на руководящие должности, особенно в странах и регионах, наиболее удалённых от равной феминизации. Однако важно отметить, что причиной такой ситуации может быть как эндогенная причина, связанная с меньшей склонностью женщин претендовать на руководящие должности, так и экзогенная причина, связанная с меньшей склонностью женщин к отбору при подаче заявок на руководящие должности» (OECD, 2019). Подробный анализ демографических характеристик учителей и директоров школ, принявших участие в исследовании TALIS, представлен в отчёте, составленном экспертами проекта, и представленном на официальном сайте ОЭСР.

Обратимся к вопросам, отражающим проблемные аспекты, с которыми сталкиваются директора школ. Так, в вопросе №29 анкеты, директорам школ предлагалось оценить уровень проблемных сторон, по уровням «совсем не происходит», «в некоторой степени», «значительно», «очень». Варианты ответов «совсем не происходит» и «в некоторой степени», с одной стороны, «значительно» и «очень», с другой стороны, по смыслу близки друг другу, поэтому проведём преобразование данных и создадим новые, обобщённые переменные с двумя вариантами ответов. Первый вариант объединяет ответы «совсем не происходит» и «в некоторой степени» и говорит о слабой выраженности проблемы или её отсутствии, т. е. является «положительной» альтернативой. Второй вариант состоит из ответов «значительно» и «очень» и понимается как набор «негативных» переменных, свидетельствующих о наличии явных сложностей в управлении школой. Нас интересуют проблемы, с которыми сталкиваются директора, поэтому попробуем свести имеющиеся пятнадцать причин к нескольким смысловым группам. Здесь может помочь процедура экономного описания – многомерное шкалирование (Kruskal and Wish, 2011). При проведении анализа будем использовать евклидово расстояние и расчёт функции стресса, а также стандартизацию z-оценками. Частотное распределение по изучаемым переменным (не укрупнённым) представлено в таблице 1.

Таблица 1

Проблемы, ограничивающие развитие школ, %

	Совсем не происхо- дит	В некото- рой степени	Значи- тельно	Очень
Нехватка квалифицированных и/или высокоэф- фективных учителей	32,6	42,9	15,1	9,4
Нехватка учителей, способных обучать учащихся с ограниченными возможностями здоровья	26,6	41,5	20,8	11,1
Нехватка учителей с профессионально-техниче- ским образованием	54,6	26,1	12,5	6,7
Нехватка учебных материалов (например, учеб- ников) или их несоответствие	53,9	30,5	9,9	5,7
Нехватка или несоответствие цифровых техно- логий для преподавания	37,7	34,2	17,4	10,6
Ограниченный доступ к сети Интернет	51,9	25,8	11,9	10,3
Недостаточный библиотечный фонд или его несоответствие	47,7	33,8	12,3	6,2
Нехватка вспомогательного персонала	30,4	36,2	20,8	12,6
Нехватка или несоответствие учебного про- странства (например, кабинетов)	41	31,1	16,4	11,5
Нехватка или несоответствие физической ин- фраструктуры	40,5	32,2	16	11,2
Нехватка учителей, обладающих навыками пре- подавания среди учащихся в многокультурной и многоязычной среде	40,9	36,2	15,7	7,2
Нехватка учителей, обладающих навыками пре- подавания учащимся, живущим в неблагоприят- ных социальных условиях	44,1	37,3	13,7	4,9
Нехватка или несоответствие материалов, необходимых для развития профессиональных навыков у учеников	45,7	33,8	14,2	6,3
Нехватка времени для наставнической деятель- ности (общения с учителями)	27,5	42,6	21,8	8,1
Нехватка времени для общения с учениками	34,3	41,5	18,2	6

Почти треть директоров отмечает нехватку учителей, способных обучать учащихся с ограниченными возможностями здоровья, и вспомогательного персонала, 27–29% – сложности с цифровыми технологиями, наличием учебного пространства и физической инфраструктуры, каждый четвёртый руководитель видит нехватку времени для общения с учениками, а каждый пятый – ограниченный доступ к сети Интернет,

недостаток учителей и некоторые иные проблемы. В целом, 62,9 % школ в выборке не имеют проблем или они минимальны, 32,5 % – средние проблемные аспекты, 4,6 % школ имеют тотальные проблемы.

Обратимся к результатам многомерного шкалирования. Полученная модель имеет высокое качество: Stress-показатель равен 0,13123 (чем ближе к 0, тем лучше соответствие данным), коэффициент R² (объяснённая дисперсия) составляет 0,90793. Получена классическая двухосевая структура данных (рисунок 1).

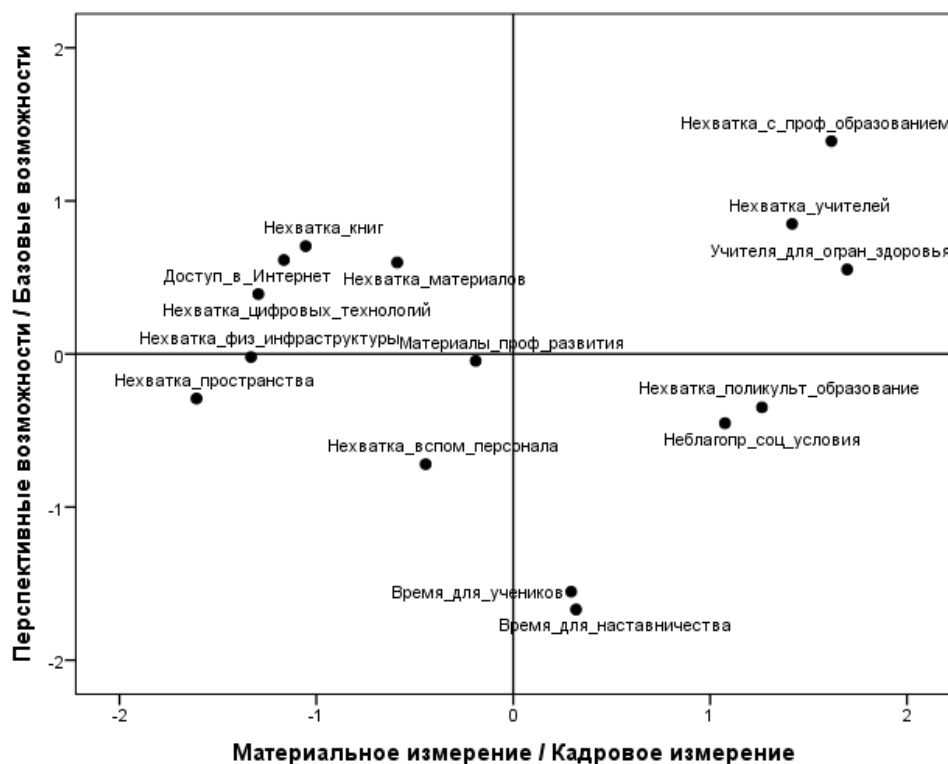

Рисунок 1. Результат многомерного шкалирования.

Левая часть рисунка 1 описывает материально-ориентированные аспекты функционирования школы, правая часть – человекоориентированные аспекты, в том числе кадровые и коммуникативные. Верхняя часть графика раскрывает базовые, содержательные аспекты педагогической работы (например, квалификацию учителей и возможность использовать учебную литературу), взаимодействие учителей и учеников, возможность для первых научить вторых; нижняя часть – широту этих возможностей, перспективы профессионального роста для педагогов и получения качественного образования для учеников, в том числе инклюзивные особенности.

Есть различие и по диагоналям. Левый верхний и правый нижний квадранты описывают пару «техническое / коммуникативное», правый верхний и левый нижний – пару «кадровое / пространственное». Не следует, тем не менее, считать, что диагонали альтернативны, они дополняют друг друга. Проблема нехватки физической

инфраструктуры, хотя и лежит на «материальной» части шкалы, находится на оси и не принадлежит ни к одному квадранту.

Перейдём к идентификации квадрантов. Правый верхний квадрант назовём «квадрантом кадрового дефицита», поскольку директора отмечают недостаток квалифицированных учителей, специалистов для работы с учащимися с ограниченными возможностями и педагогов с профессионально-техническим образованием. Первые два вида учителей необходимы для инклюзивного образования, третий – для овладения специальными навыками, как правило, для «рабочих» профессий. Все данные проблемы наиболее выражены в школах Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ), Бельгии (валлонской), Израиля, Саудовской Аравии и Вьетнама.

Правый нижний квадрант содержит четыре проблемы, объединённые попарно: «нехватка учителей, обладающих навыками преподавания учащимся в многокультурной и многоязычной среде» и «нехватка учителей, обладающих навыками преподавания учащимся, живущим в неблагоприятных социальных условиях», с одной стороны, «нехватка времени для наставнической деятельности (общения с учителями)» и «нехватка времени для общения с учениками», с другой стороны. Назовём его «квадрантом коммуникации-инклюзии». Первая пара отражает ограничения социальной инклюзии, сложности вовлечения социально рискованных групп в равные образовательные условия. Это особенно актуально в аспекте превенции форм девиантного поведения среди молодёжи и интеграции в общество мигрантов. Вторая пара может свидетельствовать о высокой загруженности директорского корпуса, преобладании административной работы над творческой, педагогической.

При административной нагрузке не более 33% от общих временных затрат и в частных школах, по сравнению с государственными, директора чуть чаще занимаются наставничеством. Также возможно, что наставническая работа с учителями и общение с учениками может объясняться иными факторами, например, сложившейся практикой управления или субъективной мотивацией самих директоров, т.е. отражает некий ценностно определённый стиль управления.

К схожему выводу приходят и авторы иных исследований: размер школы, социально-экономический статус и биография директора связаны с тем, как практикуется лидерство (Liu, Bellibas and Printy, 2018; ATASOY, 2021; Chen, Ning and Bos, 2022); в странах, участвовавших в TALIS-2018, существуют пять совершенно разных профилей лидерства, при этом в большинстве стран крайне редко доминирует один из этих профилей, т.е. образовательное лидерство не является культурно укоренившейся практикой (Printy and Liu, 2021; Veletić and Olsen, 2021; Kouhsari, Chen and Baniasad, 2023; Veletić, Price and Olsen, 2023). Проблемные школы чаще всего находятся в Бельгии, Бразилии, Колумбии, Франции, Израиле, Италии, Португалии, Саудовской Аравии и Вьетнаме.

Левый нижний квадрант содержит три переменные («нехватка вспомогательного персонала», «нехватка или несоответствие материалов, необходимых для развития профессиональных навыков у учеников», «нехватка или несоответствие учебного пространства»). Вторая трудность выражена в меньшей мере, чем другие, потому что очень близка к оси. Назовём этот сектор «квадрантом развития возможностей», поскольку наличие вспомогательного персонала (методисты, педагогические дизайнеры и т.д.) и специализированных учебных помещений и материалов создаёт перспективу развития для самих педагогов и директоров, снимает ряд административных и

методических обязанностей, освобождая время для педагогической, творческой, научной или общественной деятельности. Следовательно, это повышает общий образовательный уровень школы. Наличие вспомогательного персонала и работа в частной школе сокращают административную загруженность директоров. Страны со всеми перечисленными проблемами: Бразилия, Колумбия, Франция, Италия, Саудовская Аравия, Вьетнам и ЮАР.

Левый верхний квадрант включает четыре трудности – «недостаточный библиотечный фонд или его несоответствие», «ограниченный доступ к сети Интернет», «нехватка учебных материалов (например, учебников) или их несоответствие», «нехватка или несоответствие цифровых технологий для преподавания», поэтому назовём его «квадрантом учебного дефицита». Название подразумевает, что школа не может эффективно осуществлять свою главную функцию – обучение подрастающего поколения на основе надёжных учебных материалов и при помощи компетентных педагогов; проще говоря, она даёт плохое образование. Все эти проблемы выражены в Бразилии, Колумбии, Франции, Румынии, Саудовской Аравии, Вьетнаме и ЮАР.

Результаты иерархического кластерного моделирования, проведённого для проверки устойчивости полученных групп, представлены на рисунке 2. Иерархический кластерный анализ по методу Уорда используется для группировки объектов в кластеры на основе их близости или расстояния друг от друга, этот метод стремится минимизировать общую сумму квадратов расстояний (дисперсию) внутри кластеров.

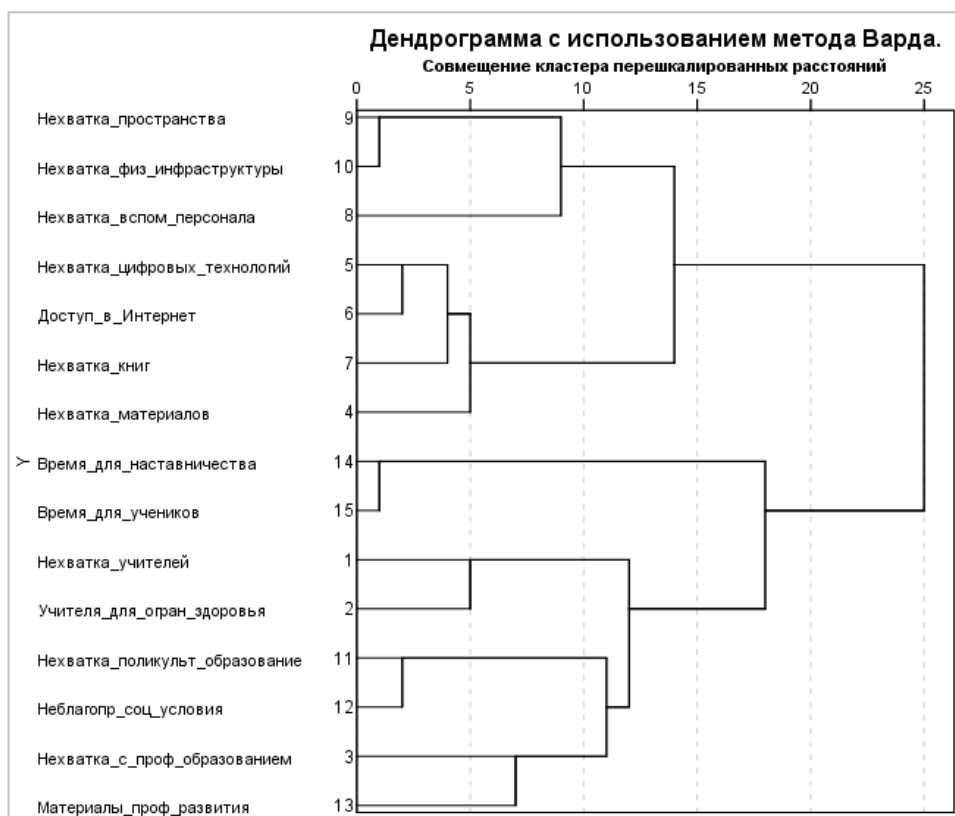

Рисунок 2. Классификация школьных проблем, иерархический кластерный анализ по методу Уорда.

Результаты кластерного анализа, представленные на рисунке 2, показали, что на уровне 10% сходства можно выделить ряд групп:

1. Кластер нехватки пространства и персонала (недостаток пространства, физической инфраструктуры и вспомогательного персонала);
2. Кластер материально-технических возможностей (нехватка цифровых технологий для преподавания, несоответствие физической инфраструктуры, недостаточный библиотечный фонд, ограниченный доступ в сеть Интернет, нехватка учебных материалов);
3. Кластер недостатка воспитательной и организационной деятельности директора (наставничество учителей и общение с учениками);
4. Кластер ограниченного педагогического уровня (нехватка квалифицированных учителей и работы учителей с учениками с ограниченными возможностями);
5. Кластер инклюзивной сложности (нехватка учителей для преподавания в многоязыковой среде и для работы с обучающимися, живущих в неблагоприятных социальных условиях);
6. Кластер дефицита специализированного образования (учителя с профессионально-техническими навыками, материалы для развития профессиональных навыков у учеников).

Можно заметить очевидное смысловое сходство результатов иерархической классификации и многомерного шкалирования. Это говорит о том, что разделение проблем на некоторые устойчивые группы действительно существует и его нельзя считать случайным. Хотя порядок (нумерация) проблем в анкете в целом соответствует разделению на кластеры и шкалы, мы можем обоснованно утверждать, что дифференциация на группы проблем объективно существует, а не привнесена извне.

Рассмотрим, как связаны группы проблем с социально-демографическими признаками директоров и школ. По полу разница отсутствует, поэтому нельзя сказать, что директора-женщины руководят хуже, чем директора-мужчины. Школы сёл и малых городов имеют больше проблем, чем учебные заведения крупных городов. Государственные школы имеют значимо большее число проблем, чем частные. Достаточно очевиден возрастной тренд: более молодые директора сталкиваются с большим числом проблемных вопросов, однако, как ни странно, стаж работы директора на возникновение проблем принципиальной роли не играет, кроме как в самой опытной группе. Более образованные директора отмечают меньшее количество проблем. Важное влияние также оказывает среднее число учеников на одного учителя, отражающее загруженность педагогов.

Обратим внимание на административную и финансовую составляющую. Во-первых, учебные заведения с полной или смешанной автономией отличаются заметно более благоприятной обстановкой, нежели полностью государственные учреждения; во-вторых, чем меньше объём государственного финансирования, тем меньше проблем; в-третьих, оплата обучения родителями учеников позволяет снизить трудности. Объяснить эти три факта можно следующим образом. Объём денежных средств, выделяемых государством, часто бывает недостаточен для удовлетворения всех потребностей и направляется только на обеспечение базовых условий функционирования школы, что приводит к препятствиям в возможности создания нужной учебной инфраструктуры

(например, лаборатории или класса со специальным оборудованием) и привлечения квалифицированных кадров. Государственное финансирование, как правило, имеет целевую направленность и отступление от неё наказуемо. При этом деньги, выплаченные родителями, тратятся не на «общие нужды», а на чётко определённые задачи, что открывает для школы больше возможностей в плане предоставления специализированного обучения и подготовке учеников по нужным им учебным курсам.

Также было отмечено, что уровень образования директора влияет на число проблем. Можно предположить, что либо более компетентные директора лучше руководят школами, либо они изначально приходят в менее трудные условия работы, однако проверить данную гипотезу на основе имеющихся данных TALIS-2018 не представляется возможным.

Выводы

Итак, мы установили, что, во-первых, многомерное шкалирование позволило выявить наличие четырёх связанных базовых направлений развития школы, которые можно объединить в две шкалы. Первая шкала представлена кадровой и материальной деятельностью школы, вторая шкала – обеспечением базовых и перспективных условий её функционирования.

Во-вторых, иерархический кластерный анализ позволил подтвердить объективность групп проблем, выделенных по итогам многомерного шкалирования. Они существуют реально и отражают актуальные направления развития школьного образования.

В-третьих, установлено, что проблемные школы чаще возглавляют мужчины в возрасте 40-60 лет с бакалаврским образованием. Более высокий уровень образовательной подготовки директора снижает число проблем. Самые опытные директора лучше справляются с трудностями, что свидетельствует о ценности профессионального опыта. Школьные проблемы увеличиваются пропорционально возрастанию численности населения в пункте расположения школы. Трудности чётче выражены у государственных школ, не имеющих автономии и финансируемых от 50% до 100% государством, с числом учеников меньше 500. Высокая средняя численность учеников на одного учителя положительно связана с числом проблем.

Школы со смешанной автономией (в первую очередь) и с полной автономией (во вторую очередь) встречаются с наименьшим числом трудностей. Это возможно объяснить тем, что директорам автономных или полуавтономных школ разрешено самостоятельно выходить на рынок и определять, какие товары и услуги им необходимы для выполнения своих функций, выбирать поставщика, получать нужный товар и услуги и расплачиваться за них.

Правительствам и министерствам образования стран, желающих быть конкурентными на образовательной арене, следует уделять внимание цифровизации и расширению доступа в интернет, которые прямо способствуют росту профессиональных компетенций педагогов и расширяют возможности обучения школьников посредством доступа к сетям массовых коммуникаций и обмена опытом.

Выявленные различия, как представляется, не связаны напрямую с религиозными или культурными особенностями стран-участниц TALIS-2018, ответ стоит искать скорее в сфере образовательной политики и социально-экономической жизни. Это свидетельствует о том, что школьное образование в разных странах всё больше становится интернациональным, т. е. работает на базе сходных ценностей и методик. При этом многие проблемы также имеют международный характер. От директоров требуется не только выполнять административные функции, но также воспитывать педагогические кадры и быть проводниками концептуальных изменений в образовательной среде школы.

В исследовании также подтвердился ряд положений, сформулированных в предшествующих работах:

- непосредственное руководство учебной работой со стороны директора повышает качество образования,
- бюрократизация труда и значительный объём административной работы директора отрицательно связан с возможностями педагогического лидерства, в том числе трансляции педагогического опыта,
- есть значительная потребность в подготовке педагогов, имеющих специализированные навыки (для работы с учащимися из неблагополучных групп и из инокультурной среды),
- для модернизации школы очень важна её цифровизация,
- наличие автономии повышает качество работы школы.

Перспективы дальнейших исследований связаны с выявлением социально-экономических и правовых причин развития проблем, ограничивающих деятельность школы. Также представляет интерес изучить динамику изменений по результатам следующего опроса данного проекта, результаты которого ожидаются в конце 2025 года. В целом следует отметить, что открытый доступ к базам данных таких крупномасштабных проектов предоставляет возможность исследователям проводить различные виды статистического анализа, что в целом расширяет понимание процессов в сфере школьного образования. В рамках данной статьи не рассматривалась связь между выявленными кластерами проблем и особенностями национальных образовательных систем, что, безусловно, представляет интерес для отдельного анализа. Вместе с тем представляет интерес анализ динамики изменений, произошедших за последние годы: возможно предположить, что интенсивное развитие искусственного интеллекта, пандемия COVID-19 и другие масштабные события оказали влияние на характер барьеров, с которыми сталкиваются организации среднего образования как во всём мире, так и в отдельно взятых странах, регионах и населенных пунктах. Авторы данной статьи планируют ряд публикаций на обозначенную тематику с использованием всесторонних аналитических подходов, изучением различных аспектов, а также применением сравнительного анализа данных опросов проекта TALIS 2018 и 2025 годов, подобный подход способствует расширению понимания вызовов, возникающих перед современными школами.

Благодарность

Данное исследование стало возможным благодаря участию Казахстана в международном исследовании по вопросам преподавания и обучения исследовательского проекта Teaching and Learning International Survey (TALIS), который нацелен на анализ образовательной среды в мире и основан на масштабном международном опросе учителей и директоров школ.

Вклад авторов:

Шабденова Айжан Базархановна – критический анализ и доработка текста; изучение концепции; подготовка начального варианта текста; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных.

Кузьменков Владимир Александрович – визуализация/представление данных в тексте; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных.

Список литературы

Abylkassymova, A.E. (2020) 'System modernization of general secondary education in the Republic of Kazakhstan', *Revista Tempos e Espaços em Educação*, 13(32). Available at: <https://doi.org/10.20952/revtee.v13i32.13334>.

Ahn, J., Wang, Y. and Lee, Y. (2023) 'Interplay between leadership and school-level conditions: A review of literature on the Teaching and Learning International Survey (TALIS)', *Educational Management Administration and Leadership* [Preprint]. Available at: <https://doi.org/10.1177/17411432231177835>.

Akbar, S. and Woods, K. (2019) 'The experiences of minority ethnic heritage parents having a child with SEND: a systematic literature review', *British Journal of Special Education*, 46(3). Available at: <https://doi.org/10.1111/1467-8578.12272>.

Ärlestig, H., Day, C. and Johansson, O. (2016) 'International School Principal Research', in *A Decade of Research on School Principals*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-23027-6_1.

ATASOY, R. (2021) 'LEADERSHIP MAP OF SEVEN COUNTRIES ACCORDING TO TALIS 2018', *International Journal of Eurasian Education and Culture*, 6(14). Available at: <https://doi.org/10.35826/ijoecc.431>.

Bellibaş, M.Ş., Gümüş, S. and Liu, Y. (2021) 'Does school leadership matter for teachers' classroom practice? The influence of instructional leadership and distributed leadership on instructional quality', *School Effectiveness and School Improvement*, 32(3). Available at: <https://doi.org/10.1080/09243453.2020.1858119>.

Burić, I. and Kim, L.E. (2021) 'Job satisfaction predicts teacher self-efficacy and the association is invariant: Examinations using TALIS 2018 data and longitudinal Croatian data', *Teaching and Teacher Education*, 105. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103406>.

Chen, D., Ning, B. and Bos, W. (2022) 'Relationship between Principal Leadership Style and Student Achievement: A Comparative Study between Germany and China', *SAGE Open*, 12(2). Available at: <https://doi.org/10.1177/21582440221094601>.

Chen, J., Bellibaş, M.Ş. and Gümüş, S. (2023) 'Impact of school climate and resources on principal workload stress and job satisfaction: multinational evidence from TALIS 2018 data', *Journal of Educational Administration*, 61(5). Available at: <https://doi.org/10.1108/JEA-08-2022-0128>.

Chugani, C.D. et al. (2022) 'Implementing Dialectical Behavior Therapy Skills Training for Emotional Problem Solving for Adolescents (DBT STEPS-A) in a Low-Income School', *School Mental Health*, 14(2). Available at: <https://doi.org/10.1007/s12310-021-09472-4>.

Delprato, M. and Chudgar, A. (2018) 'Factors associated with private-public school performance: Analysis of TALIS-PISA link data', *International Journal of Educational Development*, 61. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.01.002>.

Håkansson Lindqvist, M. and Pettersson, F. (2019) 'Digitalization and school leadership: on the complexity of leading for digitalization in school', *International Journal of Information and Learning Technology*, 36(3). Available at: <https://doi.org/10.1108/IJILT-11-2018-0126>.

Hämäläinen, R. et al. (2021) 'Understanding teaching professionals' digital competence: What do PIAAC and TALIS reveal about technology-related skills, attitudes, and knowledge?', *Computers in Human Behavior*, 117. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106672>.

Hejres, S., Braganza, A. and Aldabi, T. (2017) 'Investigating the Effectiveness of Leadership Styles on Instructional Leadership and Teachers Job Expectancy in Kingdom of Bahrain', *American Journal of Educational Research*, 5(7). Available at: <https://doi.org/10.12691/education-5-7-2>.

Jerrim, J. and Sims, S. (2022) 'School accountability and teacher stress: international evidence from the OECD TALIS study', *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*, 34(1). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11092-021-09360-0>.

Juvonen, J. et al. (2019) 'Promoting Social Inclusion in Educational Settings: Challenges and Opportunities', *Educational Psychologist*, 54(4). Available at: <https://doi.org/10.1080/00461520.2019.1655645>.

Kouhsari, M., Chen, J. and Baniasad, S. (2023) 'Multilevel analysis of teacher professional well-being and its influential factors based on TALIS data', *Research in Comparative and International Education*, 18(3). Available at: <https://doi.org/10.1177/17454999221143847>.

Kruskal, J. and Wish, M. (2011) *Multidimensional Scaling*, Multidimensional Scaling. Available at: <https://doi.org/10.4135/9781412985130>.

Liu, S., Keeley, J.W. and Sui, Y. (2023) 'Multi-level analysis of factors influencing teacher job satisfaction in China: evidence from the TALIS 2018', *Educational Studies*, 49(2). Available at: <https://doi.org/10.1080/03055698.2020.1837615>.

Liu, Y., Bellibas, M.S. and Printy, S. (2018) 'How school context and educator characteristics predict distributed leadership: A hierarchical structural equation model with 2013 TALIS data', *Educational Management Administration and Leadership*, 46(3). Available at: <https://doi.org/10.1177/1741143216665839>.

OECD (2019) *OECD Multilingual Summaries TALIS 2018 Results (Volume I) Teachers and School Leaders as Lifelong Learners*, OECD Publishing.

Ólafsson, R.F. and Hansen, B. (2022) 'Characteristics of the Authority Basis of Icelandic Compulsory School Principals in Comparison to Other TALIS Countries', *Education Sciences*, 12(3). Available at: <https://doi.org/10.3390/educsci12030219>.

Pinskaya, M.A. et al. (2016) 'What Did We Learn About Our Teachers and Principals? Results of the TALIS-2013 International Comparative Study', *Russian Education and Society*, 58(7-8). Available at: <https://doi.org/10.1080/10609393.2016.1298372>.

Printy, S. and Liu, Y. (2021) 'Distributed Leadership Globally: The Interactive Nature of Principal and Teacher Leadership in 32 Countries', *Educational Administration Quarterly*, 57(2). Available at: <https://doi.org/10.1177/0013161X20926548>.

Raud, N. and Orekhova, O. (2022) 'Training teachers for multilingual primary schools in Europe: key components of teacher education curricula', *International Journal of Multilingualism*, 19(1). Available at: <https://doi.org/10.1080/14790718.2020.1718678>.

Reeves, T.D. and Hamilton, V. (2022) 'Relationships between teacher education mechanisms and teacher practices, self-efficacy, and job satisfaction in the U.S.: An analysis of TALIS 2018', *Studies in Educational Evaluation*, 75. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.stueduc.2022.101216>.

Rodríguez-Gallego, M.R., Ordóñez Sierra, R. and López-Martínez, A. (2019) 'La dirección escolar: Liderazgo pedagógico y mejora escolar', *Revista de Investigación Educativa*, 38(1). Available at: <https://doi.org/10.6018/rie.364581>.

Rott, B. and Marouane, C. (2017) 'Digitalization in schools - Organization, collaboration and communication', in *Digital Marketplaces Unleashed*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-662-49275-8_14.

Sánchez, A.V. (2019) 'Leadership: A key to innovation and educational change', *Revista de Investigación Educativa*. Available at: <https://doi.org/10.6018/rie.37.2.365461>.

Sanz Ponce, R., Morales Yago, F. and González Bertolín, A. (2022) 'Directores escolares ante el síndrome de burnout: dimensiones, factores de riesgo y sintomatología', *Hacia la Promoción de la Salud*, 27(1). Available at: <https://doi.org/10.17151/hpsal.2022.27.1.3>.

Veletić, J. and Olsen, R.V. (2021) 'Exploring school leadership profiles across the world: a cluster analysis approach to TALIS 2018', *International Journal of Leadership in Education* [Preprint]. Available at: <https://doi.org/10.1080/13603124.2021.1953612>.

Veletić, J., Price, H.E. and Olsen, R.V. (2023) 'Teachers' and principals' perceptions of school climate: the role of principals' leadership style in organizational quality', *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*, 35(4). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11092-023-09413-6>.

Wagner, J. (2019) 'Financial education and financial literacy by income and education groups', *Journal of Financial Counseling and Planning*, 30(1). Available at: <https://doi.org/10.1891/1052-3073.30.1.132>.

Xia, J. and O'Shea, C. (2023) 'To What Extent Does Distributed Leadership Support Principal Instructional Leadership? Evidence from TALIS 2013 Data', *Leadership and Policy in Schools*, 22(4). Available at: <https://doi.org/10.1080/15700763.2022.2056059>.

Бысик Н. В. et al. (2016) *Директор школы в меняющихся условиях: вызовы и управленческие стратегии*. Вып. 2 (91). Москва: НИУ ВШЭ.

Международное исследование преподавания и обучения TALIS-2018: первые результаты Казахстана, Национальный отчет, первый том / Министерство образования и науки Республики Казахстан (2019). Нур-Султан.

ОЭСР, База данных TALIS за 2018 год (2018).

А.Б. Шабденова*¹, В.А. Кузьменков²

¹*әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан*

²*ФГАОУ ВО Ресей Денсаулық сақтау министрлігі Сеченов атындағы бірінші МММУ, Мәскеу, Ресей*

**Орта білім беру ұйымдарының қызметі: шарттары мен шектеу аспектілері
(TALIS халықаралық сауалнамасына сәйкес)**

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты - мектеп проблемаларының пайда болуының әлеуметтік жағдайларын талдау. Эмпирикалық база-TALIS халықаралық зерттеуінің деректері, іріктеме 15 980 респондентті құрайды. Көпөлшемді масштабтау мен кластерлеудің математикалық процедураларының көмегімен сауалнама мәселесі бойынша деректерге талдау жүргізілді, онда мектеп директорларына ұйымның қызметін қиындататын мәселелерді белгілеу ұсынылды. Зерттеу көрсеткендей, директорлардың үштен бірі мүмкіндігі шектеулі оқушыларды оқытуға қабілетті мұғалімдер мен көмекші персоналдың жетіспеушілігін, цифрлық технологиялармен, оқу кеңістігімен және физикалық инфрақұрылыммен қиындықтарды азырақ атап өтеді, әрбір төртінші басшы оқушылармен қарым-қатынас жасауға уақыттың жетіспеушілігін көреді. Мақаланың ғылыми маңыздылығы орта білім беру саласындағы проблемаларды түсіну үшін белгіленген зерттеуді талдау әдістерін кеңейту болып табылады. Модельдеу нәтижелері бойынша екі шкала мен алты кластер алынды, олар мектеп мәселелерін бір жағынан материалдық бағыттарға бөлуге болатындығын көрсетті (цифрлық технологиялардың жетіспеушілігі, физикалық инфрақұрылымның сәйкес келмеуі, Интернетке қол жетімділіктің шектелуі, оқу материалдарының жетіспеушілігі) және адамға бағытталған аспектілер (мұғалімдер мен көмекші персоналдың жетіспеушілігі, уақыттың жетіспеушілігі тәлімгерлік үшін); екінші жағынан, негізгі (мұғалімдердің біліктілігі төмен және оқу әдебиеттерімен қиындықтар) және перспективалық (мұғалімдердің кәсіби өсуі және сапалы оқыту, соның ішінде инклюзивті білім беру) проблемалары бар. Мектеп мәселелерін және олардың әлеуметтік факторлармен байланысын түсіну орта білім беру саясатын әзірлеу кезінде ақпараттандырылған шешімдер қабылдауға ықпал етеді.

Негізгі ұғымдар: мектеп директорлары, TALIS, көп өлшемді масштабтау, мектеп мәселелері, мұғалімдердің біліктілігі, мектеп автономиясы, цифрландыру.

A.B. Shabdenova*¹, V.A. Kuzmenkov²

¹*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*

²*Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

**Activities of secondary education organizations: conditions and limiting aspects
(according to the international TALIS survey)**

Abstract. The purpose of the article is to analyze the social conditions of school problems. The empirical basis is the data from the international TALIS study; the sample consists of 15,980 respondents. Using mathematical procedures of multidimensional scaling and clustering, analysis of the data on the

questionnaire was carried out, in which school principals were asked to identify problems complicating the organization's activities. The study shows that a third of the principals note a shortage of teachers capable of teaching students with disabilities and support staff, slightly less – difficulties with digital technologies, the availability of educational space and physical infrastructure, and one in four supervisors sees a lack of time to communicate with students. The scientific significance of the article lies in the expansion of the methods of analysis of the indicated research to understand the problems in the field of secondary education. Based on the results of the simulation, two scales and six clusters were obtained, which showed that school problems can be divided, on the one hand, into material-oriented (lack of digital technologies, inadequate physical infrastructure, limited Internet access, lack of educational materials) and human-oriented aspects (lack of teachers and support staff, lack of time for mentoring); On the other hand, there are basic problems (low qualifications of teachers and difficulties with educational literature) and promising ones (professional growth of teachers and high-quality teaching, including inclusive education). Understanding school issues and their relationship to social factors contributes to informed decision-making in policy development in secondary education.

Keywords: school principals, TALIS, multidimensional scaling, school problems, teacher qualifications, school autonomy, digitalization.

References

- Abylkassymova, A.E. (2020) 'System modernization of general secondary education in the Republic of Kazakhstan', *Revista Tempos e Espaços em Educação*, 13(32). Available at: <https://doi.org/10.20952/revtee.v13i32.13334>.
- Ahn, J., Wang, Y. and Lee, Y. (2023) 'Interplay between leadership and school-level conditions: A review of literature on the Teaching and Learning International Survey (TALIS)', *Educational Management Administration and Leadership* [Preprint]. Available at: <https://doi.org/10.1177/17411432231177835>.
- Akbar, S. and Woods, K. (2019) 'The experiences of minority ethnic heritage parents having a child with SEND: a systematic literature review', *British Journal of Special Education*, 46(3). Available at: <https://doi.org/10.1111/1467-8578.12272>.
- Ärlestig, H., Day, C. and Johansson, O. (2016) 'International School Principal Research', in *A Decade of Research on School Principals*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-23027-6_1.
- ATASOY, R. (2021) 'LEADERSHIP MAP OF SEVEN COUNTRIES ACCORDING TO TALIS 2018', *International Journal of Eurasian Education and Culture*, 6(14). Available at: <https://doi.org/10.35826/ijoecc.431>.
- Bellibaş, M.Ş., Gümüş, S. and Liu, Y. (2021) 'Does school leadership matter for teachers' classroom practice? The influence of instructional leadership and distributed leadership on instructional quality', *School Effectiveness and School Improvement*, 32(3). Available at: <https://doi.org/10.1080/09243453.2020.1858119>.
- Burić, I. and Kim, L.E. (2021) 'Job satisfaction predicts teacher self-efficacy and the association is invariant: Examinations using TALIS 2018 data and longitudinal Croatian data', *Teaching and Teacher Education*, 105. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103406>.
- Chen, D., Ning, B. and Bos, W. (2022) 'Relationship between Principal Leadership Style and Student Achievement: A Comparative Study between Germany and China', *SAGE Open*, 12(2). Available at: <https://doi.org/10.1177/21582440221094601>.

Chen, J., Bellibaş, M.Ş. and Gümüş, S. (2023) 'Impact of school climate and resources on principal workload stress and job satisfaction: multinational evidence from TALIS 2018 data', *Journal of Educational Administration*, 61(5). Available at: <https://doi.org/10.1108/JEA-08-2022-0128>.

Chugani, C.D. et al. (2022) 'Implementing Dialectical Behavior Therapy Skills Training for Emotional Problem Solving for Adolescents (DBT STEPS-A) in a Low-Income School', *School Mental Health*, 14(2). Available at: <https://doi.org/10.1007/s12310-021-09472-4>.

Delprato, M. and Chudgar, A. (2018) 'Factors associated with private-public school performance: Analysis of TALIS-PISA link data', *International Journal of Educational Development*, 61. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.01.002>.

Håkansson Lindqvist, M. and Pettersson, F. (2019) 'Digitalization and school leadership: on the complexity of leading for digitalization in school', *International Journal of Information and Learning Technology*, 36(3). Available at: <https://doi.org/10.1108/IJILT-11-2018-0126>.

Hämäläinen, R. et al. (2021) 'Understanding teaching professionals' digital competence: What do PIAAC and TALIS reveal about technology-related skills, attitudes, and knowledge?', *Computers in Human Behavior*, 117. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106672>.

Hejres, S., Braganza, A. and Aldabi, T. (2017) 'Investigating the Effectiveness of Leadership Styles on Instructional Leadership and Teachers Job Expectancy in Kingdom of Bahrain', *American Journal of Educational Research*, 5(7). Available at: <https://doi.org/10.12691/education-5-7-2>.

Jerrim, J. and Sims, S. (2022) 'School accountability and teacher stress: international evidence from the OECD TALIS study', *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*, 34(1). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11092-021-09360-0>.

Juvonen, J. et al. (2019) 'Promoting Social Inclusion in Educational Settings: Challenges and Opportunities', *Educational Psychologist*, 54(4). Available at: <https://doi.org/10.1080/00461520.2019.1655645>.

Kouhsari, M., Chen, J. and Baniasad, S. (2023) 'Multilevel analysis of teacher professional well-being and its influential factors based on TALIS data', *Research in Comparative and International Education*, 18(3). Available at: <https://doi.org/10.1177/17454999221143847>.

Kruskal, J. and Wish, M. (2011) *Multidimensional Scaling*, Multidimensional Scaling. Available at: <https://doi.org/10.4135/9781412985130>.

Liu, S., Keeley, J.W. and Sui, Y. (2023) 'Multi-level analysis of factors influencing teacher job satisfaction in China: evidence from the TALIS 2018', *Educational Studies*, 49(2). Available at: <https://doi.org/10.1080/03055698.2020.1837615>.

Liu, Y., Bellibas, M.S. and Printy, S. (2018) 'How school context and educator characteristics predict distributed leadership: A hierarchical structural equation model with 2013 TALIS data', *Educational Management Administration and Leadership*, 46(3). Available at: <https://doi.org/10.1177/1741143216665839>.

OECD (2019) *OECD Multilingual Summaries TALIS 2018 Results (Volume I) Teachers and School Leaders as Lifelong Learners*, OECD Publishing.

Ólafsson, R.F. and Hansen, B. (2022) 'Characteristics of the Authority Basis of Icelandic Compulsory School Principals in Comparison to Other TALIS Countries', *Education Sciences*, 12(3). Available at: <https://doi.org/10.3390/educsci12030219>.

Pinskaya, M.A. et al. (2016) 'What Did We Learn About Our Teachers and Principals? Results of the TALIS-2013 International Comparative Study', *Russian Education and Society*, 58(7–8). Available at: <https://doi.org/10.1080/10609393.2016.1298372>.

Printy, S. and Liu, Y. (2021) 'Distributed Leadership Globally: The Interactive Nature of Principal and Teacher Leadership in 32 Countries', *Educational Administration Quarterly*, 57(2). Available at: <https://doi.org/10.1177/0013161X20926548>.

Raud, N. and Orekhova, O. (2022) 'Training teachers for multilingual primary schools in Europe: key components of teacher education curricula', *International Journal of Multilingualism*, 19(1). Available at: <https://doi.org/10.1080/14790718.2020.1718678>.

Reeves, T.D. and Hamilton, V. (2022) 'Relationships between teacher education mechanisms and teacher practices, self-efficacy, and job satisfaction in the U.S.: An analysis of TALIS 2018', *Studies in Educational Evaluation*, 75. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.stueduc.2022.101216>.

Rodríguez-Gallego, M.R., Ordóñez Sierra, R. and López-Martínez, A. (2019) 'La dirección escolar: Liderazgo pedagógico y mejora escolar', *Revista de Investigación Educativa*, 38(1). Available at: <https://doi.org/10.6018/rie.364581>.

Rott, B. and Marouane, C. (2017) 'Digitalization in schools - Organization, collaboration and communication', in *Digital Marketplaces Unleashed*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-662-49275-8_14.

Sánchez, A.V. (2019) 'Leadership: A key to innovation and educational change', *Revista de Investigación Educativa*. Available at: <https://doi.org/10.6018/rie.37.2.365461>.

Sanz Ponce, R., Morales Yago, F. and González Bertolín, A. (2022) 'Directores escolares ante el síndrome de burnout: dimensiones, factores de riesgo y sintomatología', *Hacia la Promoción de la Salud*, 27(1). Available at: <https://doi.org/10.17151/hpsal.2022.27.1.3>.

Veletić, J. and Olsen, R.V. (2021) 'Exploring school leadership profiles across the world: a cluster analysis approach to TALIS 2018', *International Journal of Leadership in Education* [Preprint]. Available at: <https://doi.org/10.1080/13603124.2021.1953612>.

Veletić, J., Price, H.E. and Olsen, R.V. (2023) 'Teachers' and principals' perceptions of school climate: the role of principals' leadership style in organizational quality', *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*, 35(4). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11092-023-09413-6>.

Wagner, J. (2019) 'Financial education and financial literacy by income and education groups', *Journal of Financial Counseling and Planning*, 30(1). Available at: <https://doi.org/10.1891/1052-3073.30.1.132>.

Xia, J. and O'Shea, C. (2023) 'To What Extent Does Distributed Leadership Support Principal Instructional Leadership? Evidence from TALIS 2013 Data', *Leadership and Policy in Schools*, 22(4). Available at: <https://doi.org/10.1080/15700763.2022.2056059>.

Bysik N. V. et al. (2016) *Direktor shkoly v menyayushchihsya usloviyah: vyzovy i upravlencheskie strategii*. Vyp. 2 (91). Moskva: NIU VShE.

Mezhdunarodnoe issledovanie prepodavaniya i obucheniya TALIS-2018: pervye rezul'taty Kazahstana, Nacional'nyj otchet, pervyj tom / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazahstan (2019). Nur-Sultan.

OESR, Baza dannyh TALIS za 2018 god (2018).

Сведения об авторах

Шабденова А.Б. – автор для корреспонденции, PhD по социологии, и.о. доцента кафедры социологии и социальной работы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, ул. Масанчи, 39/47, УК4, 050038, Алматы, Казахстан.

Кузьменков В.А. – доцент кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования Института социальных наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), Большой Патриарший переулок, д. 3, стр. 1, г. Москва, Россия.

Авторлар туралы мәліметтер

Шабденова А.Б. – хат-хабар авторы, PhD, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасы, ның доцентінің м.а., Масанчи к-сі, 39/47, УК4, 050038, Алматы, Қазақстан.

Кузьменков В.А. – әлеуметтік ғылымдар институтының медицина, экономика, денсаулық сақтау және медициналық сақтандыру, әлеуметтану кафедрасының доценті, Ресей Федерациясы Денсаулық сақтау министрлігінің И.М. Сеченов атындағы Бірінші Мәскеу мемлекеттік медицина университеті (Сеченов университеті), Үлкен патриархалдық жолақ, 3-үй, 1-бет, Мәскеу, Ресей.

Information about authors

Shabdenova A.B. – corresponding author, PhD in Sociology, Acting Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, Al-Farabi Kazakh National University, 39/47 Masanchi str., UK4, 050038, Almaty, Kazakhstan.

Kuzmenkov V.A. – Associate Professor, Department of Sociology of Medicine, Health Economics and Medical Insurance, Institute of Social Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Bolshoy Patriarchal Lane, 3, building 1, Moscow, Russia.

Редакторы: Н.О. Байгабылов

Gumilyov Journal of Sociology
– 2 (151)/2025 – Астана: ЕҰУ. – 194 б.

Шартты б.т. – 79,1. Таралымы – сұраныс бойынша
Басуға қол қойылды: 25.06.2025
Ашық қолданыстағы электронды нұсқа: <https://socjournal.enu.kz>

Мазмұнына типография жауап бермейді

Редакция мекен-жайы: 010008, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Сәтбаев көшесі, 2.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Тел.: +7(7172) 709-500, (ішкі 35-108)
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің баспасында басылды